ББК 65

Гобозов И.А. Введение в философию истории. — Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М.: ТЕИС, 1999. — 363 с.

Что такое философия истории? Чем она отличается от других общественных наук? Почему онтологические и гносеологические проблемы необходимо рассматривать в неразрывном единстве? В чем заключается проблема разума в истории? Что такое харизматический лидер? На эти и другие вопросы читатель найдет ответы в книге известного российского философа профессора И.А. Гобозова. Она адресована студентам, аспирантам, преподавателям философии, а также всем тем, кто интересуется философским исследованием исторического процесса.

Гобозов Иван Аршакович — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академик Международной академии информатизации, главный редактор журнала «Философия и общество». Основные научные труды: «Современная французская буржуазная философия истории»; «Общественный прогресс и будущее человечества»; «Философия истории Р.Арона»; «Философия истории «новых правых»; «Марксизм и философская антропология»; «Смысл и направленность исторического процесса»; «Феномен власти»; «Социально-философский анализ бюрократии и бюрократизма»; «Философия политики».

Переводы с французского: «Французские марксисты о диалектике», Ж.М. Денкэн «Политическая наука»; Р.Арон «Мнимый марксизм»; «Критическая философия истории»; «Измерения исторического сознания»; «Лекции по философии истории» и др.

ISBN5-7218-0220-0

© ТЕИС, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Объект философии истории

1. Формирование предмета философии истории 14
2. Философия истории и история. Философия истории и социология. Философия истории и социальная философия. Философия истории, философия политики и политология 28

Глава 2. Единство природного и социального в общественном развитии

1. Место человечества в мироздании 39
2. Современная эпоха и экологический кризис 48

Глава 3. Проблемы детерминизма в философии истории

1. Поиски движущих сил общественного развития 56
2. Общество как структурированное целое. Варианты и инварианты. Детерминанты и доминанты 70

Глава 4. Периодизация исторического процесса

1. Философско-исторические воззрения Вико, Кондорсе, Гегеля, Маркса на периодизацию всемирной истории ... 77
2. Цивилизация и культура 89

Глава 5. Историческое пространство

1. Становление единого исторического пространства 107
2. Современный мир и единое историческое пространство 111

Глава 6. Историческое время

1. Историческое время — разновидность социального времени 128
2. Время и историческая эпоха 136

Глава 7. Единство и многообразие исторического процесса

1. Основы единства всемирной истории 140
2. Многообразие всемирной истории 149

Глава 8. Человек и история

1. Индивид. Человек. Личность 156
2. Человек. Свобода. Ответственность 161
3. Гуманизм и человек 172

Глава 9. Смысл истории

1. Смысл и направленность исторического процесса 177
2. Смысл истории и общественный прогресс 187

Глава 10. Исторический процесс и проблема выбора путей развития

1. Диалектика объективного и субъективного в истории 196
2. Возможности выбора путей развития в рамках данной ситуации 200

Глава 11. Философия политики

1. Место и роль политики в общественной жизни 207
2. Государство и его роль в обществе 228
3. Феномен бюрократии 236
4. Война и политика 243
5. Политика и предвидение 250

Глава 12. Историческое познание

1. Специфика социального познания 260
2. Историческое познание — разновидность социального знания 269

Глава 13. Исторические факты и их объяснение

1. Аспекты исследования исторических фактов 282
2. Модели объяснения исторических фактов 288

Глава 14. Проблема истины в историческом познании

1. Истина и заблуждение 300
2. Критерий истины 304

Глава 15. Проблема разума в истории

1. Рациональное и иррациональное в обществе 307
2. Необходимость и случайность в истории 314

Глава 16. Субъекты истории

1. Понятия «народ», «нация», «масса», «толпа» 318
2. Социальные классы 324
3. Великие личности в истории 330
4. Харизматический лидер. Культ личности 343
5. Роль самосознания народа в историческом процессе 360

ВВЕДЕНИЕ

Снова пришло время философии истории. Ретроспективный взгляд на социальную теорию показывает, что необходимость философско-исторических исследований возникает на крутых поворотах истории, когда происходят качественные изменения в общественных процессах и феноменах. Вспомним начало зарождения буржуазных общественных отношений, когда ломались старые представления об обществе и людях, когда вместо религиозного миропонимания нужны были совершенно новые взгляды на окружающую социальную и природную действительность, именно философско-исторические концепции могли помочь новому зарождающемуся обществу, обрести, так сказать, уверенность в будущем и смело прокладывать себе дорогу. Нельзя не вспомнить в этой связи итальянского мыслителя Джамбаттисту Вико, создавшего целостную философско-историческую концепцию и оказавшего огромное влияние на последующих исследователей. А фундаментальная работа Гердера «И еще одна философия истории для воспитания человечества», по словам ее автора, очень быстро разошлась.

В XIX веке философско-историческая концепция Гегеля овладевает умами многих философов. Восхваление Разума Гегелем, рационализм начинают доминировать в первой половине прошлого века.

Маркс — величайший мыслитель и революционер — продолжает рационалистические и диалектические традиции Гегеля. Но его философия истории коренным образом отличается от философии истории Гегеля. Он совершает научную революцию в обществознании, в том числе в философии истории. В отличие от Гегеля он дает материалистическое объяснение исторических процессов и явлений. Маркс создает материалистическое понимание истории и вместе с тем выступает сторонником оптимистических философско-исторических воззрений на общество. Он считает, что прогресс человечества приведет к такому социальному строю, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. «Проекты философии истории XVIII в. и эволюционные теории общества XIX в. можно определить как

попытки решить проблему идентичности посредством соответствующего требования к научности толкования всеобщей истории. Такая функция объясняет двойную рефлексивность философии истории. Она воплощает именно новый тип теории, раскрывающей условия, при которых только и становится возможной саморефлексия человеческой истории, а значит, и она сама. Одновременно философия истории называет и адресата, который с помощью теории о самом себе и о своей потенциально освободительной роли в процессе может просветить себя. Уже в теориях XVII в. закладывается то, что позже формулируется в историческом материализме: размышляя о своем возникновении и своем возможном применении, теория определяет себя как необходимый катализирующий момент той самой общественной жизни, которую она анализирует»[1].

Но в XIX веке одновременно с рационалистическими и оптимистическими концепциями начинают возникать иррационалистические и нигилистические взгляды на исторический процесс. Здесь пальма первенства принадлежит Ф.Ницше. Он заявил, что философия не должна заниматься истиной, что философ не должен приносить себя в жертву истине. «Мученичество философа, его «принесение себя в жертву истине» обнаруживает то, что было в нем скрыто агитаторского и актерского...»[2] Таким образом, Ницше уже «освободил» философов от поисков истины и тем самым он превратил философию в философствование, когда можно рассуждать о чем угодно и как угодно, но не пытаться установить те или иные истины.

В XX веке многие философы стали решительно отвергать оптимистические философско-исторические воззрения на общество. Они заявили, что эти воззрения носят линеарный характер, поскольку якобы не учитывают сложность и многообразие всего исторического процесса. Наиболее рельефно эта точка зрения была высказана О.Шпенглером. «Вместо безрадостной картины, – писал

---

[1] Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 285—286.
[2] Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 261.

Шпенглер, — линеарной всемирной истории, поддерживать которую можно лишь закрывая глаза на подавляющую груду фактов, я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканящих каждая на своем материале — человечестве — *собственную* форму и имеющих каждая *собственную* идею; *собственные* страсти, *собственную* жизнь, воления, чувствования, *собственную* смерть»[3]. Немецкий философ истории в цивилизации видит гибель культуры, поскольку он считает, что цивилизация как продукт города уничтожает культурные ценности.

Вслед за Шпенглером в западной философской литературе все больше и больше стали писать о кризисе и гибели культуры. Ортега-и-Гасет заговорил о дегуманизации искусства. Голосом пессимиста запел и П.Сорокин: «Все важнейшие аспекты жизни, — писал он, — уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей *чувственной* культурой нашего лучезарного вчера и грядущей *идеациональной* культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков... Свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»[4].

Эти строки П.Сорокин писал в конце 30-х годов. Под кризисом он тогда подразумевал духовный кризис западного общества. Причем выражал надежду, что этот кризис будет в конце концов преодолен. Однако сегодня, в конце XX столетия, мы наблюдаем не только духовный

---

[3] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. С. 151.

[4] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

кризис западного общества, но и **глобальный кризис**, охвативший все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, социальную и духовную. Начнем с анализа экономической сферы. В отличие от прошлых веков сегодня налицо единое международное экономическое пространство. Все государства мира так или иначе сотрудничают в области производства материальных ценностей. Мы можем говорить о мировых **производственных отношениях и мировых производительных силах**, поскольку все народы действительно вступают в определенные, независящие от их воли отношения. Ни один народ сейчас не может ту или иную продукцию производить в одиночку, так как он должен использовать для этого соответствующие орудия производства, станки, машины, приборы и т.д., которые производятся другими государствами. Но анализ структуры мировых производственных отношений показывает, что народы и государства занимают совершенно различное положение. Так, экономически сильно развитые государства играют доминирующую роль в отношении менее развитых. Они используют сырьевые ресурсы слабых государств, дают им под большие проценты кредиты, которые не всегда применяются по назначению. Это приводит к тому, что растет долг слаборазвитых государств. Они не в состоянии развивать национальную экономику, поднимать жизненный уровень своего народа. Миллионы людей не удовлетворяют элементарных потребностей, сотни тысяч умирают от голода. Отсюда неизбежные противоречия между слаборазвитыми и развитыми государствами (или между Севером и Югом).

Но сами развитые государства тоже переживают время от времени экономические кризисы, о чем свидетельствуют многие факты из современной жизни. Десятки миллионов граждан этих государств не удовлетворяют общественно необходимые потребности, то есть потребности, которые порождены современным уровнем производства. Миллионы оказались в маргиналах. Они фактически исключены из жизни общества. В самом незавидном положении находится молодежь — будущее любого общества. Растет неуверенность в завтрашнем дне. Увеличивается число и нервных заболеваний, нередко приводящих к суицидам.

Наблюдается кризис и в социальной сфере. Много пишут о том, что якобы в современных развитых странах роль стабилизирующего фактора играет средний класс. Причем главным критерием отнесения того или иного индивида к такому классу объявляется уровень доходов. Но этот показатель не может быть главным критерием по той простой причине, что он не учитывает сложившиеся стандарты жизни, традиции, обычаи, профессию и т.д. и т.п. Возьмем, например, профессора и мелкого служащего, имеющих одинаковые доходы. Можно ли на этом основании отнести их к одному и тому же среднему классу? Нет, конечно. Дело в том, что профессор кроме удовлетворения материальных потребностей должен по определению обязательно удовлетворять и свои духовные потребности. В противном случае он перестанет быть профессором. Поэтому ему требуется более высокий уровень доходов, чем мелкому служащему. Далее. Потребности людей постоянно меняются. А уровень доходов нередко остается одним и тем же. Следовательно, меняется и положение представителя среднего класса. Конечно, в целом в развитых странах жизненный уровень улучшается, но тем не менее факты свидетельствуют о том, что миллионы людей вынуждены влачить жалкое существование. Одни все больше и больше богатеют, а другие все больше и больше беднеют.

Казалось бы, в современную эпоху, когда мировая цивилизация достигла огромных успехов, всякого рода национальные конфликты должны были уйти в прошлое. Но этого не случилось. Напротив, межэтнические противоречия во многих странах нередко приводят к военным действиям. Такое положение наблюдается не только на территории бывшего СССР, но и в других регионах мира, в том числе в развитых государствах. Это говорит о том, что причины межнациональных распрей следует искать не только в экономических, но и в других явлениях. Иначе говоря, снова встают проблемы философско-исторического характера, решение которых имеет важное теоретическое и практическое значение.

Переживает острейший кризис и политическая сфера общественной жизни. Прежде всего следует подчеркнуть, что демократические формы правления, которые вот уже

несколько веков играли доминирующую роль в политической жизни буржуазных стран и которые, несомненно, способствовали раскрепощению человека, проявлению его инициативы и воли, укрепляли формы и принципы правовых взаимоотношений людей, личности и общества, личности и государства, сегодня уже не отвечают требованиям времени. Конечно, они никогда не считались идеальными, но в современную эпоху настолько деформированы и настолько уже не отвечают новым реалиям, что общество к ним относится с недоверием. Так, выборы в различные органы политического управления превратились фактически в фарс. Деньги, обман, подкуп, отчуждение граждан от власти — вот далеко не полный перечень негативных черт современной демократии. А чем ее заменить? Пока неизвестно. Но заменить ее обязательно надо. Во всяком случае, она не есть панацея от всех бед. Кроме того, она нужна не каждому народу и не каждому обществу.

Возьмем теперь духовную сферу. Здесь глобальный кризис проявляется так же глубоко, как и в экономике. На первый взгляд может показаться такое утверждение парадоксальным. Действительно, человечество на современном этапе своего развития достигло огромных успехов. По сравнению с предыдущими эпохами миллиарды людей, можно сказать, стали образованными. Они успешно используют достижения современной научно-технической революции как в общественной, так и в частной жизни. Радио, телевидение, видеотехника, компьютеры, калькуляторы и другие виды техники дают возможность человеку обогащать свой субъективный мир, осваивать все новые и новые пласты культуры.

Однако в конце XX века сложилась трагическая ситуация. Мы являемся свидетелями **деинтеллектуализации** общества. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются. Добродетельный человек, которым гордились и которого ценили высоко, считается неудачником. Теперь главное не моральные принципы и нормы, а полезность. Человек человеку нужен постольку, поскольку он полезен в данных конкретных обстоятельствах. В развитых странах все меньше и меньше читают классическую литературу, объявляя ее

ненужной и даже вредной. В школах главное внимание обращается не на духовное обогащение, а на полезность. Полезны, например, знания в области секса. Поэтому вводится курс сексологии. Взаимоотношения разных полов сводятся к чисто сексуальным отношениям. Любовь как возвышенное чувство уступает место удовлетворению животных инстинктов. Насильственно стираются различия между мужчиной и женщиной. Обоим полам навязываются одинаковые правила поведения: агрессивность, отказ от чувства стыда как комплекса «неполноценности», утверждается биологическое равенство, хотя известно, что такое равенство немыслимо. Под видом соблюдения прав человека проповедуется гомосексуализм, противоречащий природным законам. Ведь природа создала мужчину и женщину для продолжения человеческого рода, а не только для удовлетворения своих половых потребностей.

Средства массовой информации (СМИ) главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоконравственных людей, а в том, чтобы развлекать их, особенно молодежь, прививать им псевдоценности. Главное для СМИ — полезность, доходность, стремление к обогащению. Иными словами, СМИ, вместо того чтобы способствовать интеллектуализации общества, деинтеллектуализируют его. Великое достижение человечества — компьютерная техника — используется для "удовлетворения" своих сексуальных потребностей. Вместо подлинной реальности, наполненной живыми людьми со своими проблемами и чувствами появилась виртуальная реальность. Жесты, мимика, выражение лица, обычное человеческое общение заменяются голым компьютерным общением. Люди не нужны друг другу. Нужна только полезность и полезность. Технотронная эра дегуманизирует общество.

Глубокий кризис переживают гуманитарные науки. Это особенно касается философии. Сегодня ее даже критиковать невозможно, ибо она стоит ниже всякой критики. Ведь философия возникла в античную эпоху, когда человек задался вопросом: кто он и что собой представляет окружающая природная и социальная действительность. Платон писал, что начало философии есть удивление. А Аристотель подчеркивал: «Ибо и теперь и прежде

удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы»[5].

С момента своего возникновения философия играла решающую роль в формировании мировоззрения людей. Она боролась за свое место в духовной жизни общества. Ей пришлось очень тяжело, когда в средние века теология подчинила ее себе. В Новое время философия вырвалась из оков христианства и снова заняла важное место в обществе. Причем рациональная философия оттеснила на обочину остальные философские течения и направления. Она помогала людям правильно ориентироваться в сложной сети общественной жизни, находить пути выхода из тупиковых ситуаций. Она по-прежнему выполняла важные мировоззренческие функции.

Что же мы видим сегодня? На смену рационализму пришли разного рода иррационалистические концепции и течения, ликвидировавшие, по существу, философию как самостоятельную научную дисциплину. И здесь особая «заслуга» принадлежит постмодернистским и постструктуралистским течениям. Все превращается в «пост», то есть в «после»: постфилософия, постнаука, постискусство, постлитература. Не будучи философским направлением, постмодернизм претендует на то, чтобы играть роль методов социального познания. Его сторонники выступают против философии Просвещения и против рациональных средств освоения объективной действительности. Вот что пишет один из виднейших американских постмодернистов Р.Рорти во «Введении» к своей книге

[5] Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 69.

«Философия и Зеркало Природы»: «Эта книга представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции... Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чем должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «философии» как она воспринималась со времен Канта»[6]. Постмодернисты лишают философию социального смысла и сводят ее к анализу текстов, не имеющих социального содержания. Они против того, чтобы философия, как и раньше, играла важную мировоззренческую роль. Для постмодернистов нет никакой разницы между научным знанием и знанием, связанным с обычным жизненным опытом. Фактически они отвергают науку как высшую форму познания объективной действительности. Они проповедуют иррационализм в нашу эпоху, эпоху атомной энергии и глобальных проблем. И если человечество в XXI век войдет с постмодернистскими и постструктуралистскими идеями, то оно не может рассчитывать на то, что сможет решить проблемы, оставленные ему XX веком. Но будем надеяться, что различного рода постмодернистские концепции останутся в XX веке и снова возьмет верх Разум, благодаря которому человечество развивается и совершенствуется.

Философию истории можно излагать по-разному. Одни исследователи дают широкую панораму всего исторического процесса. Другие главное внимание обращают на теоретическое наследие крупнейших философов истории. Я предпочитаю проблемное изложение материала. Думаю, что такой подход дает возможность охватить наиболее фундаментальные проблемы философии истории, дать их комплексный и всесторонний анализ.

---

[6] Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

ГЛАВА 1
ОБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

1. Формирование предмета философии истории

Термин «философия истории» был введен французским просветителем Вольтером в XVIII веке. Он считал, что историк не просто должен описывать события, излагать их в хронологической последовательности, а философски истолковывать исторический процесс, рефлексировать над его бытием. Впоследствии этот термин вошел в научный оборот. Немецкий философ Гердер написал обширный труд «Идеи к философии истории человечества», в котором дается широкая панорама всей мировой истории. Как пишет немецкий просветитель, его интересовала наука, которая описывала бы всю историю человечества, начиная от его зарождения. В качестве такой науки для Гердера выступает философия истории. Философско-историческое произведение Гердера сыграло важнейшую роль в становлении философии истории как особой дисциплины.

Собственно философией истории занимался соотечественник Гердера великий Гегель. Он ввел термин «всемирная философская история», под которым подразумевал общие размышления о философии истории. Но чтобы рельефнее разъяснить это понятие, Гегель всю историографию разделил на три вида: 1) первоначальная история; 2) рефлективная история; 3) философская история.

Представители *первоначальной истории*, к которым Гегель причисляет Геродота и Фукидида, излагали исторические события, свидетелями которых сами были. Содержание трудов таких историков пространственно ограничено, так как излагалось то, что их окружало и что сами видели. Здесь историк «не прибегает к рефлексии, потому что сам духовно сжился с излагаемым им предметом и еще не вышел за его пределы»[7].

В *рефлективной истории* изложение материала уже не связывается с участием историка в описываемых событиях. Эту историю великий философ разбил на определенные виды.

---

[7] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 58.

1. *Всеобщая история.* При описании истории какого-нибудь народа, государства или всего мира главной задачей историка является обработка исторического материала с точки зрения собственного духа, отличающегося от духа материала. Он должен иметь определенные принципы, служащие ему в качестве методологии анализа материала. «Такая история, которая задается целью дать обзор продолжительных периодов или всей всемирной истории, должна в самом деле отказаться от индивидуального изображения действительности и прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций, — это сокращение производится не только в том смысле, что мысль резюмирует богатое содержание»[8].

2. *Прагматическая история.* Она предполагает описание прошлого с позиции настоящего. События, пишет Гегель, различны, но в них есть нечто общее и внутреннее. Благодаря прагматическим рефлексиям рассказы о прошлом наполняются современной жизнью.

3. *Критическая история.* В данном случае, по выражению Гегеля, излагается не сама история, а история истории, дается оценка исторических трудов, устанавливается их истинность и достоверность.

4. *Философская история.* Этот вид представляет собой переход к философской истории, когда исследователь руководствуется при изложении материала некоторыми общими философскими принципами. Философская история, или философия истории, «означает не что иное, как мыслящее рассмотрение ее»[9].

Исходя из своего основополагающего теоретического тезиса о господстве разума в мире, Гегель подчеркивает, что всемирно-исторический процесс совершается разумно. «Разум есть *субстанция,* а именно — то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть *бесконечная мощь,* потому что разум не настолько бессилен, чтобы ограничиваться идеалом, долженствованием и существовать как нечто особенное, лишь вне действительности, неведомо где, в головах некоторых людей. Разум есть *бесконечное содержание,* вся суть и ис-

[8] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 61.
[9] Там же. С. 63.

тина...»[10] Философия истории, продолжает он, должна рассматривать историю в том виде, в каком она существовала, она должна изучать факты и события и не допускать априорных вымыслов. И чтобы получить истинные знания, разум должен постоянно размышлять, а не бездействовать.

По мысли Гегеля, философия истории ищет некие общие принципы в истории, которые присущи всей мировой истории. Главным из этих принципов является разум. В данном случае немецкий мыслитель под разумом понимает закономерности развития исторического процесса. С его точки зрения, все действительное разумно и все разумное действительно. Разумно то, что необходимо и закономерно, а то, что необходимо и закономерно, в то же время действительно.

Другим принципом выступает поиск конечной цели мира, а такой целью является свобода. Поэтому можно сказать, что всемирная история «является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому, как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю»[11]. Окончательный вывод Гегеля: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, который мы должны познать в его необходимости»[12].

Философия истории, продолжает Гегель, показывает, как народы и государства стремились к свободе, как ради нее в течение долгого исторического времени приносились всевозможные жертвы. Вместе с тем она рассматривает средства достижения свободы. С этой целью она скрупулезно изучает действительную историю людей, действия которых вытекают из их потребностей, страстей и интересов, играющих доминирующую роль. Кроме того, задачей философии истории является и выяснение, как сам Гегель выражается, того материала, в котором осуществляется разумная цель. Таким материалом, пишет Гегель, оказывается сам субъект со своими потребностями. Но он живет в том или ином государстве, и поэтому

[10] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 64.
[11] Там же. С. 71.
[12] Там же. С. 72.

государство тоже должно находиться в центре внимания философии истории, хотя подробное изложение государства должно даваться в философии права.

Гегель-диалектик настаивает на том, чтобы философский анализ всемирной истории руководствовался принципом развития, которое является не просто спокойным процессом, совершающимся без борьбы, а тяжелой недобровольной работой, направленной против самого себя. Исторический процесс, подчеркивает Гегель, диалектичен, и философия истории тоже должна рассматривать его диалектически, показывать в движении и развитии. Вот как об этом он сам пишет: «Если мы теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими...

...Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является *изменение* вообще. Взгляд на развалины, сохранившиеся от прежнего великолепия, побуждает ближе рассмотреть это изменение с его отрицательной стороны. Какой путешественник при виде развалин Карфагена, Пальмиры, Персеполя, Рима не предавался размышлениям о тленности царств и людей и грусти о былой жизни, полной сил и богатой содержанием? Эта грусть не вызвана личными потерями и непостоянством личных целей, но является бескорыстной грустью о гибели блестящей и культурной человеческой жизни. Но ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь»[13]. Само изменение в конце концов приводит к конечной цели истории — к свободе.

В XIX веке философия истории получает полное научное гражданство. В России на ниве философии истории работали такие крупные философы и историки, как Н.И. Кареев, В.М. Хвостов, В.И. Герье, Л.В. Карсавин, С.Л. Франк, и др.

[13] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 119—120.

Но после Октябрьской революции понятие философии истории постепенно исчезает из литературы и вся философско-историческая проблематика переходит в ведение исторического материализма[14]. Стали утверждать, что прежняя философия истории носила сугубо идеалистический характер и уже в силу этого в ней якобы ничего научного и позитивного не было. Поэтому исторический материализм будто бы ничего общего не имеет с философией истории, хотя еще в XIX веке исторический материализм, или материалистическое понимание истории, рассматривался как философия истории (Э.Бернгейм, П.Барт, Н.Кареев и др.). Первый русский марксист Г.В. Плеханов материалистическое понимание истории называл философией истории. Такой же позиции придерживался выдающийся философ В.Ф. Асмус.

Конечно, исторический материализм есть философия истории, но только ее часть, так как философия истории не ограничивается учением, разработанным даже таким великим мыслителем, каким был К.Маркс. Немалый вклад внесли в эту науку философы как до Маркса, так и после него.

Хотя термин «философия истории» появился в XVIII веке, тем не менее философско-историческая проблематика существовала давно[15]. Но здесь имеется одно затруднение, на которое обращали внимание многие философы. Они считают, и не без основания, что в античности не было философского рассмотрения исторического процесса. Так, например, Э.Бернгейм пишет, что главной задачей философии истории является синтез исторического процесса и поэтому «древности философия истории в только что указанном смысле была неизвестна, так как античному миру чуждо представление о внутреннем единстве человеческого рода; но вместе с христианством появляется одно из главнейших условий для того, чтобы рассматривать и его судьбы как одно внутренним образом связанное целое. Только в христианскую эпоху мы и

---

[14] В нашей стране происходят странные метаморфозы: теперь отвергается термин «исторический материализм», который занимает прочные позиции в современной философии истории.

[15] См. монографию: Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

встречаемся с первой системой философии истории»[16]. Такую философию истории впервые построил Августин Блаженный. Действительно, философия истории, дающая философскую характеристику всемирного исторического процесса, могла возникнуть вместе с становлением единого исторического пространства, а это произошло в эпоху Нового времени, и поэтому вполне закономерно, что сам термин появился именно в это время. Что касается философско-исторической концепции Августина Блаженного, то она не охватывает всю историю, так как не было единой всемирной истории.

По мнению Бернгейма, современная философия истории как наука, как предмет исследования начинает разрабатываться в трудах Монтескье, Руссо и других мыслителей. Но действительным основателем философии истории следует считать Гердера, определившего круг проблем, которыми должна заниматься эта новая дисциплина. Важный вклад в философию истории, продолжает Бернгейм, внес К.Маркс, разработав концепцию экономического материализма, который, как он пишет, страдает определенной односторонностью и тем не менее нельзя ему «отказать в довольно значительной заслуге: в постоянном внимании к экономическим условиям, к реальным интересам социальных групп, поскольку последние с беспристрастной точки зрения, действительно, играют роль в исторической жизни».

Бернгейм не отождествляет, как это делали многие, философию истории со всемирной историей. У них разные задачи и проблематика. В одном случае речь идет о философском изучении истории, а в другом — о хронологическом изложении всемирной истории. Задачей философии истории «должно быть выяснение принципов истории, т.е. общих причин, основных условий и процессов, на которых покоятся, с одной стороны, течения и связь исторических событий, развития, с другой — их познание». Бернгейм различает материальную и формальную философию истории. Материальная философия истории ставит вопросы: как происходит историческое развитие? Каковы результаты и каков смысл исторического

[16] Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1909. С. 7–8.

развития? Речь, с одной стороны, идет о факторах развития, с другой — о ценностях как результатах исторического развития. Под формальной философией истории Бернгейм, по существу, подразумевает гносеологию.

Таким образом, можно сказать, что Бернгейм исходит из единства онтологического и гносеологического в философии истории. Эта плодотворная мысль не всегда находила поддержку со стороны других ученых. Соотечественник Бернгейма Зиммель, например, полагает, что философия истории должна заниматься только гносеологическими проблемами, изучением мотивов и поступков людей. Необходимо познавать не только познанное, но и желаемое и прочувствованное, пережить заново то, что уже было пережито, перенестись в психологическую атмосферу исследуемой эпохи. «Философии истории, — пишет Зиммель, — следовало бы установить, в каких случаях историк, руководимый инстинктом или размышлением, отвлекается от сознательной целесообразности в поступках людей; она должна бы исследовать, когда нам нужно для объяснения события предполагать сознательную волю и мысль и когда нам должно стараться избегать гипотезы о существовании их»[17]. В концепции Зиммеля гносеологические вопросы, собственно говоря, редуцируются к психологизму, а в конечном итоге и к иррационализму.

Н.И. Кареев в докторской диссертации «Основные вопросы философии истории», изданной в 1883 году, очертил круг вопросов, которые, по его мнению, должны находиться в центре философии истории. «Философия истории, — пишет он, — есть познание смысла истории, как она совершалась доселе, куда и как вела и ведет она земное человечество в пределах земного; философия истории есть суд над историей: мало сказать, что ход ее был такой-то, что составляющие его процессы управляются такими-то и такими-то законами, нужно найти еще смысл всех перемен, сделать им оценку, разобрать результаты истории и их также оценить»[18]. Как видно, главное внимание Н.И. Кареев обращает на выяснение

[17] Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898. С. 16.
[18] Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. С. 242–243.

смысла и направленности исторического процесса и на оценку исторических событий. Но он против того, чтобы искать какие-то законы истории и на их базе предсказывать будущее человеческого общества.

В более поздних работах русский философ и историк писал о том, что философия истории должна заниматься как гносеологическими, так и онтологическими проблемами. Правда, вместо понятия гносеологии он использует понятие теории исторического знания, занимающейся получением знаний об историческом прошлом и методами исследования этого прошлого, а вместо понятия онтологии, которое тоже не отвергается, предлагает понятие историологии, ставящей своей задачей научное понимание того, как совершается всякая история. Содержание предмета философии истории, пишет Н.И. Кареев, охватывает широкий спектр вопросов, касающихся всего исторического процесса: роль географической среды в общественном развитии, культурно-историческая среда, законы общества, необходимость и случайность в истории, источники исторических перемен, прогресс и регресс в истории и т.д.

По мнению Х.Раппопорта, философия истории находилась в центре внимания всех великих мыслителей — Вико, Гердера, Канта, Маркса и многих других, рефлексировавших над судьбами человечества, над перспективами его развития. «Занимаясь исследованием общих принципов и условий исторического развития вообще, философия истории отличается от социологии, которая занимается статикой и динамикой так называемого социального организма, другими словами, существования и развития общественных форм».

Раппопорт выделяет два значения философии истории: теоретическое и практическое. С точки зрения теории, философия истории важна, во-первых, потому, что удовлетворяет потребности людей в теоретическом осмыслении всего исторического процесса, и, во-вторых, потому, что она представляет необходимое условие научности всякой истории. Она дает, например, научное объяснение исторических фактов, классифицирует их по значимости и по важности. Практическое значение философии истории заключается в том, что она оказывает

непосредственное влияние на практическую жизнь людей, на принятие ими тех или иных политических решений. Все люди нуждаются в том, чтобы знать, куда идет человечество, а на этот вопрос отвечает как раз философия истории.

Внутри философии истории Раппопорт выделяет три направления: провиденциальное, метафизическое (идеалистическое) и научное, или позитивно-реалистическое.

Провиденциальное направление, ярчайшим представителем которого является Августин Блаженный, исходит из того, что «провидение управляет нашей исторической судьбой по разумным, хотя не всегда нам известным и понятным законам». Оно выросло на почве христианства и полностью доверяет провидению. Это направление, как пишет Раппопорт, бралось за решение задач, которые по природе своей неразрешимы, — открыть божественный план в человеческой истории, конечным человеческим умом постичь намерения и виды высшего бесконечного разума.

Метафизическое (*идеалистическое*) направление, типичными представителями которого являются Гегель и Гердер, «рассматривает историю человечества как осуществление метафизических идей или одного какого-нибудь метафизического принципа». Оно исходит из того, что история развивается по восходящей линии, но совершает ту же ошибку, что и провиденциальное направление: оба навязывают истории априорные суждения и пытаются ее строить сверху вниз. Если провиденциальное направление решающее значение придавало божественному провидению, то метафизическое, или идеалистическое, направление главное внимание уделяет абсолютной идее, осуществление которой представляет как раз историю. Оно прилагает свои интерпретации к действительному ходу истории, исторические же события искусственно подгоняются под общую теорию.

Научное, или позитивно-реалистическое, направление, представленное работами Вико, Монтескье, Вольтера, Канта, Маркса и др., является единственно верным в методологическом отношении. Оно, считает Раппопорт, только одно владеет истинно научным методом анализа исторического процесса.

Научное направление, в свою очередь, делится на три течения, связанные с тремя главными факторами исторического развития общества: с естественной средой, личностью и исторической средой. Первое течение Раппопорт называет физико-климатическим, второе — физиолого-психологическим, а третье — культурно-историческим. «Физико-климатическое направление исходит в своем объяснении исторического процесса из внешней природы, физиолого-психологическое направление черпает свои данные во внутренней природе человека, а культурно-историческое пытается объяснить историческое движение культурно-бытовыми и общественными формами, образовавшимися в самом историческом процессе». Монтескье, утверждает Раппопорт, был типичным представителем физико-климатического течения в философии истории. Он придал ей естественнонаучный характер, поскольку при изучении общества руководствовался не априорными принципами, а фактами природы. По утверждению Монтескье, климатические условия определяют развитие человечества, формы государственного устройства и методы и принципы правления государством.

Физиолого-психологическое течение исходит из того, что в истории решающую роль играют человеческие страсти и потребности. Поэтому оно главное внимание уделяет личности. В противоположность этому течению культурно-историческое течение в центр философско-исторического исследования выдвигает социальную группу. Личность рассматривается как продукт своего времени, как результат исторического развития. Вся история в конечном счете сводится к деятельности социальной группы, к культурным формам, но остается открытым вопрос, чем определяется характер самой социальной группы и образовавшихся в течение длительной исторической эволюции культурных форм. Раппопорт критикует это течение за его, как он утверждает, чисто формальный и абстрактный характер, так как оно не объясняет логику исторического движения, не учитывает климатический фактор в формировании социальных связей и отношений. Думаю, что автор не совсем прав, ибо ни Кант, ни Конт, ни Маркс не игнорировали роли природы в формировании общественных отношений.

Русский философ В.Герье под философией истории подразумевает синтез, «которым мыслящий человек охватывает всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель». Но он понимает, что всякий философский синтез страдает определенным субъективизмом и в силу этого многие историки к философии истории относятся скептически, предпочитая реконструировать человеческое прошлое с помощью ножниц и клея, т.е. излагать то, что было без всяких философских обобщений. Тем не менее Герье предлагает заниматься философией истории, так как она дает возможность представить всю историю как единый и непрерывно развивающийся процесс. Каждой эпохе, пишет Герье, свойствен свой взгляд на прошлое человечества, и поэтому она к его изучению приступает со своими специфическими задачами и запросами. Вот почему следует руководствоваться не теми правилами, которыми оперируют представители точных наук, где научные труды оцениваются по их вкладу в естествознание, а теми, которые давно разработаны в обществознании. И всякое историческое сочинение следует рассматривать исторически, т.е. оценивать его с учетом тех условий, в которых оно создавалось. В противном случае исследователь теряет социальный и исторический ориентир, что равносильно для него потере научной квалификации.

В.М. Хвостов отождествляет теорию исторического процесса и философию истории. Задачи последней он видит «не в том, чтобы путем отвлеченных умозрений создавать независимо от данных точной науки спекулятивные построения о смысле мироздания, которые потом должны быть полагаемы в основу самой науки, но, наоборот, в том, чтобы помогать науке разобраться в своих задачах... отправляться от факта научного познания и базироваться на данных, добытых научными исследованиями». Иными словами, В.М. Хвостов в проблематику философии истории включает лишь гносеологические вопросы.

С.Л. Франк пишет, что «существуют два типа философии истории, из которых один ложен, а другой — истинен. Ложный (наиболее доселе распространенный) тип философии истории заключается в попытке понять по-

следнюю цель исторического развития, то конечное состояние, к которому она должна привести и ради которого творится вся история; все прошедшее и настоящее, все многообразие исторического развития рассматривается здесь лишь как средство и путь к этой конечной цели, а не как нечто имеющее смысл в самом себе и на равных правах соучаствующее в целостной жизни человечества. Философия истории такого рода опирается на веру в «прогресс». Человечество – согласно этому воззрению – беспрерывно идет вперед, к какой-то конечной цели, к последнему идеально завершенному состоянию, и все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к этой цели»[19]. К сторонникам этого типа философии истории Франк относит Гердера, Тюрго, Кондорсе, Гегеля и др. Что касается истинного, по мнению Франка, типа философии истории, то она характеризуется так: «Единственный возможный смысл истории заключается не в том, что ее сменяющиеся эпохи суть средства к какой-то воображаемой конечной цели, лежащей в будущем, а в том, что ее конкретное многообразие во всей его полноте есть выражение сверхвременного единства духовной жизни человечества... Философия истории есть конкретное самосознание человечества, в котором оно, обозревая все перипетии и драматические коллизии своей жизни, все свои упования и разочарования, достижения и неудачи, научается понимать свое истинное существо и истинные условия своего существования. Философия истории в этом смысле прежде всего действительно осуществима»[20].

Другой русский философ Л.В. Карсавин пишет, что «философия истории определяется тремя своими основными задачами. – *Во-первых,* она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. *Во-вторых,* она рассматривает эти основоначала в единстве бытия и знания, т.е. указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к абсолютному Бытию. *В-третьих,* задача ее заключается в позна-

[19] Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 28.
[20] Там же. С. 30.

нии и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса»[21].

В современной западной философии истории условно можно выделить два основных направления — *онтологическое* и *гносеологическое*. Сторонники первого направления (Шпенглер, Тойнби и др.) главное внимание обращают на исследование бытия исторического процесса, смысла истории, социального прогресса, социального детерминизма и т.д. Философия истории, по их мнению, должна изучать имманентную логику развития общества, взаимосвязь и взаимообусловленность его различных сторон. Она должна анализировать ход событий, показывать, как сменяются одни цивилизации другими, почему они погибают и т.д. Поэтому философия истории в качестве объекта берет не ту или иную социальную группу, не тот или иной город, не тот или иной отдельный социальный организм, а весь исторический процесс, представляющий сложный комплекс различных элементов, находящихся в постоянном взаимодействии. Гносеологическое направление главное внимание уделяет проблемам познания исторических фактов и событий. Его представители (Дильтей, Зиммель, Коллингвуд, Арон, Мару и др.) полагают, что предмет философии истории — логико-теоретические и методологические проблемы исследования исторического прошлого, его теоретическая реконструкция и установление истинности исторических фактов.

Гносеологическое направление получило еще другое название — критическая философия истории, так как утверждает, что только критическое рассмотрение истории дает возможность создать модель человеческой истории, оценить степень истинности исторических фактов и теоретически воспроизвести картину исторической действительности. Истоки этого направления восходят к Баденской школе неокантианства, занимавшейся методологическими проблемами исторического познания, изучением специфики истории человечества. Она выступила с критикой гегелевской философии истории, придававшей огромное значение изучению внутренних механизмов социальных процессов и феноменов. «Традиционная фило-

[21] Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 15.

софия истории, — пишет Арон, — находит свое завершение в системе Гегеля. Современная философия истории начинается с отказа от гегельянства. Идеалом больше не является определение значения становления человечества, философ больше не верит в то, что он единственный депозитор секретов провидения»[22]. Вместе с тем она выступила и с критикой историков-позитивистов, которые ничего, кроме голых фактов, не признавали, ограничивались их описанием и отвергали какие-либо философские обобщения.

Исходной точкой познания исторического прошлого критическая философия считает категорию понимания. «Труд историка заключается не только в том, чтобы понять события, но понять и людей, а также понять, что люди прошлого отличались от нас»[23]. И для того чтобы выяснить специфику исторического познания, необходимо прежде всего познать и понять самого себя, а также другого. А в познании другого очень помогает личный опыт, проявляющийся в процессе совместной деятельности, что в свою очередь помогает понять людей прошлой эпохи, их страсти, умонастроения и менталитет.

Таким образом, одни (онтологи) главное внимание уделяют бытию исторического процесса, а другие (гносеологи) — теоретической реконструкции исторического прошлого. Между тем следует подчеркнуть, что нельзя отрывать друг от друга гносеологию и онтологию. Теория познания (гносеология) без объекта познания перестает быть теорией, так как без исследования практической деятельности людей, без анализа общественных отношений, без выяснения смысла и цели человеческого общества она не может претендовать на научную теорию. Проще говоря, без объекта познания нет теории познания. Поэтому предметом философии истории являются как гносеологические, так и онтологические проблемы. Она их рассматривает в единстве, во взаимной связи, хотя может с целью более глубокого их изучения анализировать отдельно друг от друга.

Итак, **философия истории исследует имманентную логику развития человеческого общества, единство и многооб-**

[22] Aron R. La philosophie critique de l'histoire. Paris, 1969. P. 15.
[23] Aron R. Leçons sur l'histoire. Paris, 1989. P. 149.

разие исторического процесса, проблемы социального детерминизма и социального прогресса. Она дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, устанавливает истинность исторических фактов и событий.

Философия истории представляет философско-исторический анализ общества. Если можно так выразиться, философ истории читает философски исторический процесс. Он исходит из того, что история непрерывно развивается, изменяется, что она носит континуистский характер, что прошлое и настоящее неразрывно связаны, что человек выступает связующим звеном всех исторических этапов и стадий. Философия истории — это логическое рассмотрение человеческого общества, рассмотрение, очищенное от зигзагов и поворотов. Она абстрагируется от конкретного многообразия и главное внимание уделяет имманентной логике всемирной истории, ее сущности, ее внутренним механизмам функционирования и развития. Она синтезирует все человечество, выделяет в нем некие общие законы, черты и свойства, присущие всем социальным организмам, но проявляющиеся по-разному в зависимости от исторических обстоятельств, конкретной ситуации и природных условий.

2. Философия истории и история. Философия истории и социология. Философия истории и социальная философия. Философия истории, философия политики и политология

Философия истории и история. Философия истории не есть ни историческая наука отдельных государств и народов, ни универсальная или всемирная история. Она «не поздний плод науки, постепенно обнаруживаемая проблема, которая с самого начала лежала во всяком случае в представлении о науке. Она возникла именно тогда, когда в ней нуждались, когда ее потребовала необходимость, возникшая в мировоззрении. Она относится скорее к области мировоззрения, чем исторического исследования, и оба они сблизились лишь в тот момент, когда размышление о существенных целях духа потребовала знания истории, а история — включения в философское

мышление»[24]. Последняя тоже изучает все человечество, но изучает не философски, т.е. не дает философского обобщения всего исторического процесса, а исторически, т.е. каждый социальный организм рассматривается во всем своем богатстве и конкретном проявлении. В курсе всемирной истории, например, изучаются все страны мира, но изучаются конкретно, в хронологическом порядке и изолированно в известном смысле слова. Так, в истории Древнего мира рассматриваются наряду с первобытными племенами сложившиеся уже государственные образования (Китай, Индия, Персия, Мидия, Греция, Рим, Урарту и т.д.), которые, хотя и имели некоторые общие черты, тем не менее представляли самостоятельные социальные организмы. Историк главное внимание обращает не на их универсальные черты, а на специфические характеристики. Философ же истории ищет в первую очередь именно то, что объединяет все социальные организмы, то, что им присуще как человеческим сообществам.

Историческая наука в отличие от философии истории должна соблюдать временную последовательность событий и исторических фактов. Если философия истории есть сущность, схваченная во времени, т.е. такая сущность, которая постоянно меняется, но тем не менее сохраняется (скажем, цивилизации меняются, переходят от одного состояния к другому, но сущность их сохраняется), то историческая наука есть изложение фактов и событий в хронологическом порядке. Философия истории имеет определенный категориальный и понятийный аппарат, посредством которого дается философско-историческое изложение исторического процесса (прогресс, социальный детерминизм, цивилизация, закон, формация, общественные отношения, географический фактор, разум, способ производства, производительные силы и производственные отношения, историческое объяснение, менталитет, самосознание, историческое сознание и т.д.). Она является теорией высшей абстракции, но абстракции глубокой, адекватно отражающей объективную действительность. Она не есть схоластические и спекулятивные

[24] Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 17.

рассуждения о социальной материи. В прошлые времена она как раз болела этой болезнью, и не случайно из-за этого многие историки отвергли ее и перешли на позиции позитивизма.

Философско-историческая дисциплина необходима, так как она позволяет создать некую теоретическую картину человеческого общества, помогает людям правильно ориентироваться в сложной сети общественной жизни, делать соответствующие выводы из опыта прошлого. Правда, с горечью приходится констатировать, что люди редко извлекают полезные уроки из прошлого. Невольно вспоминается Гегель, писавший, что «правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее».

Некоторые историки полагают, что историческая наука, подобно философии истории, имеет свои собственные категории и является такой же теоретической дисциплиной, как и философия истории. Так, М.А. Барг в качестве таких категорий выделяет следующие понятия: «всемирно-исторический», «локально-исторический», «целостность», «структура», «процесс» и др. А саму историю определяет так: «Историческая наука изучает закономерности пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса, или, что то же, закономерности всемирно-исторического развития человечества как равнодействующих внутриформационных и межформационных взаимодействий этнополитических общностей, являющихся носителями своеобразия этого развития»[25]. На мой взгляд, с такой дефиницией исторической науки трудно согласиться. Во-первых, перечисленные М.А. Баргом категории, по существу, успешно используются и в философии истории, что, конечно, не исключает их применения в исторической науке. Но последняя не занимается и не обязана заниматься их концептуальным анализом, т.е. исследованием их природы, места в системе других категорий и их теоретических функций. И если

[25] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С 23.

она все же вторгается в сферу концептуальных рассуждений, то перестает быть исторической наукой и переходит в область философии. Во-вторых, историческая наука не изучает «закономерности всемирно-исторического развития человечества». Это задача философии истории. Но если под закономерностью подразумевается определенная упорядоченность исторического процесса, то история, безусловно, его изучает, но принимает как данность. Если же под закономерностью имеется в виду открытие каких-то законов истории, то, по моему мнению, историческая наука теоретически не формулирует эти законы. Их теоретическим обоснованием занимается философия истории, поскольку она исследует объективные, внутренние, необходимые, повторяющиеся процессы и феномены действительности.

Историческая наука — это теория среднего уровня, т.е. теория средней абстракции, и поэтому не может заниматься теоретической разработкой таких высоких абстрактных понятий, как закон или категория.

В связи с анализом соотношения философии истории и исторической науки нельзя не остановиться на одном важном, но очень сложном и трудном вопросе. Речь идет о ценностной ориентации исторической науки. Все общественные дисциплины так или иначе имеют мировоззренческий характер. Но в силу специфики самой исторической науки (предмет — прошлое человеческого общества) на ее выводах и обобщениях очень сказываются мировоззренческие позиции исследователя. Один и тот же факт можно изложить по-разному в зависимости от политической ориентации. Из-за этого исторические выводы часто теряют свою научность, поскольку научные результаты должны носить объективный и непротиворечивый характер. Историческое исследование как бы допускает вымысел, что терпимо в художественной литературе, но абсолютно исключается в науке. В этом смысле история больше похожа на искусство, чем на науку. Но отсюда вовсе не следует, как это утверждают постмодернисты, что историческое повествование ничем не отличается от художественного произведения. Как пишет А.Я. Гуревич, «в интерпретации постмодернистов грань, казалось бы, четко отделяющая историческое повествование от

художественного, делается не только зыбкой, но попросту стирается. Контуры прошлого, о восстановлении которых пекутся историки, расплываются, их заслоняют фигуры речи и риторические приемы. Но понятия, которыми оперируют новейшие постмодернистские критики историографии, — «метафора», «синекдоха», «комедия», «ирония»... — имеют отношение не к ремеслу историка, а к стилистике литературного дискурса... Подчеркивая действительные трудности, неизбежно возникающие на пути исторического анализа, постмодернисты, по сути дела, отвлекаются от исторического контекста, в который объединялись разрозненные фрагменты прошлого, нашедшие свое преломленное источниками выражение. Нетрудно заметить, что постмодернистская критика уходит от проблематики социальной истории»[26]. Бородинское сражение, изображенное Л.Н. Толстым, отличается от действительного сражения, запечатленного в исторических источниках.

Философия истории не может развиваться без использования достижений исторической науки. Она не может делать научные обобщения без знания конкретных фактов и конкретной действительности. Поэтому она постоянно должна обращаться к результатам исторической науки. Но и последняя нуждается в философии истории, так как благодаря ей получает мощный методологический инструмент познания и изучения исторического прошлого.

Философия истории и социология. П.Барт считает, что философия истории и есть социология. Философия истории, пишет он, отыскивает принципы, которые являются общими для всех областей обществознания. Социология же рассматривается как наука об изменениях общества. Но каждое изменение вызывает в свою очередь изменение в сознании людей. Иначе говоря, «дальнейшее развитие общества вызывает также изменение человеческого типа, а это изменение в свою очередь способствует новому изменению общественной среды»[27]. Социология, как и философия истории, исследует все сферы общества.

[26] Гуревич А.Я. «Территория историка». Ж.: Одиссей, 1996. С. 87.
[27] Барт П. Философия истории как социология. М., 1902. С. 8.

«Поэтому совершенная социология вполне совпала бы с философией истории; в конце концов обе науки различались бы только по имени»[28]. Барт утверждает, что любые попытки отделить философию истории от социологии заранее обречены на неудачу. Но послушаем мнение крупнейших социологов XX века — М.В. Вебера и П.А. Сорокина.

Вебер пишет, что «социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»[29]. Не всякое действие, продолжает Вебер, носит социальный характер. Социальным является такое действие, которое действующее лицо соотносит по смыслу с действием других людей и ориентируется на него. В этой связи немецкий социолог рассматривает мотивы социального действия, социальные отношения, социальное поведение, нравы и обычаи. Он считает, что социология призвана понять и объяснить эти явления, дать им соответствующую интерпретацию.

Таким образом, главную задачу социологии Вебер видит не в изучении и исследовании многообразных процессов и феноменов общественной жизни (это задача философии истории), а в анализе социального действия и его причинного объяснения.

Много внимания уделял специфике социологической науки П.Сорокин. «Социология, — писал он, — изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, — с другой»[30]. Сорокин выделяет теоретическую и практическую социологии. Теоретическая социология изучает явления взаимодействия с точки зрения сущего, а практическая социология — с точки зрения должного. В свою очередь, теоретическая социология делится на три части: на социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Социальная аналитика изучает структуру социального явления, социальная механика исследует процессы взаимодействия людей, а

[28] Барт П. Философия истории как социология. М., 1902. С.8
[29] Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 602.
[30] Сорокин П.А. Система социологии. Т.1: Социология аналитики. Пг., 1920. С. 2.

социальная генетика – исторические тенденции развития как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон.

Практическая социология, пишет Сорокин, имеет прикладной характер, опирается на теоретическую социологию и дает человечеству возможность управлять социальными силами. Не всякое взаимодействие, продолжает Сорокин, является предметом социологии, а только такое, в котором присутствует психическое. Поэтому область явлений, исследуемых социологией, «ограничивается миром людей и высших животных, живущих в обществе себе подобных и находящихся в процессе взаимодействия»[31]. Включение высших животных в объект социологии нельзя признать удачной мыслью маститого ученого, ибо даже высших животных нельзя считать обществом, потому что они не имеют сознания и их совместная жизнь не формирует никаких социальных связей и отношений. У них есть психические процессы, но они не носят сознательный характер, тогда как всякое взаимодействие людей есть сознательное взаимодействие.

Теоретическая социология Сорокина, в сущности, есть философия истории, так как она занимается общими проблемами развития человечества. Наиболее глубокое освещение эти проблемы получили в фундаментальном труде П.А. Сорокина «Социокультурная динамика».

Таким образом, два крупнейших социолога XX века главное внимание в социологии уделили вопросам социального действия (Вебер) и взаимодействия (Сорокин). Отдавая дань традиции пренебрежительного отношения к термину «философия истории», они во многих своих трудах разрабатывали философско-исторические проблемы и тем самым внесли немалый вклад в философию истории.

На мой взгляд, социология в ее современном понимании изучает общество, но на уровне средней абстракции. Это значит, что в поле ее зрения находятся вопросы взаимодействия и взаимообусловленности разных сфер общественной жизни – материальной, социальной, политической, духовной. Она их рассматривает на микроуровне, т.е. интересуется проблемами, касающимися социальных групп, коллективов, взаимоотношений инди-

[31] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С 29.

видов, общества, государства и т.д. Возьмем, например, вопросы демократии. Демократия является объектом как социологии, так и философии истории. Но социолога интересует конкретный механизм функционирования демократических институтов, политических партий, выборных кампаний и т.д. Философ истории демократию рассматривает в историческом аспекте, вычленяет ее сущностные черты и особенности, сравнивает с другими формами государственного правления — монархией, олигархией, аристократией и т.д.

Философ истории изучает общество как некий универсальный объект с универсальными характеристиками, социолог же анализирует его конкретное функционирование. Философ истории имеет дело с обществом вообще, социолог же — с конкретным социальным организмом.

Философия истории нуждается в социологии как в строительном материале, так как она поставляет конкретные факты и результаты. Опираясь на них, философ истории делает универсальные обобщения и выводы относительно всего исторического процесса, которые отнюдь не носят спекулятивного характера, а представляют собой глубоко продуманные научные знания. Социология, в свою очередь, использует философию истории как методологический принцип исследования общественных процессов и феноменов.

Философия истории и социальная философия. В нашей литературе термин «социальная философия» редко употреблялся, а если использовался, то применительно к западной социальной теории. Вместо этого термина употреблялся термин «исторический материализм», введенный Энгельсом в 1890 году. Но он был изгнан из литературы, исключен из учебных процессов, как будто научные проблемы решаются путем запрета тех или иных терминов. На Западе ни марксисты, ни антимарксисты не отказались от этого термина, потому что он несет определенную теоретическую нагрузку и отражает позиции философии истории Маркса, занявшей прочное место в истории этой науки. С таким пониманием философии истории можно соглашаться или не соглашаться, но считаться следует, если хотим быть учеными, а не дипломированными лакеями политиков. В настоящее время вме-

сто термина «исторический материализм» употребляется термин «социальная философия».

Использование данного термина не вызывает возражений, но необходимо определить круг проблем, которыми должна заниматься социальная философия. Пока же она фактически выполняет функции исторического материализма. Между тем социальная философия шире, чем исторический материализм. Последний представляет собой одну из версий социальной философии.

С моей точки зрения, философия истории и социальная философия пересекаются и довольно близки друг к другу по содержанию и исследуемым проблемам. В самом деле, лучшее определение любой науки — раскрытие ее содержания. Что входит в содержание социальной философии? Общие законы развития и функционирования общества, вопросы социального детерминизма, прогресса или регресса в историческом процессе, периодизации и типологизации в истории, материальной и духовной жизни людей и т.д. Но ведь философия истории тоже изучает эти проблемы. Тем не менее философия истории и социальная философия имеют не только общие, но и специфические черты. Это проявляется прежде всего в методах исследования общественной жизни. Так, философия истории рассматривает исторический процесс большей частью как становящийся процесс в ходе длительного развития социума, тогда как социальная философия главное внимание обращает на процесс, находящийся на стадии завершения. Иначе говоря, философия истории рассматривает общество в динамике, а социальная философия — в статике, т.е. на конкретно-историческом этапе развития общества.

Следует обратить внимание и на такой немаловажный факт. Социология давно уже заняла важное место в системе обществознания. Она часто анализирует общественные процессы в таком же ключе, в каком это делается социальной философией. Отсюда трудности разграничения предмета этих двух дисциплин, известные повторения и ненужный дубляж в процессе преподавания.

Философско-исторический анализ общества абсолютно исключает «конфронтацию» с социологией, поскольку используются разные методы и процедуры исследования

социума. Кроме того, возвращение термина «философия истории» в обществознание означает более глубокое изучение онтологических и гносеологических проблем.

Философия истории, философия политики и политология. За последнее время политология заняла довольно солидное место в системе обществознания. Но проблемы политологии возникли вместе с политикой. Исследователи по-разному интерпретируют предмет политологии, или политической науки. В свое время Б.Н. Чичерин писал, что «политика есть наука о способах достижения государственных целей»[32]. По существу, Б.Н. Чичерин политическую науку сводит к вопросам государственного строительства.

Немецкий исследователь М.Молс считает, что в центре внимания политической науки находятся политические институты и процессы, конфликты и политическая власть и т.д. Его английский коллега Д.Миллер, отождествляя политическую теорию с политологией, пишет, что «политическая теория – это систематическое отображение характера и целей правительства, включая анализ существующих политических институтов, и представление о том, как они должны изменяться»[33].

На мой взгляд, политическая наука, или политология, имеет в качестве объекта исследования только **политическую сферу** общества. Она изучает политические процессы конкретных социальных организмов, выявляет механизм функционирования и взаимодействия различных политических институтов и учреждений. Политическая наука – это теория среднего уровня, т.е. теория, которая не претендует на философские обобщения политики. Этим занимается **философия политики, или политическая философия.** Как раз в ее задачу входят раскрытие общих закономерностей политики, выяснение внутренней логики ее развития, связей с другими сферами общественной жизни. Философия политики изучает политику в историческом процессе, ее доминантные аспекты, вариантности и инвариантности. Можно сказать так: политическая

---

[32] Чичерин Б. Курс государственной науки. М., 1898. Часть 3. С. 1.
[33] Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 6.

наука изучает **единичное и особенное**, а философия политики — **общее**. Отсюда их тесная связь и переплетение.

Что касается философии истории, то она, как уже отмечалось, охватывает весь исторический процесс, включая и политические процессы. Причем она рассматривает их исторически, вычленяет некие общие признаки, присущие всем явлениям независимо от пространства и времени. Нет смысла говорить о том, насколько нужны философии политические исследования.

Итак, формирование философии истории — процесс трудный и сложный, в ходе которого проявлялись различные позиции ученых. Одни отвергали ее, обвиняя в спекулятивности и схоластике, другие защищали. Определенный скептицизм сохранился и в настоящее время, но думаю, что этот скептицизм пройдет, ибо нельзя игнорировать тот факт, что люди нуждаются в философско-историческом прочтении своей истории, своего социума.

ГЛАВА 2
ЕДИНСТВО ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

1. Место человечества в мироздании

Универсум вечен во времени и бесконечен в пространстве. В этом огромном мире, наполненном бесчисленным множеством галактик, звезд и солнечных систем, появление человечества на одной из сравнительно небольших планет — явление уникальное и, может быть, неповторимое, хотя все больше пишут о том, что где-то в необозримой Вселенной есть другие цивилизации со своей внутренней организацией и имманентной логикой развития. Конечно, следует допустить возможность общественной жизни на других планетах, находящихся очень далеко от нас, ибо с точки зрения философии Земля не может быть единственным местом обитания homo sapiens (человека разумного). Сам землянин стремится к другим мирам, хочет познакомиться с обитателями иных планет. Но его возможности ограничены как природными, так и социальными условиями. Поэтому он ждет в гости к себе инопланетянина, который, как часто утверждают, прилетает на неопознанных объектах, но ни с кем не хочет общаться.

Однако оставим журналистам, любителям сенсаций, и писателям-фантастам то, что пока наукой не доказано. Мы еще раз констатируем, что на Земле должны были сложиться специфические природные условия, породившие социальную форму движения. Об уникальности социальной жизни на Земле В.П. Алексеев пишет: «Значительное своеобразие Земли как планеты объясняется наличием крупного спутника, вызывающего приливные волны, способствовавшие выходу жизни из воды на сушу, принадлежностью центральной звезды — Солнца — к плоской подсистеме звезд, не попадающих в области взрывных процессов в Галактике, что предохраняет жизнь на Земле от смертоносного воздействия термоядерных реакций, возраст которых заведомо больше времени существования жизни на Земле. Земля, как местообитание человечества, представляет собой, следовательно, нетривиальную точку

Вселенной, она характеризуется известной уникальностью и под углом зрения астрофизических закономерностей»[34].

Работами Ж.Бюффона, Ж.Ламарка, а также Э.Зюсса, предложившего в 1875 году термин «биосфера», В.И. Вернадского и многих других было доказано, что живые организмы постоянно взаимодействуют и оказывают определенное влияние на геологические процессы. Особенно велика роль В.И. Вернадского в исследовании биосферных явлений. Он писал, что биосфера, обнимающая весь земной шар, состоит из живых веществ и неживых (косных) тел, которые находятся в состоянии постоянного обмена. «Можно дать, — отмечал выдающийся ученый, — картину эволюции биосферы с альгонгка, резче с кембрия в течение 500–800 миллионов лет. Биосфера не раз переходила в новое эволюционное состояние. В ней возникли новые геологические проявления, раньше не бывшие. Это было, например, в кембрии, когда появились крупные организмы с кальциевыми скелетами, или в третичное время (может быть, конец мелового), 15–80 млн. лет назад, когда создавались наши леса и степи и развилась жизнь крупных млекопитающих. Это переживаем мы и сейчас, за последние 10–20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в *новое эволюционное состояние — в ноосферу* — перерабатывается научной мыслью социального человечества»[35].

В живом веществе наблюдаются резкие изменения. Оно постоянно приспосабливается, меняется в зависимости от внешних и внутренних (самого организма) условий. Но с ходом геологического времени некоторые организмы вымирали или же вследствие длительных мутационных процессов переходили в иные живые вещества, появлялись и новые организмы. Одним словом, постоянный и непрерывный эволюционный процесс природы в конечном итоге привел к возникновению человека и человечества. С этого момента начинается ноосфера (тер-

---

[34] Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 17.

[35] Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 23—24.

мин был предложен Э.Леруа), т.е. сфера разума, когда в мироздании центральное место занял антропос (человек). Но, как писал Тейяр де Шарден, «человек не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее»[36].

Процесс антропогенеза (происхождение человека) и процесс социогенеза (происхождения общества) представляют единый процесс. Иначе говоря, человек и общество возникли одновременно и нельзя их противопоставлять друг другу. Формирование человека связано не только с его социализацией, в которой решающую роль сыграл труд (собственно говоря, без труда не было бы и человека), но и с изменением и совершенствованием его биологической организации.

Общество есть *качественно новое образование,* имеющее свои законы и имманентную логику. Поэтому при его исследовании необходимо исходить именно из этого качественного отличия, чтобы не скатиться на позиции натурализма и социального дарвинизма.

Но что такое общество? На этот вопрос даются самые разные ответы. Приведем некоторые из них. Н.Д. Кондратьев пишет, что *«человеческое общество есть реальная совокупность людей»*[37]. Но это не есть определение общества, ибо оно не несет никакой научной и теоретической нагрузки, не раскрывает сущность общества. Совокупностями людей могут быть любые группы людей: студенческие, рабочие, профессиональные, спортивные, политические и т.д. и т.п. Но совершенно ясно, что их нельзя назвать обществами в научном смысле слова. Тривиальна истина о том, что нет людей без общества, но и нет общества без людей.

Н.Д. Кондратьев понятие общества применяет к животному и растительному миру. «Может показаться странным, — пишет он, — что мы рассматриваем человеческое общество лишь как вид общества в целом наряду с обществами животных в тесном смысле и даже с растительными сообществами. Однако в этом нет ничего ни

---

[36] Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 40.

[37] Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики // Социологос. М., 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла С. 73.

странного, ни спорного. Если мы желаем понять ту или иную область действительности как она есть. Но это факт, что существуют растительные общества и общества животных в тесном смысле слова»[38]. На мой взгляд, это ошибочное утверждение. Распространение понятия общества на растительный и животный мир может привести (о чем пишет сам Н.Д. Кондратьев) к исчезновению качественной разницы между человеком и органическим миром. А это абсолютно недопустимо, если хотим адекватно отражать реальную действительность. Нет общества без сознательной деятельности людей. Ни в растительном, ни в животном мире нет такой сознательной деятельности.

Ю.И. Семенов, правильно отмечая многозначность понятия общества, выделяет пять значений данного понятия. В первом смысле понятие общества употребляется для обозначения отдельных, конкретных обществ (социально-исторических организмов), являющихся самостоятельными единицами исторического развития (например, французское общество, американское общество, российское общество и т.д.). Во втором значении понятие общества используется для выделения системы социально-исторических организмов (западное общество, ближневосточное общество, африканское общество и т.д.). «Третье значение термина «общество» — все существовавшие и существующие социально-исторические организмы, вместе взятые»[39]. В этом смысле понятие общества, как пишет Ю.И. Семенов, совпадает с понятием «человеческое общество в целом». Четвертое значение термина общества связано с понятием общества вообще, а пятое — общества вообще определенного типа (первобытное общество, феодальное общество, буржуазное общество и т.д.).

Думаю, что приведенная Ю.И. Семеновым классификация понятия общества играет важную методологическую роль для выяснения сущностных характеристик всего исторического процесса, в ходе которого люди соз-

---

[38] Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики // Социологос. М., 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла. С. 73.

[39] Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории: Уч. пособие. М., 1996. С. 17.

дают материальные и духовные ценности. Но тем не менее это еще не определение общества как специфического явления. Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что *общество представляет собой совместную форму деятельности людей по производству материальных и духовных ценностей.* Оно, как уже отмечалось, возникло на определенном этапе эволюции природы. В его основе лежит труд, который носит коллективный, т.е. общественный, характер. В процессе совместного производства ценностей люди не могут не взаимодействовать, не могут не вступать в определенные производственные отношения (первобытный человек не мог охотиться в одиночку, нельзя производить в одиночку и современную сложнейшую технику). Поэтому Маркс был абсолютно прав, когда писал, что общество есть продукт взаимодействия людей.

В процессе совместной деятельности людей складываются определенные материальные и духовные отношения, без которых ни одно общество не может существовать. Поэтому общество еще можно определить как *совокупность материальных и духовных отношений.* Нет смысла говорить о том, что данные отношения меняются на протяжении всего исторического процесса. С их изменением изменяется и общество.

Общество не есть механический агрегат, оно представляет собой систему, в которой все элементы связаны между собой и постоянно взаимодействуют. Общество есть самодостаточная система. Это значит, что для своего развития оно не нуждается ни в каких внешних толчках или силах. Оно, как уже выше писали, имеет свои законы развития и функционирования (например, закон о решающей роли материального производства в общественном развитии, закон о соотношении производства и потребления, закон стоимости, закон о производстве и воспроизводстве общественной жизни и т.д.), которые, с одной стороны, существуют независимо от воли и желаний людей, но с другой — являются продуктом сознательной деятельности людей[40]. Эти законы могут быть все-

[40] Эта специфика общественных законов многим исследователям совершенно непонятна. Поэтому они либо их совсем отвергают, либо сводят лишь к деятельности индивида и отрицают их объективный характер.

общими — действующими на протяжении всей человеческой истории; частными — действующими на определенном отрезке времени исторического процесса, или специфическими, — проявляющимися в том или ином конкретном социальном организме.

Таким образом, общество коренным образом отличается от природы и было бы неверно редуцировать его к природным процессам и феноменам. Но было бы неверно также игнорирование влияния природы на формирование общественных отношений. Природа и общество — две стороны единой медали, и потому изучение общества без анализа природных явлений, без выяснения их влияния на развитие и функционирование социума (общества) немыслимо, ибо хотя человечество в процессе своего развития как бы постоянно отдаляется от природы, тем не менее оно всегда должно помнить, что в основании его лежат природные факторы и что природа для него всегда будет alma mater. Поэтому правомерно было бы говорить о социоестественной истории, т.е. о такой истории, которая включает в себя не только чисто социальные, но и природные факторы[41].

На формирование общественных отношений огромное влияние оказывали (и оказывают) природные условия. Люди селились в местах, пригодных для жизни, их хозяйственная деятельность во многом определялась географической средой. Так, жители берегов рек и морей занимались рыболовством, тогда как в степных районах — скотоводством, земледелием и т.д. А в жизни горских народов центральное место отводилось охоте и скотоводству, так как горные районы почти не были пригодны для земледелия, но зато диких животных было в изобилии.

На Востоке (Китай, Индия), как известно, не было частной собственности на землю, что объяснялось в первую очередь климатическими условиями. Земледелие ну-

---

[41] Проблема единой истории природы и общества давно стояла в философии истории. Так, еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что «историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.).

ждалось в оросительных системах, а частные лица не имели ни средств, ни сил для строительства крупных каналов. Поэтому государство сосредоточивало в своих руках всю собственность на землю. Оно поддерживало в хорошем состоянии старые ирригационные системы и вместе с тем всячески стремилось к строительству новых. Поливное рисоводство средневекового Востока привело к экономическому превосходству над Западом.

Природные условия оказывают влияние и на формирование культуры, традиций, обычаев и т.д. У горских народов, например, традиции и обычаи (уважение к старшим, к женщинам, резкая реакция на оскорбительные выпады кого-нибудь, кровная месть и т.д.) во многом складывались под влиянием тяжелых природных условий.

Итак, природа является естественным фактором развития человечества и ее законы всегда будут проявляться в той или иной форме в собственно социальной организации людей. Но вместе с тем, как уже отмечалось, переход к социуму есть качественный скачок к иной форме движения — к социальной форме, несводимой к низшим формам движения материи. Законы общества и законы природы отличаются друг от друга как по характеру действий, так и по диапазону. Во-первых, законы природы более долговечны, чем законы общества. Во-вторых, законы природы есть законы стихийных сил, тогда как законы общества есть законы сознательной деятельности людей. Специфика их состоит в том, что они проявляются как законы-тенденции, пробивают себе дорогу через множество случайностей и массовых явлений. Кстати сказать, отсюда и трудности их изучения и исследования.

Общественные законы делятся на общие, частные и единичные. Общие законы действуют на протяжении всей человеческой истории (скажем, закон о решающей роли материального производства), частные охватывают определенные общественно-экономические формации (например, закон стоимости), единичные законы действуют на протяжении одной формации (закон промышленной резервной армии).

Поскольку общество — качественно новое образование, возникшее в ходе длительной эволюции природы, то необходимо прежде всего найти исходный пункт анализа

взаимодействия природы и общества. В качестве такого исходного пункта выступает труд. Речь, конечно, идет о собственно человеческом труде, так как и животные «трудятся», но их «труд» проявляется в инстинктивной форме. Подлинным человеческим трудом занимаются лишь люди, наделенные сознанием и поступающие сознательно.

Маркс писал, что природа относится к первоначальным условиям производства, но сама она не может быть результатом производства. К естественным условиям труда Маркс причислял плодородие почвы, богатство рудников и т.д., а землю называл великой лабораторией, которая доставляет и средства труда, и материал труда, и место для жительства. Природа влияет на общественное развитие, но не играет в нем детерминирующей роли. В эпоху первобытного строя, длившегося десятки тысяч лет, в природе происходили заметные изменения, но от этого ход развития общества резко не менялся. «Если принять, — пишет А.А. Величко, — что время всей истории человечества равно около двух млн. лет, то можно видеть, что на палеолит приходится около 99,5% всего времени, т.е. три этапа плейстоцена. Между тем в течение этих трех этапов, когда общество переживает один, хотя, конечно, самый крупный и сложный, первоначальный этап своего развития — палеолит, в природе произошли колоссальные ритмические и направленные изменения. В голоцене же, когда сколько-нибудь резких изменений не происходило, в истории человеческого общества произошла смена всех остальных формаций вплоть до современных»[42].

Отношение людей к природе проявляется по крайней мере в четырех формах: в форме *производственного освоения* природных ресурсов, *медицинского, морального* и *эстетического* наслаждения. Производственное отношение к природе является главным отношением, так как именно в процессе производства создаются материальные ценности, имеющие решающее значение для жизнедеятельности человека. Это отношение всегда будет играть

[42] Величко А.А. Природный фактор в истории первобытного человека М., 1973. С. 229.

важнейшую роль в функционировании любого общества. Оно способствует постоянному совершенствованию и развитию социума по восходящей линии. Оно есть средство производства и воспроизводства всей общественной жизни. Его невозможно прервать, потому что прервется и жизнь самого общества.

Медицинское отношение к природе, т.е. отношение с точки зрения здоровья человека, проявляется прежде всего в том, что именно климатические условия обеспечивают нормальное биологическое функционирование человека, являющегося частью самой природы. Природа укрепляет здоровье людей, сохраняет их трудоспособность и продлевает жизнь. «Велик терапевтический эффект всего комплекса оздоровительных мероприятий, связанных с пребыванием на природе; тайна этого эффекта заключается не только в оздоровительном воздействии на тонус сердечно-сосудистой системы, обмен веществ и т.д., но в первую очередь в благоприятном влиянии на нервную систему»[43]. Чистый воздух, тишина, создаваемая благоприятной природной средой, овощи, фрукты, лекарственные растения и другие дары природы являются замечательным средством восстановления жизненных ресурсов.

Моральное отношение к природе проявляется в том, что постоянное общение, скажем, с животными делает нас более добрыми, гуманными, что в конечном итоге сказывается и на взаимоотношениях людей. Мы должны понимать, что наши меньшие братья нуждаются в нашей защите, что их бездумное уничтожение может привести к одичанию Земли и в конце концов и самих людей. И тогда исчезнет ноосфера и социальная форма материи.

Что касается эстетического отношения, то оно прежде всего проявляется в том, что красота природы придает нам необходимые силы, удовлетворяет наши духовные потребности, что в конечном итоге делает нас лучше. На это обращали внимание еще античные философы. Вот что говорит Сократ в диалоге Платона «Федр»: «Клянусь Герой, прекрасный уголок! Этот платан такой развесистый и высокий, а разросшаяся, тенистая верба велико-

[43] Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 452.

лепна: она в полном цвету, все кругом благоухает. И что за славный родник пробивается под платаном: вода в нем совсем холодная, можно попробовать ногой. Судя по изваяниям дев и жертвенным приношениям, видно, здесь святилище каких-то нимф и Ахелоя. Да если хочешь, ветерок здесь прохладный и очень приятный; по-летнему звонко вторит он хору цикад»[44].

Можно, конечно, и красоту природы превратить в объект наживы, т.е. «испортить» чисто потребительским подходом к ней. Золото, серебро и другие ценные металлы, например, первобытным людям, не знавшим денег, доставляли лишь эстетическое наслаждение, и они не придавали никакого значения их стоимости. Но с возникновением товарного производства благородные металлы превратились в деньги, а сами благородные металлы теперь могут доставить нам эстетическое наслаждение лишь в музеях и алмазном фонде. И все же человек не сможет прожить без эстетического наслаждения красотами природы, да и сам он физически красив прежде всего благодаря своим природным данным.

2. Современная эпоха и экологический кризис

В конце XX века человечество столкнулось с проблемами, от решения которых зависит его будущее. Речь идет о глобальных проблемах, к числу которых относятся проблемы войны и мира, экологии, здравоохранения, энергетических ресурсов и т.д. Сущность их состоит в том, что, во-первых, они касаются всех стран независимо от их общественного строя и уровня развития; во-вторых, они могут быть решены усилиями не одной страны, а, по крайней мере, большинства стран; в-третьих, они тесно взаимосвязаны и поэтому решение одной из них так или иначе касается и других.

Еще в недавнем прошлом в глобалистике главной проблемой считали проблемы войны и мира. В настоящее время в связи с резким изменением международного политического и экономического климата отпала непосредственная ядерная угроза человеческой цивилизации,

[44] Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 162.

хотя пока существует атомное оружие, совершенствуются все виды вооружений, нельзя сказать, что глобальные военные конфликты раз и навсегда исчезли. Теперь на первое место вышли *экологические* проблемы.

Если ретроспективно проследить историю взаимоотношений общества и природы, то можно заметить, что полной гармонии в этих взаимоотношениях никогда не было. И чем ниже уровень развития производительных сил, тем выше роль природных условий в функционировании общества и тем меньше люди свободны от воздействия стихийных сил природы. В первобытном обществе, где труд носил примитивный характер, где уровень производительных сил чрезвычайно низок, природа, по выражению Маркса и Энгельса, противостояла людям как совершенно чуждая и неприступная сила, к которой люди относились совершенно по-животному. Но вместе с тем они вынуждены были подчиняться власти природы.

Это «животное отношение» проявляется прежде всего в том, что первобытные люди сами еще не отдавали себе отчета о разрушительных последствиях своей деятельности. Они совершенно спокойно уничтожали не только растительный, но и животный мир (во время охоты убивали животных больше, чем нужно было для прокормления рода или племени). «Вымершие к концу XIX века аборигены Тасмании, которых европейцы застали на стадии развития, соответствующей палеолиту, систематически выжигали растительность на огромных пространствах острова с целью создания более благоприятных условий для жизни и охоты»[45]. С одной стороны, это было необходимо для более успешного развития производства, поскольку в результате выжигания растительности обрабатываемая площадь расширялась, что давало возможность получения большего количества продуктов. Но, с другой стороны, такое обращение с природой нередко вынуждало первобытные племена покидать насиженные места и переселяться в другие края, что часто сопровождалось болезнями и смертью.

Когда пишут об абсолютной зависимости первобытных людей от природы, то это не следует понимать в бу-

[45] Кабо В.Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 151.

квальном смысле слова. Они от нее зависели в том смысле, что не знали ее законов и потому не могли использовать их в своих интересах. Любое природное явление (засуха, наводнение и т.д.) они представляли как некую внешнюю силу, которую наделяли сверхъестественными атрибутами. Но первобытные люди в принципе удовлетворяли свои потребности. Только при этом следует учесть одно очень важное обстоятельство: их потребности соответствовали уровню развития их производительных сил. Потребности порождаются производством, а последнее имело очень ограниченный характер, поэтому и потребности были очень ограниченны. Люди широко пользовались готовыми продуктами природы, которых было вполне достаточно для того, чтобы в течение небольшого отрезка времени (несколько часов в день) собрать необходимое их количество для племени.

Хотя человек первобытной эпохи и не имел никакого представления о законах природы, тем не менее в своей практической деятельности он стремился к изменению природных условий в свою пользу. Он менял растительный мир обрабатываемой площади, создавал новые сорта растений, одомашнивал некоторые виды животных. В этой области, можно сказать, он совершил революцию: поставил себе на службу животных, многие из которых представляли угрозу для его жизни. Практическая деятельность человека учила его действовать в лучшем для производства материальных благ направлении, что в конечном счете приводило к росту производительности труда, к увеличению количества продуктов.

В условиях рабовладельческого общества человек от природы получает больше, чем в эпоху родового строя, ибо он больше производит, так как изменились производительные силы.

Еще больше эксплуатируется природа в эпоху феодализма. Никто не был заинтересован в том, чтобы бережно относиться к природным богатствам, к животному и растительному миру. Постоянная охота на животных сокращала их численность. Не способствовали улучшению окружающей природной среды междоусобные и межгосударственные войны. Сама культивация земли тоже подвергалась значительным изменениям, поскольку появи-

лись более совершенные орудия производства. «Во второй половине VII века после рождества Христова северные крестьяне (речь идет о Европе. – *И.Т.*) вслед за неведомым инициатором все чаще стали использовать совершенно новый вид плуга, оснащенного вертикальным лезвием для прорезания линии борозды, горизонтальным лемехом для отрезания почвы на ее глубине и отвалом, чтобы ее переворачивать.

Трение такого плуга о почву было столь велико, что для нормальной работы нужны были уже не два, а восемь волов. Поперечная вспашка уже была не нужна, и поля покрылись длинными бороздами.

Используя прежний плуг, крестьяне распределили землю между собой так, чтобы каждая семья получила поле, достаточное для ее обеспечения. Это и было предпосылкой производства. Но никто из крестьян не располагал восемью волами, и крестьяне стали объединять своих волов в большие упряжки, получая на долю каждого такое число вспаханных полос, которое соответствовало его вкладу. В итоге распределение земли основывалось уже не на нуждах каждой семьи, а скорее на силовых возможностях техники обработки земли. Отношение человека к почве основательно изменилось. Прежде он был частью природы, а теперь он стал ее эксплуататором»[46].

С наступлением капиталистического способа производства, повлекшего за собой индустриализацию общества, происходит резкое изменение отношения человека к природе. Миллионы гектаров земли используются для строительства заводов и фабрик, огромных городов. Интенсивно разрабатываются, добываются и используются полезные ископаемые: нефть, газ, каменный уголь, медь и т.д. Французский ученый Ф.Сен-Марк пишет, что французское общество с точки зрения материального благополучия «высоко ценит природное пространство, производящее материальные богатства, которые в свою очередь ухудшают и разрушают его. Но оно мало ценит его, а часто и вовсе не ценит в качестве источника нематериальных благ, сохраняющих целостность пространст-

[46] Линн Уайт-мл. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 194–195.

ва. Охранять природу почти невыгодно для ее владельца; разрушая ее, он часто получает огромную прибыль»[47].

Современное общество переживает глубокий экологический кризис. В связи с ростом эксплуатации природных ресурсов и дальнейшим загрязнением окружающей среды возникла угроза гибели земной цивилизации. Тот же Ф.Сен-Марк пишет, что «четырехмоторный реактивный «Боинг», летающий по маршруту Париж — Нью-Йорк, потребляет 36 тонн кислорода. Сверхзвуковой «Конкорд» использует при взлете свыше 700 килограммов воздуха в секунду. Мировая коммерческая авиация сжигает ежегодно столько же кислорода, сколько его потребляют два миллиарда человек. Для 250 миллионов автомобилей в мире требуется столько же кислорода, сколько его необходимо всему населению Земли»[48].

Человек неразумно вмешивается во все сферы природы, что приводит к резкому ухудшению ландшафта земли, многие животные либо совсем исчезли, либо находятся на грани исчезновения. Появление озоновых дыр свидетельствует о том, что может измениться не только биосфера, но и атмосфера Земли.

Большой ущерб природной среде наносится производством и испытанием новых видов вооружений, прежде всего ядерного оружия. На само производство уходят десятки тысяч ценнейших полезных ископаемых, мирное использование которых дало бы огромную выгоду всем членам общества. А испытание ядерного оружия губительно сказывается на животном и растительном мире. «При взрыве ядерных боезарядов образуются вещества, обладающие высокой радиоактивностью. Сразу же после взрыва радиоактивные продукты устремляются вверх в виде раскаленных газов. По мере подъема они остывают и конденсируются. Их частицы оседают на капли влаги или пыль. Затем начинается процесс постепенного выпадения радиоактивных осадков на поверхность земли в виде дождя и снега... Через несколько недель или даже лет радиоактивные вещества, разносимые воздушными течениями, окажутся на тысячи километров от места их

[47] Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 35.
[48] Там же. С. 63.

образования»[49]. Словом, жизнь полностью погибает там, где испытывается ядерное оружие, и оказывается под угрозой в других точках земного шара. Не только ядерное, но и неядерное оружие наносит огромный ущерб природной среде.

Чернобыльская авария 1986 года свидетельствует о том, к каким разрушительным последствиям может привести распространение радиоактивных веществ. Они отравляют атмосферу, растения, животных, человека. Словом, жизнь полностью погибает там, где появляются радиоактивные отходы.

Поскольку природа выступает как единое целое, нанесение ущерба ей в том или ином регионе земного шара сказывается на всей планете. Скажем, нарушение экологического равновесия в Африке очень губительно не только для Черного континента, но и для других континентов. Чернобыльская авария произошла на территории Украины, но ее последствия сказались в тех регионах, которые отдалены от Чернобыля тысячами километров.

Мы требуем от природы столько, сколько она, по существу, не может дать, не нарушая своей целостности. Современные машины позволяют нам проникнуть в самые далекие уголки природы, изъять любые полезные ископаемые. Мы даже готовы вообразить себе, что нам все дозволено в отношении природы, поскольку она не может оказать нам серьезного сопротивления. Поэтому мы не задумываясь вторгаемся в природные процессы, нарушаем их естественный ход и тем самым выводим их из состояния равновесия. Удовлетворяя свои эгоистические интересы, мы мало заботимся о будущих генерациях, которым из-за нас придется столкнуться с огромными трудностями.

Таким образом, современная эпоха переживает глубокий экологический кризис. Общество вошло в антагонистическое противоречие с природной средой. Есть ли выход из этого тупика? Одни, будучи пессимистами, на этот вопрос отвечают отрицательно. Другие же, придерживаясь оптимистических позиций, отвечают утвердительно.

---

[49] Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. М., 1984. С. 58.

По мнению первых, длительная эволюция природы привела к возникновению разумной жизни на Земле, а теперь homo sapiens уничтожает своего родителя, но вместе с ним погибнет и сам. Вторые же считают, что современная ситуация особых тревог не вызывает, что люди рано или поздно найдут выход из трудного положения, создадут новые виды энергии, искусственную природу и тем самым смогут продолжать производить материальные и духовные ценности, приумножать богатства цивилизации.

На мой взгляд, нельзя быть абсолютным пессимистом, ибо пессимизм приводит к бездействию и в конечном итоге к фатализму. Но нельзя быть и воздушным оптимистом, так как такой оптимизм может успокоить людей и тем самым помешать им принимать какие-то оптимальные решения. Прежде всего надо быть реалистом, объективно оценивать сложившуюся ситуацию и в соответствии с ней действовать. При этом нужно исходить из того, что без постоянного и непрерывного контакта с природой, без взаимодействия с ней общество просто-напросто погибнет. Поэтому речь должна идти не о том, чтобы перестать пользоваться природными ресурсами, чтобы полностью разорвать отношения «общество — природа», а о том, чтобы установить такие отношения, которые не наносили бы вреда ни природе, ни обществу. Нужно отныне руководствоваться формулой: «природа — общество — природа». Это значит, что общество взаимодействует с природой и одновременно восстанавливает ее. Современная цивилизация в состоянии это делать. Каждый человек должен осознать и понять, что его жизнь и благополучие полностью зависят от витальности природной среды. В конце концов он должен чувствовать, как выразился Хигтинс, рациональный страх, т.е. страх, связанный с пониманием надвигающейся опасности. Такой страх есть источник подлинной смелости и ничего общего не имеет с патологическим и истерическим страхом, обрекающим людей на бездействие.

Мировое сообщество, и в первую очередь политики развитых стран, наносящих наибольший ущерб природной среде, должно заботиться о том, чтобы каждый человек, каждое государство учитывали не только личные, но и международные интересы. Я не думаю, как это иногда

предлагается, что можно было бы сформировать какое-то мировое правительство, которому могли бы подчиняться все национальные государства и которое решало бы все глобальные проблемы, включая экологические. Слишком велика сила эгоизма, отрицающая общие интересы и абсолютизирующая частные. Но под эгидой ООН многого можно добиться.

В формировании экологического сознания особая роль принадлежит средствам массовой информации. Они должны меньше заниматься политиканством и больше бить тревогу, постоянно напоминать людям об угрожающей их жизни экологической опасности. У человека должно быть сформулировано такое экологическое сознание, которое автоматически будет реагировать на любые нарушения экологического равновесия. Человек постоянно будет учитывать необходимость защиты окружающей природной среды.

Ученые всего мира могут и обязаны создавать экологически чистую технологию для производства материальных благ, для выпуска высококачественных и экономичных машин. А государства прежде всего должны ориентироваться не на высокую прибыль, а на такую прибыль, которая не губит природу, а способствует ее восстановлению. В свою очередь, мировому сообществу необходимо принимать строгие санкции против тех государств, которые наносят невосполнимый ущерб природе.

Можно возразить и сказать, что между должным и сущим огромная дистанция и что долженствование может остаться благим пожеланием. Это действительно так. Но важно показать, что возможно преодолеть экологический кризис. Если же мировая цивилизация проигнорирует эту возможность, то она погибнет и тем самым докажет свою неспособность к самосохранению и саморазвитию.

ГЛАВА 3
ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

1. Поиски движущих сил общественного развития

Одной из важнейших задач философии истории является исследование и раскрытие движущих сил истории, детерминизма общественных процессов и явлений. История представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором воедино связаны географические, материальные (экономические), духовные, социальные, политические и другие факторы. Поэтому очень сложно найти среди них такой фактор, который бы играл решающую роль в движении общества по восходящей линии. А без выяснения такого фактора трудно изучить имманентную логику исторического процесса, объяснить мотивы и поступки людей в ходе их жизнедеятельности.

Мыслители всех времен пытались найти социальные детерминанты. Одни их искали в географическом факторе, другие — в духовном, третьи — в материальном.

Яркими представителями географического детерминизма были французский просветитель XVIII века Ш. Монтескье и замечательный русский ученый XIX века Л.И. Мечников.

Монтескье свое исследование роли географической среды начинает с выяснения вопроса о человеческой природе. По его мнению, климатические условия определяют индивидуальные особенности человека, его телесную организацию, характер и склонности. Так, например, в холодном поясе люди крепче и физически сильнее, поскольку «холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу»[50]. Южные народы, продолжает Монтескье, ленивы от природы, и поэтому они не способны к героическим поступкам. Восприняв однажды те или иные законы, обычаи и традиции, они не расстаются с ними, ибо предпочитают покой. Конечно, эти рассуждения французского философа не выдерживают никакой

[50] Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 350.

критики, поскольку история народов, живущих в жарких климатических условиях, с точки зрения их социальной активности, создания материальных и духовных ценностей свидетельствует об обратном. Хорошо известно влияние восточных культур на всю мировую культуру.

Анализируя вопросы происхождения рабства, Монтескье считает, что в жарких странах, где люди всякую работу исполняют из страха быть наказанными, рабство не противоречит разуму, ибо без рабства в этих странах не было бы никакого прогресса. Климатическими же условиями объясняет французский мыслитель многоженство и моногамную семью.

При рассмотрении вопросов государственного устройства Монтескье приходит к выводу, что в странах с плодородной почвой легче устанавливается дух зависимости, ибо людям, занятым земледелием, некогда думать о свободе, которую французский мыслитель понимает прежде всего как отсутствие зависимости от государственной власти. Но в то же время, по мнению Монтескье, они боятся потерять свое богатство и потому предпочитают правление одной, хотя и деспотической, личности, которая защитила бы их богатый урожай от грабежа.

В странах же с холодным климатом, где условия для земледелия крайне неблагоприятны, люди больше думают о своей свободе, чем об урожае, и поэтому в этих странах отсутствует деспотическая форма правления. Таким же образом Монтескье объясняет и другие социальные явления (торговлю, гражданские законы, международное право и т.д.).

В распространении географического детерминизма важную роль сыграл Л.И. Мечников. Прежде всего он анализирует вопросы свободы человека, так как свобода, с его точки зрения, представляет главную характерную черту цивилизации. Свободу Л.И. Мечников выводит из соответствующих географических условий, которые, как он пишет, оказывают решающее воздействие на формирование различных видов деятельности людей, в частности на кооперацию. Там, где существует, по выражению русского ученого, «кооперативная солидарность», имеется больше возможностей для свободы и меньше для возникновения деспотических форм правления. Деспот, под

которым Л.И. Мечников подразумевает и царя, и военачальника, и жреца — словом, любого, кто проявляет деспотические намерения в отношении другого, имеет место там, где ему нет отпора и люди, лишенные кооперативной солидарности, безропотно ему подчиняются.

Исследуя причины возникновения цивилизации, Л.И. Мечников главное внимание обращает на географическую среду, которая, по его глубокому убеждению, сыграла решающую роль в генезисе и формировании цивилизации. «В жарком поясе, — писал он, — несмотря на его роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почетную страницу в летописях человечества. Здесь причина этого кроется в самом факте, так сказать, излишнего развития органической жизни во всех ее формах, это изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны все необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности»[51]. Труд, заключает Л.И. Мечников, не является в тропиках необходимым условием для зарождения прогресса и цивилизации. Поэтому лишь в условиях умеренного климата у людей имеется стимул к труду, поскольку природа не дает им ничего в готовом виде. Вот почему цивилизации возникли в умеренном поясе.

В данном случае мысли Л.И. Мечникова созвучны с мыслями К.Маркса, писавшего, что не области тропического климата, а умеренный пояс был родиной капитала, что не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда. Вместе с тем Маркс подчеркивал, что естественные условия представляют лишь возможность получения прибавочного продукта, но не создают его сами по себе. На прибавочный труд они влияют лишь как естественные

[51] Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М , 1995. С. 273.

границы, которые отодвигаются назад в той мере, в какой развивается промышленность. Таким образом, Маркс связывал естественные условия с материальным производством и выяснял их влияние через производство.

Великие реки Л.И. Мечников считал основным фактором, детерминировавшим зарождение и развитие цивилизации. «Четыре древнейшие великие культуры все зародились и развились на берегах великих рек. Хуанхэ и Янцзы орошают местность, где возникла и выросла китайская цивилизация; индийская, или ведийская, культура не выходила за пределы бассейнов Инда и Ганга; ассиро-вавилонская цивилизация зародилась на берегах Тигра и Евфрата – двух жизненных артерий Месопотамской долины; наконец, Древний Египет был, как это утверждал еще Геродот, «даром» или «созданием» Нила»[52]. Поскольку эти цивилизации возникли на берегах рек, русский ученый их называет речными цивилизациями.

Речные цивилизации, продолжает Л.И. Мечников, были изолированы друг от друга и поэтому сильно различались. По мере их распространения на побережья морей и тем более океанов они стали охватывать более широкий круг народов. Освоение океанов, по утверждению Л.И. Мечникова, приводит к возникновению океанской цивилизации, которая начинается с открытия Америки. Русский ученый считает, что демаркационной линией между Средними веками и Новым временем является открытие Нового Света Колумбом. «Результатом этого открытия явилось быстрое падение средиземноморских наций и государств и соответственный быстрый рост стран, расположенных на побережье Атлантического океана, т.е. Португалии, Испании, Франции, Англии и Нидерландов. Народы этих стран не замедлили воспользоваться географическими выгодами своих стран, и центры цивилизации переместились с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана. Константинополь, Венеция и Генуя потеряли свое значение, и во главе культурного движения стали Лиссабон, Париж, Лондон и Амстердам»[53].

---

[52] Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 328–329.

[53] Там же. С. 334–335.

При сравнении Древнего Запада и Древнего Востока Л.И. Мечников делает вывод, что Запад превосходит Восток по всем параметрам, но это превосходство он тоже объясняет географическими преимуществами Запада. Инертность Индии, считает он, обусловливается ее неблагоприятным географическим положением. «Достигнув предела развития речного периода цивилизации, индусская нация, запертая в изолированной стране, примирилась со своей судьбой и безропотно покорилась; индусский народ замер в бездействии, в бесстрастном покое и в созерцательном экстазе...»[54] В отличие от восточных стран западные государства вели очень активный образ жизни, постоянно искали новые территории и новые возможности усиления своего влияния. Л.И. Мечников делал ту же ошибку, что и другие исследователи, объявлявшие восточные народы инертной массой. Он рассматривал и политические формы правления, в частности деспотию. По его мнению, деспотизм тоже детерминируется географическими факторами. Деспотизм египетских фараонов, например, Л.И. Мечников выводил из климатических условий долины Нила.

Следует подчеркнуть, что сторонники географического детерминизма сыграли известную положительную роль. Во-первых, признавая определяющую роль географической среды в историческом процессе, они тем самым показали, что движущие силы общественного развития следует искать на земле, а не на небе, как это делали и делают теологи. Во-вторых, многие их идеи очень актуальны в наше время, когда, как уже выше отмечалось, мир переживает глубокий экологический кризис и когда необходимо беречь природную среду, от которой в конечном счете зависит жизнь и дальнейшее существование человечества. Вместе с тем нельзя не отметить, что они не учитывали качественного своеобразия общества и все объясняли лишь географическими условиями.

Другие мыслители при исследовании движущих причин общественного развития решающее значение придавали духовному фактору. Так, французские материалисты

---

[54] Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 423–424.

XVIII века объясняли все социальные процессы из идей, из принципа: «Мнения правят миром». Но этот принцип не мог дать цельного научного представления о социальных феноменах, потому что в действительной жизни оказывается, что мнений существует неограниченное количество, что каждый человек имеет свое собственное мнение. Правда, эти мыслители говорили, что речь идет не о мнениях и идеях всех людей, а только о мнениях критически мыслящих личностей, создающих идеальные модели общества и предлагающих их народу. Но ведь и критически мыслящих личностей тоже может оказаться огромное множество.

Основоположник позитивизма О.Конт прямо заявлял, что социальной детерминантой являются идеи: «Не читателям этой книги я считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях»[55].

Гегель тоже исходил из духовного фактора, но он поставил этот вопрос несколько иначе. Он считал, что творцом истории является мировой разум. Понятие разума немецкий философ употребляет в разных смыслах. Во-первых, разум — это разум индивида; во-вторых, разум — это закономерное развитие истории; в-третьих, разум — это основа истории. «Разум, — пишет Гегель, — есть *субстанция*, а именно — то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть *бесконечная мощь*... Разум есть *бесконечное содержание*, вся суть и истина...»[56]

Всю историю Гегель превращает в историю мысли, которую нужно излагать и исследовать. «Гегелевское понимание истории предполагает существование абстрактного, или абсолютного, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа»[57]. Правда, при анализе конкретной истории Гегель дает замечательное изложение фактологического материала. Но тем не менее для немецкого

---

[55] Конт О. Курс положительной философии. СПб, 1900. Т. 1. С. 21.
[56] Гегель Г В.Ф. Лекции по философии истории. М., 1993. С. 64.
[57] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 93.

философа главной движущей силой истории выступает идея. Поэтому философия истории Гегеля — это спекулятивная философия, в которой в мистифицированной форме просматриваются гениальные идеи о закономерностях исторического развития, о социальном прогрессе, о необходимости и свободе и т.д.

Маркс тоже искал движущие силы общественного развития, его детерминанты, но к изучению истории он подошел с диаметрально противоположных, а именно с *материалистических позиций.* Он считал, что следует исходить не из идей, а из реальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»[58]. Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества. Материальная жизнь, материальные общественные отношения, формирующиеся в процессе производства материальных благ, **детерминируют** все другие формы деятельности людей — политическую, духовную, социальную и т.д. Идеи, даже туманные образования в мозгу людей, являются испарением их материальной жизни. Мораль, религия, философия и другие формы общественного сознания отражают материальную жизнь общества.

Сущность материалистического понимания истории Маркс в Предисловии к «К критике политической экономии» выразил следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных от-

[58] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 18.

ношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[59].

Материалистическое понимание истории, открытое Марксом, требует не просто его констатации, в противном случае оно ничем бы не отличалось от спекулятивного, идеалистического объяснения общественных процессов, а изучения действительной жизни людей. Поэтому Маркс обращается к анализу практической деятельности людей, которые в первую очередь должны жить, а для этого им необходимы пища, жилище, одежда и т.д. Вот почему первым историческим актом следует считать производство самой материальной жизни. Материальное производство есть основное условие всякой истории, и оно должно выполняться непрерывно.

Итак, согласно Марксу, производство материальных благ необходимо для удовлетворения потребностей людей. Но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, ибо новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства предметов потребления. Такова диалектика производства и потребления. Так Маркс формулирует закон возрастания потребностей. Люди, производя ежедневно свою собственную жизнь, производят и других людей, т.е. начинают размножаться. В этой связи Маркс выделяет три стороны социальной действительности: производство жизненных средств, порождение новых потребностей и производство людей.

Материалистическое понимание истории можно резюмировать таким образом:

1. Данное понимание истории исходит из решающей, детерминирующей роли материального производства непосредственной жизни. Необходимо изучать реальный процесс производства и порожденную им форму общения, т.е. гражданское общество.

---

[59] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

2. Оно показывает, как возникают различные формы общественного сознания — религия, философия, мораль, право и т.д. — и каким образом они детерминируются материальным производством.

3. Оно всегда остается на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной жизни.

4. Оно считает, что каждая ступень развития общества застает определенный материальный результат, определенный уровень производительных сил, определенные производственные отношения. Новые поколения используют производительные силы, приобретенный предшествующим поколением капитал и таким образом одновременно создают новые ценности и изменяют производительные силы.

Открытие материалистического понимания истории означало **научную** революцию в философии истории. Во-первых, Маркс открыл новый континент-поле: это **экономическое поле,** на котором создаются материальные ценности, выступающие в роли фундамента всякой общественной жизни. Во-вторых, новый континент-поле нельзя было исследовать с помощью старых философских категорий и старого логического аппарата. Поэтому Маркс совершает не только *концептуальный,* но и *эпистемологический* разрыв с прежней философией истории. Он разрабатывает категории своей философии истории: общественное бытие, общественное сознание, базис и надстройка, способ производства, производственные отношения, общественно-экономическая формация, экономическая структура и др. Эти категории представляют собой инструменты научного познания, с помощью которых можно анализировать и изучать общество.

Материалистическое понимание истории еще при жизни его автора подвергалось различным интерпретациям, которыми сам Маркс был не доволен. В конце XIX века, когда марксизм занял одно из ведущих позиций в европейской философской теории, многие исследователи начали упрекать Маркса в том, что он якобы все многообразие истории и общественной жизни редуцировал к экономическому фактору и тем самым упростил весь исторический процесс, состоящий из самых

разных феноменов, фактов и событий. И материалистическое понимание истории его противники окрестили экономическим материализмом.

Одним из первых критиков Маркса выступил профессор Лейпцигского университета П.Барт, с работами которого был знаком Энгельс. Барт пишет, что Маркс был воспитан на гегелевской философии, и поэтому все, что не вытекало из единого принципа, он считал ненаучным. Сам Маркс в качестве такого принципа выбрал экономику, из которой выводит все остальные сферы общественной жизни. Он, продолжает Барт, лишает эти сферы самостоятельности и полностью подчиняет их экономическому фактору. На самом же деле право, идеология, политика и т.д. независимы от экономики и развиваются самостоятельно. Но «у Маркса же и у Энгельса ни слова не говорится о реакции идеологии на народное хозяйство, — реакции, которая сама собой очевидна и не может не обнаружиться, потому что деятельный работник на поприще народного хозяйства, человек, является вместе с тем носителем идей, а идеи направляют его поступки»[60].

На многие критические замечания противников материалистического понимания истории Энгельс ответил известными письмами 90-х годов прошлого века, в которых он разъяснял основные положения материалистического понимания истории, подчеркивал, что существует взаимодействие всех моментов, «в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей, т.е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, что ее не существует»[61]. Энгельс это иллюстрирует на примере государства, философии, права и т.д. Так, он пишет, что влияние государственной власти на экономику может проявиться в трех формах. Во-первых, государство может действовать в том же направлении, в каком развивается экономика. Тогда развитие экономических структур идет быстрее. Во-вторых, оно может действовать против экономиче-

[60] Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 291.
[61] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394–395.

ского развития. В-третьих, оно может ставить преграды экономике в определенных направлениях и толкать его в других направлениях. Во втором и третьем случаях государство тормозит развитие экономики. Бывают и такие случаи, когда в войне государство-победитель уничтожает развитую экономику побежденного государства.

Несмотря на широкие разъяснения Энгельса о роли неэкономических факторов в историческом процессе, критики материалистического понимания истории тем не менее считают, что оно уязвимо, так как нельзя все объяснить экономическими условиями жизни людей. Эта критика продолжается до настоящего времени. Многие даже материалистическое понимание истории назвали позитивистской интерпретацией исторического процесса. Некоторые утверждают, что философия истории Маркса носит такой же натуралистический характер, как естественнонаучные теории, в частности дарвиновская теория эволюции, ибо Маркс якобы отказался от общих философских рассуждений при анализе хода исторического развития. Материалистическое понимание истории будто бы больше не ограничивается сравнением и аналогией с существующими науками, но касается специфического объекта своего исследования — материального производства и связанных с ним общественных форм.

Спрашивается, правы ли критики Маркса в том, что в материалистическом понимании истории принижается роль неэкономических факторов? Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с того, что формирование материалистического взгляда на общество проходило несколько этапов. Ведь Маркс вначале был идеалистом (это видно в его ранних статьях), он постепенно начинает создавать свою гениальную теорию об общественном развитии. Первое такое всестороннее изложение дается в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.). Здесь можно встретить не совсем зрелые теоретические высказывания. Например, Маркс и Энгельс пишут: «Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действи-

тельностью также свое мышление и продукты своего мышления»[62]. Вполне понятно, что те, кто, скажем, исследовал роль религии в истории человеческого общества, не могли согласиться с такой точкой зрения.

Энгельс признавал, что они с Марксом «сами виноваты в том, что молодежь иногда придает большее значение экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»[63]. Иначе говоря, при разработке материалистического объяснения исторического процесса Маркс и Энгельс несколько абсолютизировали роль экономического фактора, как говорится, перегнули палку для того, чтобы убедить своих оппонентов в правильности своей концепции, но в работах, посвященных конкретным историческим событиям и явлениям, все сложные процессы рассматривались в единстве. Достаточно почитать произведения Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др., чтобы убедиться в том, какое огромное значение великий мыслитель придавал разным факторам общественного развития. Скажем, в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс дает блестящий анализ расстановки политических сил во Франции в 1848–1851 годах.

Энгельс писал, что противникам материалистического понимания истории не хватает знания диалектики. «Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет

[62] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.
[63] Там же. Т. 37. С. 395.

ничего абсолютного, а все относительно»[64]. К этим словам Энгельса можно добавить: **им не хватает способности думать, анализировать, проникать в сущность общественных феноменов и процессов. Короче, им не хватает научного осмысления исторического процесса.**

Но даже оппоненты материалистического понимания истории единодушны в том, что оно заняло важное место в философии истории. Э.Бернгейм, например, пишет, что, «несмотря на явную односторонность экономического материализма, ему все же нельзя отказать в довольно значительной заслуге: в постоянном внимании к экономическим условиям и влияниям, к реальным интересам социальных групп, поскольку последние с беспристрастной точки зрения действительно играют роль в исторической жизни»[65]. Также лестно отзывается о материалистическом понимании истории Н.И. Кареев: «Не будучи сторонником экономического материализма, я, однако, взглянул на него как на одну из историологических теорий, которая, вернее — элементы которой должны вместе с разными другими идти в общий социологический синтез»[66]. А Ж.П. Сартр прямо заявляет, что он безоговорочно согласен с тезисом Маркса, согласно которому способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще[67].

Открытое Марксом материалистическое понимание истории играет роль парадигмы исследования человечества. И эта парадигма нисколько не устарела, потому что континент-поле (экономическая структура общества) остается и будет оставаться, пока существует социум. Этот континент-поле меняется (меняются производственные отношения, производительные силы, разделение труда и т.д.), но функционально инвариантно. Поэтому любой исследователь, если он действительно хочет получить научные результаты, может использовать Марксову парадигму. И абсолютно неубедительны аргументы, выдвигаемые оп-

---

[64] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 420–421.
[65] Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1909. С. 78–79.
[66] Кареев Н.И. Историология (теория исторического процесса). Пг., 1915. С. 10–11.
[67] Sartre J.P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. P. 31.

понентами Маркса против его понимания и объяснения исторического процесса. Кризис современного обществознания еще раз свидетельствует о том, что ни структурализм, ни постструктурализм, ни постмодернизм не могут выступать в роли парадигмы, потому что они абстрагируются от реальной действительности и носят спекулятивный характер.

Не все философы истории являются сторонниками монистического подхода к объяснению хода общественного развития. Они отвергают как идеалистический монизм (детерминанта общества – духовный фактор), так и материалистический (детерминанта общества – материальный фактор, экономика) и выдвигают плюралистический подход. Они считают, что нет односторонней детерминации общественного развития. Ни экономика, ни политика, ни философия, ни религия не играют какой-то решающей роли. Надо исходить из того, что все факторы равнозначны и одинаково влияют на общественное развитие. Эта позиция в философии истории получила название теории факторов (М.Вебер, Р.Арон).

За последнее время в связи с научно-технической революцией и автоматизацией производства многие философы обратили свои взоры на роль техники в обществе. Действительно, наука и техника начали вторгаться буквально во все сферы жизни. Происходит автоматизация производственных процессов, все большее применение получает электронно-вычислительная техника. Компьютеры в сотни раз облегчают труд ученых, машинисток, бухгалтеров и других работников общественного производства. Наука все больше превращается в непосредственную производительную силу. Наступает тот период, когда в результате сближения науки и производства всякое открытие становится основой нового изобретения или нового усовершенствования методов производства. Невиданных успехов добились в сфере космических исследований. Человечество вышло за пределы земного притяжения.

Не требует особых доказательств, что в XXI веке (впрочем, как и в XX) будут доминировать те государства, которые будут обладать научным капиталом. Поэтому нужны капиталовложения в научные исследования, и

прежде всего в фундаментальные науки, совершающие прорыв в области научных открытий. Нужны капиталовложения в образование, так как только образованное поколение может рационально использовать достижения науки и техники.

Как уже отмечалось, научно-техническая революция стала составной частью современного мира. Она вошла во все структуры общественных отношений. Поэтому она не может не влиять на развитие социума, на мировоззрение людей и в целом на будущее человечества. Вот почему многие философы (и не только философы) исследуют ее с точки зрения той роли, которую она играет в современном обществе и в формировании новых социальных структур. В результате длительных размышлений они пришли к выводу, что ни духовные, ни экономические факторы в настоящее время не детерминируют общественное развитие. Такую детерминацию якобы осуществляет техника. Иначе говоря, все прежние детерминанты заменены технологическим детерминизмом.

Но, на мой взгляд, техника не может быть главной детерминантой общественного развития. Ее не следует рассматривать в отрыве от всей сложной, многоплановой и многогранной жизни. Нельзя ее анализировать в отрыве от общественных отношений и общественных потребностей. Техника сама по себе не функционирует и без людей, без их взаимодействия в процессе производства превращается в груду мертвых металлов. Она пронизывает все сферы общественной жизни, но нигде не выступает самостоятельно и, следовательно, не может претендовать на роль детерминанты исторического развития.

2. Общество как структурированное целое. Варианты и инварианты. Детерминанты и доминанты

Общество, как уже писалось, возникло на определенном этапе эволюции природы. Оно — часть природы и вместе с тем качественно отличается от нее. Оно есть сложное *структурированное* целое, все элементы которого находятся в постоянном взаимодействии.

Условно общество можно разбить на четыре большие сферы: экономическую, социальную, политическую и

духовную. Все они взаимосвязаны, но вместе с тем обладают относительной самостоятельностью.

Экономическая сфера есть единство производства, потребления, обмена и распределения. Всякое производство есть вместе с тем и потребление. Но всякое потребление есть вместе с тем производство. Государство, ничего не производящее, ничего не будет потреблять. В свою очередь, производство и потребление не существуют без обмена и распределения. «Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям...»[68] Но эти четыре элемента экономической сферы можно разделить на субэлементы. Так что сама экономическая сфера сложна и многогранна.

Социальную сферу представляют этнические общности людей (род, племя, народ, нация и т.д.), различные классы — рабы, рабовладельцы, крестьяне, буржуазия, пролетариат и другие социальные группы.

Политическая сфера охватывает властные структуры (государство, политические партии, политические организации и движения и т.д.). Государство, как и любая политическая система, очень дифференцированно.

Духовная сфера тоже обладает чрезвычайно сложной структурой. Она включает в себя философские, религиозные, художественные, правовые, политические, этические и другие воззрения людей. А также их настроения, эмоции, представления об окружающем мире, традиции, обычаи и т.д. Все эти элементы тоже находятся во взаимной связи и взаимодействии.

Четыре большие сферы общественной жизни диалектически, а не механически контактируют между собой. Они не только взаимосвязаны, но и взаимообусловливают друг друга. Разве экономическая сфера существует без людей, носителей классовых, групповых и иных отношений? А разве не эти же люди являются носителями форм общественного сознания? Очевидно, на все эти вопросы следует дать утвердительный ответ. Но тогда возникает еще один вопрос: в таком случае зачем искать детерми-

[68] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 715.

нирующий фактор? Этот фактор нужно искать, во-первых, потому что общество не есть механический агрегат, который автоматически, без вмешательства людей изменяется и развивается как попало. Люди сами делают свою историю, и они вправе знать, какие сферы являются решающими в их жизнедеятельности. В истории бывали случаи, когда главное внимание обращали на политику (в форме войны) или на идеологию. И в конечном счете люди жестоко расплачивались за эти произвольные действия власть имущих. Во-вторых, детерминирующий фактор нужно искать и потому, чтобы раскрыть имманентную логику исторического процесса, законы его развития и функционирования. Нет естественных наук без раскрытия сущности природных явлений и процессов. Нет общественных наук, в том числе философии истории, без раскрытия глубинных причин изменения и развития общественных отношений. Пустое философствование на манер иррационалистов превращается в трепологию, которая никому не нужна и, кроме вреда, ничего не приносит.

Общество, как уже чуть выше отмечалось, есть структурированное целое. Это значит, что все его элементы как на макро-, так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют. Они структурно меняются, совершенствуются, развиваются. Иначе говоря, они (элементы) **вариантны**. Духовные сферы, например, эпохи рабства и нашего времени претерпели такие количественные и качественные изменения, что об этом даже неудобно писать.

Но вместе с тем элементы духовной сферы общества **инвариантны** в том смысле, что возложенные на них функции постоянны на протяжении всей мировой истории. Кстати, заметим в этой связи, что функции философии тоже в основном сохранились (прежде всего речь идет о мировоззренческих функциях), если ее не сводить к упражнениям в области языка или текста, как это делают аналитические философы, постструктуралисты и прочие ликвидаторы философии. Какие бы изменения ни претерпела политическая сфера, ее главной функцией остается властное регулирование отношений между обществом и государством, между государством и челове-

ком, между различными классами, государствами и т.д. Как бы ни совершенствовалась экономика, как бы ни менялись производственные отношения и производительные силы, главной функцией экономики всегда было и будет создание материальных ценностей.

В структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, которые различаются по значимости для субъектов истории, т.е. для людей. Чтобы общество функционировало как целостное социальное образование, необходимо прежде всего производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т.д. Это естественный процесс исторического развития общества. Поэтому у Маркса были *все основания* утверждать, что способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Другими словами, **экономический фактор** всегда выступает в конечном счете как **детерминанта, движущая сила исторического процесса.**

Слова «в конечном счете» были впервые употреблены в письмах Энгельса 90-х годов прошлого столетия. На их теоретический смысл впервые обратил внимание французский философ нынешнего века Л.Альтюссер. Он считает, что в конечном счете есть «топика, т.е. пространственное расположение, определяющее для данных реальностей места в пространстве»[69]. Этими реальностями являются четыре большие сферы общественной жизни. Топика представляет собой общество в виде здания, этажи которого опираются на его фундамент. Этажей может быть много, но фундамент один. Фундамент без этажей не есть здание, но и здание без фундамента не может висеть в воздухе. В конечном счете этажам нужна какая-то опора. Поэтому в «детерминации топики конечный счет есть действительно конечный счет. Это означает, что имеются и другие счеты или инстанции, которые фигурируют в юридическо-политической и идеологической надстройке. Таким образом, упоминание в конечном счете в детерминации имеет двойную функцию. Оно отме-

[69] Althusser L. Positions Paris, 1976. P. 138.

жевывает Маркса от всякого механицизма и открывает в детерминации действие различных инстанций, действие реального различия, в которое вписывается диалектика. Следовательно, топика означает, что детерминация в конечном счете экономическим базисом мыслится только в дифференцированном и, следовательно, сложном и расчлененном целом, где детерминация в конечной инстанции фиксирует реальное различие других инстанций, их относительную самостоятельность и их собственный способ воздействия на сам базис»[70].

Детерминирующая роль экономического фактора вовсе не значит, что генетически экономическая сфера предшествует другим сферам общественной жизни. Разумеется, это было бы абсурдным утверждением. Все сферы находятся в единстве, и ни одна из них не предшествует другой. Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве **доминанты**, т.е. могут играть господствующую роль. Возьмем, например, политику. Она нередко играла доминирующую роль в тех или иных общественных процессах. Известно, что в романизации Европы решающую роль сыграли войны Юлия Цезаря. В современной России нередко политика выступает в роли доминанты всех общественных изменений. И не случайно многим кажется, что политика детерминирует все эти изменения. Политика играет роль доминанты, а не детерминанты. В качестве такой детерминанты выступает современная экономическая ситуация в России. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что *чем меньше развиты экономические структуры общества, тем выше значимость и роль неэкономических факторов.* В эпоху феодализма, например, когда экономические отношения были слабо развиты, доминирующую роль играли религия и политика. Как показал М.Вебер, в становлении капиталистических отношений в Германии доминирующую роль сыграла протестантская религия.

Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Общественное

[70] Ibid. P. 139–140.

сознание, государство, социальная сфера и другие неэкономические факторы обладают самостоятельностью, имеют собственные закономерности развития и логику. Так, развитие философии необязательно совпадает с экономическим базисом той или иной страны. В экономически отсталой стране весьма успешно может развиваться философия как специфическая область духовной жизни. В феодальной Германии возникла классическая немецкая философия, внесшая неоценимый вклад в мировую философскую культуру. В помещичьей России мы видим взлет философской мысли В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и многих других.

Если взять искусство, то наблюдается такая же картина. Было бы абсурдно утверждать, что прогрессивному экономическому базису непременно соответствует прогрессивное искусство и, наоборот, отсталый базис обязательно порождает несовершенные формы искусства. Искусство как духовный феномен сложен и многообразен, имеет свои законы развития и изменения, и его объяснение нельзя ограничивать одними ссылками на материальные условия жизни. «Относительно искусства, — писал Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего»[71]. Никакими материальными факторами нельзя объяснить феномен Пушкина, гениальное творчество Моцарта и Чайковского, Бальзака и Толстого.

Для исследования и изучения искусства следует обращаться не только к материальным основам общества, но и ко всем другим социальным явлениям и образованиям. Необходимо иметь в виду и то, что искусство представляет собой специфическую форму отражения действительности и в процессе художественного освоения реального мира создаются духовные ценности, которые уникальны и имеют непреходящее значение. Они всегда современны и приносят огромное удовлетворение и эстетическое наслаждение многим поколениям. Картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Гогена, драматургия Шекспира, лирика

[71] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

Пушкина, проза Достоевского и Толстого всегда будут учить добру, любви к человеку, гуманизму, социальной справедливости. А это такие ценности, которые в любом обществе и при любом экономическом базисе будут играть важнейшую роль. В этой связи нельзя не заметить, что каждое поколение по-своему читает и осмысливает произведения искусства и литературы.

Велика роль искусства в жизни людей, в формировании их мировоззрения. Оно обогащает их духовно, помогает познать мир, правильно оценивать историческое прошлое и настоящее, лучше понять человека со всеми его помыслами и чувствами.

Таким образом, выражаясь фигурально, можно сказать, что общество — это многоэтажное здание с одним экономическим фундаментом. Этажи — неэкономические факторы. Они вариантны, и тот или иной доминирует в конкретных исторических условиях. Фундамент — это детерминанта. Он имманентно вариантен, но для всего исторического процесса инвариантен. Доминанты и детерминанты находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

ГЛАВА 4
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Философско-исторические воззрения Вико, Кондорсе, Гегеля, Маркса на периодизацию мировой истории

Философско-исторический анализ человеческого общества предполагает выяснение вопроса о делении истории на определенные периоды, эпохи или этапы. Оно связано с тем, что необходимо представить, в каком направлении история развивается, какие этапы она проходит в процессе своей длительной эволюции, чем эти этапы отличаются друг от друга и какие критерии существуют для их выделения.

Периодизация исторического процесса находилась в центре внимания многих мыслителей, особенно с начала Нового времени[72]. Наибольший след в философии истории оставили итальянский ученый Вико, французский мыслитель Кондорсе, а также Гегель и Маркс. Поэтому начнем с изложения их воззрений.

Вико Джамбаттиста создал теорию исторического круговорота. В довольно темных мифологических выражениях он излагает закономерности развития исторического процесса и приходит к выводу, что естественное право народов «проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три века, протекшие, как говорили египтяне, за все время мира до них, а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением и что все решительно им приказывается ауспициями или оракулами — самыми древними вещами языческой истории; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических республиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; наконец, — Век Людей, когда все признали, что они рав-

[72] Очень интересный и содержательный анализ всех воззрений на периодизацию дается в книге Ю.И. Семенова. «Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории». М., 1996.

ны по человеческой природе; поэтому в этот век сначала процветали народные Республики, а под конец — Монархии: обе эти формы правления являются человеческими правлениями...»[73]

Каждая нация совершает поступательное движение от божественной эпохи до человеческой, а потом возвращается к своему первоначальному состоянию. «Вернулись некоторые виды Божьего суда, так называемые канонические очищения (purgatio canonica)... Вернулись Героические разбои... Вернулись Героические возмездия... И потому и войны позднейших варварских времен, как и времен первого варварства, были религиозными... Вернулось и Героическое рабство, которое существовало чрезвычайно долго даже среди самих христианских наций»[74]. Но это не есть абсолютный возврат к первоначальному состоянию, ибо Вико прекрасно понимал, что такой возврат невозможен. После завершения круга снова начинается развитие по восходящей линии. Каждой эпохе или веку соответствуют свои нравы, обычаи, характеры, юридические законы и т.д. В Божественную эпоху, например, право каждого зависело от богов, в Героическую эпоху решающую роль играло право силы, т.е. был прав тот, кто оказывался физически сильнее. В Век Людей право базировалось на человеческом разуме.

Каждому веку соответствовали и свои формы правления. В эпоху Богов форма правления носила теократический характер, так как люди верили, что все приказы исходят от Богов. Это век оракулов и жрецов. В Век Героев правили аристократы, а в Век Людей правление имело демократическую направленность. Все граждане были уравнены законами и пользовались одинаковыми правами.

Каждому веку также соответствовал свой авторитет. В Божественную эпоху главным авторитетом был авторитет Бога, для которого не требовалось никакого обоснования. В Героическую эпоху в роли авторитетов выступали торжественные формулы законов, т.е. строгое их соблюдение. В эпоху Человеческую авторитет базировался на до-

---

[73] Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 25–26.

[74] Там же. С. 441.

верии к людям благоразумным, которые вели себя сообразно общепринятым нормам и принципам.

Вико подробно излагает проблемы понимания права, судебных органов, сословного деления общества и т.д. Иными словами, итальянский мыслитель дает широкую панораму истории человеческого общества, правда, у него речь в основном идет о европейской истории. Но тем не менее нельзя не отметить грандиозность и масштабность замысла Вико, его попытку представить общество в процессе своего естественного развития.

Кондорсе Мари Жан Антуан Никола́ весь исторический процесс разбил на десять эпох и дал соответствующую характеристику каждой из них. Первую эпоху он рассматривает как эпоху первобытного состояния людей, когда они были соединены в племена, которые, по его мысли, образовались из слияния нескольких семейств. Во вторую эпоху совершается переход от пастушеского состояния к земледелию, что следует считать, по утверждению Кондорсе, прогрессивным шагом в истории человечества, ибо земледелие представляет собой более спокойный труд, дававший людям возможность делать жизнь более спокойной, кроме того, «некоторый прогресс совершается в области ремесел; люди приобретают некоторые познания в искусстве кормления домашних животных, научаются содействовать их размножению и даже усовершенствовать породу»[75]. Появляется больше предметов для удовлетворения потребностей людей, совершенствуются орудия производства, увеличивается их количество, отношения в семье, возникнув для удовлетворения потребности детей в родительском уходе, видоизменяются, «способствуют развитию чувства солидарности между супругами»[76].

При характеристике третьей эпохи французский мыслитель особое внимание обращает на разделение труда, способствовавшее поступательному движению общества по восходящей линии, так как человек-производитель достигает большего совершенства, когда происходит определенная специализация или разделение труда. Одни

---

[75] Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 24.
[76] Там же. С. 18.

обрабатывают землю, другие изготавливают земледельческие орудия, третьи занимаются скотоводством, четвертые — домашним хозяйством и т.д. Разделение труда приводит к образованию классов собственников, рабов и прислуги. Появляются государственные формы устройства общества, быстро развиваются медицина, астрономия и другие науки.

Четвертую и пятую эпохи Кондорсе связывает с Древней Грецией и Древним Римом. Он подчеркивает, что греческая культура возникла не на пустом месте, что Греция многое позаимствовала у восточных народов: их ремесла, часть их знаний, азбуку и религиозную систему. Таким образом, Кондорсе в отличие от многих современных ему философов истории указывал на единство мировой истории, на взаимосвязь и взаимовлияние народов разных стран. Прекрасно зная греческую философию, искусство, в целом духовную жизнь Эллады, он излагает успехи, которых достигла античная Греция в философии, искусстве, семейных отношениях и т.д. Он сравнивает законодательства античности и восточных народов и приходит к выводу, что греческие законы гарантировали свободу членам общества, тогда как законы восточных стран порабощали граждан.

Шестая и седьмая эпохи охватывают средневековье, которое французский просветитель характеризует как период упадка. Человеческий разум, поднявшись на вершину прогресса, стал быстро спускаться с этой вершины. Всюду царили невежество и дикость, всюду господствовали, как выражается Кондорсе, теологические бредни и суеверные обманы. Победа варваров над римлянами, господство христианской религии привели к тому, что философия, искусство, науки перестали развиваться и творчески совершенствоваться.

Кондорсе пишет, что в конце средневековья происходит постепенное развитие наук благодаря тому, что человеческий разум приобретает новую энергию. Лучшие умы объявили войну религиозной нетерпимости и невежеству. И в конце концов разум снова восторжествовал. Наступает восьмая эпоха — эпоха книгопечатания и расцвета наук (собственно говоря, Кондорсе имеет в виду эпоху Возрождения). Совершенствуется алгебра, изобретение

логарифмов упрощает математические операции. Галилей открыл закон падения тел, Коперник совершил великий переворот в астрономии.

Девятая эпоха, по мнению Кондорсе, начинается от Декарта и завершается образованием Французской Республики. Прогресс философии привел к тому, что была выдвинута идея равенства. Декарт, Локк, Лейбниц, Вольтер, другие мыслители внесли выдающийся вклад в науку, философию, искусство и т.д. Рассматривая французскую революцию, Кондорсе отмечает, что философия была ее идеологией, что вожди ее вдохновлялись идеями Вольтера, Руссо и других французских просветителей. В последней, десятой эпохе, т.е. в буржуазном способе производства, Кондорсе видит будущее человеческого общества. Улучшение его состояния он усматривает в уничтожении неравенства между людьми, в совершенствовании человека. Он твердо уверен в том, что все народы мира пойдут по пути социального прогресса, что более отсталые народы будут брать плоды цивилизации других народов в готовом виде и потому их развитие облегчено.

В основу деления истории на определенные эпохи Кондорсе положил прогресс человеческого разума, который он понимал довольно широко, так как в сущности охватывал все сферы общественной жизни.

Гегель ищет иные основы деления истории. Главное внимание он обращает на абсолютную идею, дух. Всемирную историю он считает проявлением духа во времени. Но все это он связывает с географической средой, хотя «связь духа народа с природой есть нечто внешнее, но, поскольку мы должны рассматривать ее как ту почву, на которой совершается развитие духа, она, по существу, и оказывается необходимой основой»[77]. Гегель предупреждает, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение природы, что естественной местностью можно интересоваться лишь в том смысле, что она находится в тесной связи с характером и типом народа. Гегель излагает географическую картину мира, его деление на Старый и Но-

[77] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 126.

вый Свет, затем характеризует каждый континент с точки зрения климатических условий. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало»[78].

В соответствии с географией Гегель историю делит на Восточный мир, куда входят Китай, Индия, Персия, Сирия, Египет и т.д., на Греческий, Римский и Германский.

Восточный мир, пишет Гегель, есть детский возраст истории. Здесь царствует деспотизм и свободным чувствует себя только деспот. Люди вращаются вокруг одного центра, т.е. властителя, который стоит во главе государства как патриарх. Он требует от всех граждан соблюдать существующие предписания. Патриарх является субстанцией, которой все принадлежит.

В Восточном мире, по мысли Гегеля, наблюдается противоречивая историческая картина, имеющая пространственный и временной характер. С одной стороны, можно видеть государство, занимающее огромное пространство и подчиняющее себе людей предписаниями, наказанием, увещеванием и т.д. и поддерживающее устойчивый порядок. Но, с другой стороны, этой пространственной прочности и противостоит форма времени, т.е., не изменяясь пространственно, государства подвергаются бесконечным изменениям по отношению друг к другу. Они воюют между собой, что приводит их к скорой гибели. Но Гегель считает, что эта история не есть действительная история, так как в ней нового ничего нет, а есть повторение одних и тех же процессов.

Греческий мир – это второй главный принцип всемирной истории и вместе с тем это период юности, когда формируются индивидуальности. «...Здесь происходит сочетание нравственной и субъективной воли или существует царство *прекрасной свободы*, так как идея сочетается с пластичной формой: она еще не существует абстрактно для себя, с одной стороны, но непосредственно сочетается с действительным, подобно тому как в прекрасном художественном произведении чувственное носит отпечаток духовного и является его выражением»[79].

---

[78] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 147.
[79] Там же. С. 150.

Немецкий философ не жалеет красок для изображения Греческого мира. Здесь, по его словам, царствуют действительная свобода индивида, истинная гармония, мир и согласие. Индивидуальная воля субъекта придерживается обычаев, привычек, общепринятых норм и законов.

На Востоке существуют две крайности: с одной стороны, субстанциональное начало (властитель), а с другой – индивидуальность. В Греческом мире они соединены, хотя полны противоречий.

Римский мир – третий принцип. Это возраст возмужалости истории. Он «характеризуется не подчинением произволу господина и не собственным прекрасным произволом, но служит общей цели, причем индивидуум исчезает и достигает своей личной цели лишь в общей цели»[80]. Он приносится в жертву во имя достижения общей цели. Этим римское государство отличается от афинского, в котором царствовали индивиды. В Риме они порабощены, но тем не менее они становятся юридическими личностями как частные лица, и в этом смысле они чувствуют себя не просто индивидами, а личностями. В Риме господствует абстрактная свобода, ставящая государство и политику выше любой индивидуальности, но вместе с тем создается свободная личность, отличающаяся от индивидуальности.

В Греции, пишет Гегель, в политической жизни преобладали демократия, на Востоке – деспотизм, в Римском мире – аристократия. В Греции внутри демократических структур идет борьба, раздоры, споры и т.д. В Риме же борьба шла из-за принципов: аристократия боролась с царями, плебеи – с аристократией, пока демократия не достигла господствующего положения.

Германский мир – четвертый период всемирной истории. «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма»[81]. Германский народ, по убеждению его представителя, призван хранить христианские принципы духов-

[80] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 150.
[81] Там же. С. 361.

ной свободы и примирения. Дух в Германском мире достигает полного расцвета и зрелости. Венцом и вершиной развития всемирной истории представляется прусская монархия.

Маркс, как и его предшественники, осмысливая исторический процесс, решил разбить его на определенные периоды, но в основу деления он положил **материальный фактор** – способ производства материальной жизни. Он ввел новую категорию в философию истории для обозначения различных этапов в развитии человечества. Речь идет о категории общественно-экономической формации. Правда, Маркс не сразу нашел это понятие. В «Немецкой идеологии», написанной в 1845–1846 годы, употребляется термин «форма собственности», а появление различных форм собственности связывается с разделением труда.

Первой формой собственности является племенная собственность, которая соответствует неразвитой стадии производства, когда люди жили охотой и рыболовством, скотоводством или земледелием.

Вторая форма – античная общинная и государственная собственность. Наряду с общинной собственностью развивается частная собственность, появляется рабство, уже встречается противоположность между городом и деревней, внутри самих городов тоже имеется противоположность между рабами и гражданами. Эта форма собственности присуща рабовладельческому обществу.

Третьей формой собственности является феодальная собственность. Для античности исходным пунктом служит город, для средневековья – деревня. Почему так произошло? Отвечая на этот вопрос, Маркс и Энгельс пишут, что «эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия»[82].

[82] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 22.

Понятие формации («образование») Маркс взял из геологии. Впервые оно появилось в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В классическом виде эта категория была использована Марксом в Предисловии к «К критике политической экономии», написанной в 1859 году. В этой работе Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[83].

Категория общественно-экономической формации — это категория философии истории, а специфика философских категорий состоит в том, что, будучи абстракциями самого высокого уровня, они отражают наиболее общие, сущностные черты объективной действительности. Формация имеет дело с общей логикой развития человеческого общества, абстрагируясь от частных явлений и случайностей. Ее философское понимание нельзя путать с интерпретацией в исторической науке. Такая путаница часто приводит к недоразумениям, когда историки берут понятие формации в чистом виде и накладывают его на реальный исторический процесс и когда не находят полного тождества формации и действительности, то первая объявляется фикцией. Конечно, реальный процесс неизмеримо богаче и содержательнее, чем любая философская категория. Феодализм, по выражению Энгельса, никогда не соответствовал своему понятию. То же самое можно сказать и о капитализме, и о рабстве и т.д.

Конечно, отсюда не следует, что категория формации — идеальная конструкция и не отражает реальной действительности. Она адекватно отражает эту действительность, но адекватность следует понимать как отражение сущности, а не явления. Исторический процесс — совокупность самых разных фактов, явлений и событий. Одни из них

[83] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 22.

являются более важными для субъектов истории, другие — менее важными, одни непосредственно связаны с логикой истории, другие нет. Формация имеет дело с логикой истории, показывает ее единство и многообразие.

Общественно-экономическая формация включает в себя все явления, которые имеются в обществе (материальные, духовные, политические, социальные, семейно-бытовые и т.д.). *Стержнем формации является способ производства материальной жизни в единстве производительных сил и производственных отношений.* А основой производственных отношений является форма собственности на средства производства. Общественно-экономическая формация — это исторически конкретное общество на данном этапе его развития. Каждая формация — это особый социальный организм, развивающийся на базе своих имманентных законов. Вместе с тем общественно-экономическая формация — это определенная ступень в развитии исторического процесса по восходящей линии.

Маркс разбил всю историю на пять формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и коммунистическая. Правда, у Маркса есть еще и другое деление истории: первичная формация (первобытное общество), вторичная формация (рабство, феодализм, капитализм) и третичная формация (коммунизм). Причем, согласно Марксу, каждая последующая формация является более прогрессивной по сравнению с предыдущей. Маркс подчеркивал, что общество не может перескочить через естественные фазы своего развития, что более развитая страна показывает менее развитой ее собственное будущее.

Нередко критики Марксовой теории общественно-экономической формации обвиняют Маркса в том, что он якобы весь сложный исторический процесс представил в виде железной дороги, станции которой являются общественно-экономическими формациями. Все страны якобы должны обязательно останавливаться на каждой станции. На самом деле ничего подобного Маркс *никогда не утверждал.* Страна более развитая показывает менее развитой ее собственное будущее, но это вовсе не значит, что менее развитая страна обязательно должна пройти все пути более развитой. В этой связи нельзя не вспом-

нить обращение русской революционерки В.Засулич к Марксу высказаться по поводу русской общины и будущего развития России. Прежде чем ответить В.Засулич, Маркс подготовил четыре наброска, которые по содержанию мало отличаются друг от друга. Чтобы полнее представить точку зрения Маркса, приведу длинную цитату из первого наброска: «Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя.

Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы у себя ввести машины, пароходы, железные дороги и т.п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т.п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?»[84]

Отсюда видно, что Маркс как диалектик прекрасно понимал сложный и трудный характер развития исторического процесса. И он вовсе не считал, что каждая страна в обязательном порядке должна пройти все формации. Для Маркса важно то (и это подтверждается ходом развития мировой истории), что все человечество проходит эти формации.

---

[84] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 401.

Маркс употребил еще понятие азиатского способа производства (АСП). В марксоведческой литературе данное понятие вызвало острые дискуссии начиная с 20-х годов, которые, в сущности, ни к чему не привели. Понятие АСП обозначало такой общественно-экономический строй, в котором отсутствует частная собственность на средства производства, прежде всего на землю, нет класса эксплуататоров, есть общины, владеющие землей, но эксплуатируемые государством. Власть имеет деспотический характер. Монарх сосредоточивает в своих руках все рычаги власти — экономические, политические, юридические и т.д. Причины возникновения на Востоке АСП — суровые климатические условия, необходимость ирригационных работ, которые под силу только государству.

Одни участники дискуссии утверждали, что АСП имел место только на Востоке, что его история отличается от истории Запада, в частности, с их точки зрения, на Востоке не было рабства, а феодализм не заменил рабовладельческую общественно-экономическую формацию. Другие же отвергали АСП, утверждая, что Запад и Восток имеют общий путь развития, что рабство было везде и что оно всюду было заменено феодальным способом производства.

Историк Б.В. Поршнев, тоже противник АСП, пошел оригинальным путем. Он заявил, что во времена Маркса в исторической науке вместо понятия «первобытный» употреблялось понятие «азиатский». ...Эпитет «азиатский» под впечатлением открытия санскрита и признания Азии, особенно Индии, прародиной человечества, употреблялся в тогдашней научной литературе в значении «первоначальный», «архаический». Описания индийской общины, вернее, ее обломков, Маркс считал важным свидетельством в пользу вывода, что в самом начале человеческой истории находился бесклассовый общинный строй. Позже, когда развитие науки подтвердило эту мысль не только азиатскими, но и европейскими и американскими данными, Маркс уже не пользовался выражением «азиатский способ производства...»

Вопрос об отсутствии или наличии АСП в истории Востока нельзя решить в рамках философии истории. Это задача конкретных, прежде всего исторических, наук.

С точки зрения философии истории совершенно неважно, существовал АСП или нет, не важно также, сколько было формаций — пять, шесть, десять или двадцать, — но важно, что во всей мировой истории имеют место определенные ступени, стадии, формации, свидетельствующие о том, что исторический процесс не стоит на месте и что каждая его ступень, стадия или формация качественно отличается от предыдущей.

В современных философско-исторических трудах встречаются разные концепции периодизации исторического процесса. Некоторые (Р.Арон) утверждают, что всю мировую историю можно разделить на индустриальную и доиндустриальную эпоху. Американский социолог У.Ростоу разбил всю историю на пять стадий: традиционное общество, переходное общество, стадия подъема, стадия зрелости и стадия массового потребления.

Итак, существуют различные критерии членения истории на отдельные периоды. В одном случае в качестве критерия выступает географический фактор, в другом — материальный, в третьем — духовный и т.д. Но эти критерии не противоречат друг другу, ибо указывают на многогранность и многосторонность исторического процесса, развивающегося по восходящей линии.

2. Цивилизация и культура

В философии истории деление исторического процесса на определенные этапы совершается и по другим основаниям. В этой связи прежде всего следует упомянуть концепцию русского мыслителя прошлого века Н.Я. Данилевского, изложенную им в работе «Россия и Европа». Вначале Н.Я. Данилевский критикует европоцентристские воззрения, согласно которым Запад (Европа) олицетворяет прогресс, а Восток — застой. Он справедливо считает, что восточные страны внесли колоссальный вклад в мировую цивилизацию. Книгопечатание, порох, компас были изобретены в Китае и оттуда были занесены в Европу. Восток нисколько не уступает Западу в создании культурных ценностей.

Выражая свое несогласие с делением мировой истории на древнюю, среднюю и новую, Н.Я. Данилевский вы-

двинул свою концепцию периодизации истории, в основу которой он кладет степень развития цивилизации. «...Естественная система истории, — пишет русский мыслитель, — должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться»[85]. Автор перечисляет следующие культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации: «1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, и 10) германо-романский, или европейский»[86].

Н.Я. Данилевский выделил некоторые общие законы движения и развития культурно-исторических типов: 1) Народы, говорящие на одном или близких языках, составляют один культурно-исторический тип. 2) Для возникновения и развития цивилизации или культурно-исторического типа необходима определенная политическая независимость. 3) «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»[87]. 4) Успехи цивилизации зависят от разнообразия элементов культурно-исторических типов. 5) Формирование цивилизаций длится долго, а период их расцвета краток. Русский мыслитель утверждает, что цивилизации, или культурно-исторические типы развиваются замкнуто и изолированно, но отсюда не следует, что они не влияют друг на друга. «Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому; но из этого не следует, чтобы они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача...»[88]

---

[85] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 87.
[86] Там же. С. 88.
[87] Там же. С. 91.
[88] Там же. С. 98.

Концепция Н.Я. Данилевского оригинальна, но, к сожалению, она незаслуженно была забыта. Многие идеи русского мыслителя были воспроизведены А.Тойнби, который об этом, может быть, и не подозревал, если, конечно, не читал книгу своего предшественника. Выделив в качестве основного критерия религию, он насчитал пять крупных живых цивилизаций и две реликтовые. Живые: «1) православно-христианское, или византийское, общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России; 2) исламское общество, сосредоточенное в аридной зоне, проходящей по диагонали через Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой Китайской стены; 3) индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии к юго-востоку от аридной зоны»[89]; 4) дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах между аридной зоной и Тихим океаном; 5) западное христианское общество (страны Западной Европы, Америки, Австралии, где распространены католицизм и протестантизм. Менее крупных цивилизаций Тойнби насчитал двадцать одну. К реликтовым цивилизациям английский исследователь относит, во-первых, группу стран, включающую монофизитских христиан Армении, Месопотамии, Абиссинии и Египта; во-вторых, группу ламаистских буддистов махаямы в Тибете и Монголии, буддистов хинаяны на Цейлоне, в Бирме и Таиланде.

По утверждению Тойнби, каждая цивилизация в своем развитии проходит четыре стадии: 1) генезис; 2) рост; 3) надлом; 4) распад.

Генезис цивилизации. Анализируя различные концепции происхождения цивилизации, Тойнби отмечает, что цивилизации не могли возникнуть ни вследствие разделения труда, ибо оно имело место и в примитивных обществах; ни из-за расовых различий, так как цивилизации могут возникнуть и в результате взаимодействия различных рас; ни вследствие географических и климатических условий, так как можно найти на земле сходные естественные факторы, которые все же не привели к появлению цивилизации. Поэтому «причина генезиса цивилизаций кроется не в единственном факторе, а в

[89] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 33.

комбинации нескольких; это не единая сущность, а отношение»[90].

Цивилизация, продолжает английский историк, возникает из примитивных (первобытных) обществ в результате вызова, порождаемого исключительными обстоятельствами разного характера и успешного ответа на этот вызов. Вызовы могут быть как природными, так и человеческими. «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда с его некогда существовавшим параллельным руслом. Реки эти пересекают маловодные степи, такие как засушливая Афразийская степь. В нильской долине ответом стал генезис египетской цивилизации, в долине Тигра и Евфрата — шумерской, в долине Инда и его бывшего притока — так называемой индской культуры...»[91] Процесс иссушения рек был вызовом природы, а ответом стало возникновение цивилизации. Когда бывшие пастбища нильской долины превратились в пустыни, то первопроходцы двинулись в эти безжизненные места и своим героическим трудом превратили их в благодатные земли. Природа была покорена и возникла египетская цивилизация. Аналогичным образом возникли и другие цивилизации. Те племена, которые не смогли ответить на вызов и не сумели изменить свой образ жизни, погибли.

Рост цивилизации. Не все цивилизации выдержали испытание временем. Многие из них не смогли развиваться и в конце концов погибли. Тойнби такие цивилизации называет задержанными цивилизациями, к которым он относит цивилизации эскимосов, полинезийцев и других народов. Цивилизации «развиваются благодаря порыву, который влечет их от вызова через ответ к дальнейшему вызову; от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации»[92]. Рост проявляется как через кумулятивное овладение внешним миром (географическая экспансия, например), так и через внутреннюю кумулятивную самодетерминацию и самоорганизацию цивилизации. Те цивилизации, которые быстро распространяют

[90] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 107.
[91] Там же. С. 113.
[92] Там же. С. 214.

свое влияние на окружающую социальную и природную среды, устанавливают разумные законы и нормы функционирования общества, успешно развиваются. Те же, которые этого не смогли добиться, с течением времени погибают.

Тойнби критерий роста цивилизации ищет в прогрессивном процессе самоопределения общества, члены которого должны находиться в гармоническом состоянии и должны быть включены в процесс преобразований. Тойнби понимает, что всеобщий прорыв — дело чрезвычайно сложное и, может быть, невыполнимое, так как интеллектуальный уровень масс повышается очень медленно. Поэтому главную роль в росте цивилизации английский историк отводит творческому меньшинству. «Сам факт, что рост цивилизаций — дело рук творческих личностей или творческих меньшинств, предполагает, что нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего собственного уровня»[93]. Растущие цивилизации, находящиеся в динамическом состоянии, отличаются от статических примитивных обществ тем, что в первых благодаря творческому меньшинству наблюдается поступательное движение.

В росте цивилизации, по мнению Тойнби, большую роль играет не только творческое меньшинство, но и великие личности. Они подтягивают нетворческое большинство (толпу, по выражению Тойнби) до творческого меньшинства. Это «решается благодаря свободному мимесису — возвышенному свойству человеческой природы, которое скорее есть результат коллективного опыта, нежели вдохновения»[94]. Мимесис присущ человеку от природы, но его надо активизировать так, чтобы нетворческое большинство всегда подражало творческому меньшинству.

Надлом цивилизации. Тойнби считает, что причины надлома цивилизаций не следует искать за их пределами, они находятся внутри самих цивилизаций. Один из признаков роста цивилизации — самодетерминация. Но со временем внутри цивилизации появляются трещины.

[93] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 259.
[94] Там же. С. 260.

Творческие личности постоянно заняты тем, чтобы вести за собой нетворческую массу, постоянно призывают ее к подвигам и к непрерывному совершенствованию. «Однако нетворческая часть общества всегда и везде численно превосходит творческое меньшинство и в косной массе своей является тормозом, ибо не в состоянии преобразиться полностью и одновременно»[95]. Она перестает подражать творческому меньшинству, и последнее начинает терпеть неудачу в продвижении по пути прогресса, в результате чего цивилизация начинает терять самодетерминацию.

Распад цивилизации. В процессе надлома цивилизации творческое меньшинство превращается в господствующее меньшинство, которое, не желая уступить власть, начинает прибегать к силе, что вызывает еще большее отчуждение между правящим меньшинством (оно же творческое меньшинство) и неправящим большинством, т.е. нетворческим большинством. Общество раскалывается на три группы: доминирующее меньшинство, внутренний и внешний пролетариат.

Внутренний пролетариат состоит из людей, которые являются членами данного общества. Скажем, внутренний пролетариат античной Греции состоял из обездоленных элементов самого эллинского общества, из представителей чужих и примитивных обществ, насильственно включенных в эллинский социум, а также из рабов. Что касается внешнего пролетариата, то он, как и внутренний пролетариат, «образуется отделением от правящего меньшинства цивилизации, когда та надломилась и находится в процессе распада»[96]. Он отчужден от правящего меньшинства и размежеван территориально. Он возникает также в результате влияния цивилизации на другие общества, когда они находятся в состоянии расцвета и вызывают чувство восхищения у соседей. Творческое меньшинство, которому подражает нетворческое большинство своего государства, привлекает также внимание первобытных людей, которые во времена распада цивилизации оказываются в рядах внешнего пролетариата.

---

[95] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 302.
[96] Там же. С. 355.

Правящее меньшинство контролирует действия внутреннего пролетариата, поскольку он находится в сфере досягаемости его деятельности, тогда как внешний пролетариат ввиду его территориальной недосягаемости не контролируется руководством. Раскол цивилизации приводит к тому, что правящее меньшинство создает универсальное государство, внутренний пролетариат – вселенскую церковь, а внешний пролетариат формирует военные отряды. Пока существует согласие между этими тремя группами, происходит рост цивилизации. Но, как только между ними возникают конфликты, она начинает погибать. Причем ее распад носит универсальный характер, т.е. все сферы жизни переживают глубокий упадок, что в конечном итоге приводит к полному исчезновению цивилизации.

Тойнби считает, что цивилизации существовали замкнуто, изолированно, локально, хотя не исключает их сходства. Концепцию единства цивилизации он объявляет ложной, причины появления которой видит в том, что западная цивилизация распространила свою экономическую и политическую систему на весь мир, из чего многие сделали вывод об унификации исторического развития. С этим выводом английский историк категорически не согласен. «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»[97]. Тойнби пишет, что мир многообразен и нельзя его унифицировать. С этим, последним, доводом крупного мыслителя нельзя не согласиться. Действительно, мир очень многообразен, и было бы абсурдно рисовать его одной краской. Но из многообразия не следует изолированность и локальность цивилизаций и обществ. Иными словами, мир и многообразен, и един. Тойнби собрал огромный исторический материал, посвященный вопросам цивилизации. Это, конечно, следует оценить положительно. Есть определенные позитивные моменты и в предложенной Тойнби концепции. Но в целом она стра-

[97] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 81.

дает схематизмом и поэтому неадекватно отражает исторические реалии. И не случайно эту концепцию многие специалисты подвергали критике (П.Сорокин, Р.Арон, А.Мару и др.).

В нашей литературе за последнее время интенсивно (на мой взгляд, слишком много внимания им отводится) разрабатываются проблемы цивилизации. Причем, как это у нас нередко бывает, каждый хочет быть очень и очень большим оригиналом и не хочет учитывать чужие мысли и чужие достижения. Многие стараются во что бы то ни стало противопоставлять друг другу формационный и цивилизационный подходы к периодизации мировой истории.

Начнем свой анализ с этимологического значения понятия «цивилизация». Этот термин (от латинского слова civilis – гражданский, государственный, общественный) впервые появился во французской литературе в XVIII веке. Многие исследователи считают, что его ввел в научный оборот Мирабо в 1756 году. Другие оспаривают авторство Мирабо, но в данном случае это не имеет никакого значения[98]. Под этим термином французские просветители подразумевали общество, основанное на началах разума и справедливости. С тех пор цивилизация стала объектом анализа многих общественных наук. Так, история, этнография (этнология), лингвистика, археология и другие дисциплины исследуют ее под своим углом зрения, рассматривают те или иные аспекты, выясняют ее наличие в различных странах и регионах земного шара. Но частные науки не ставят перед собой задач искать такие сущностные черты, которые лежат в основе всех цивилизаций. Это задача философии истории.

Генезис цивилизации по времени совпадает с формированием классового, рабовладельческого общества, с переходом от собирательного хозяйства к производяще-

[98] Очень интересный анализ эволюции термина «цивилизация» дается в статье французского историка Февра Л. «Цивилизация: эволюция слова и группы идей», которая опубликована в книге: Февр Л. Бои за историю. М., 1991. Он пишет: «Воссоздать историю французского слова "цивилизация" на деле означает реконструировать этапы глубочайшей революции, которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII века и по наше время» (С. 239).

му, с возникновением классов и государства. Цивилизация не могла родиться на базе родового строя, когда человек полностью был связан с родом или племенем и не выделял себя из него, когда родоплеменные отношения были для него священны и неприкосновенны и когда он не мог (и не представлял, как это сделать) выйти за их пределы. Люди первобытного общества занимались в основном собирательным хозяйством, и их отношения основывались на кровнородственных связях, собственно социальные связи же носили очень ограниченный характер.

Переход к рабовладельческому строю означал не только рост производительных сил, но и разрыв кровнородственных связей и начало действительных социальных связей. Таким образом, *под цивилизацией следует подразумевать такую стадию в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе.*

Возникновение цивилизации — качественно новый этап в истории человечества. Отсюда начинается его подлинная история. Фундамент цивилизации — общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей. Оно появляется вместе с прибавочным продуктом, дающим возможность определенной части общества заниматься интеллектуальным трудом, создавать духовные ценности, что предполагает наличие письменности. Нет цивилизации без письменности и оседлого образа жизни, нет цивилизации без городов. Поэтому абсурдно говорить о кочевых цивилизациях. Кроме того, в процессе материального производства индивиды сами изменяются, совершенствуются, так сказать, цивилизуются. Цивилизация — это совокупность материальных и духовных ценностей того или иного народа, созданных на протяжении его жизни.

Критерий цивилизации — человек. Первобытный человек — нецивилизованный человек. Он не рефлексировал ни над собственным бытием, ни над бытием окружающей действительности. Человек же эпохи рабства — цивилизованный человек. Он задумывается прежде всего над собственным бытием (вспомним изречения античных философов Сократа: «Познай самого себя» и Протагора:

«Человек — мера всех вещей») и над бытием окружающего социального и природного мира.

Общий критерий цивилизации всегда необходимо применять конкретно, поскольку в разных цивилизациях он проявляется в зависимости от конкретных исторических условий, традиций и обычаев народов. Движение к цивилизации нужно рассматривать как процесс становления и наращивания социальной основы, социального потенциала развития общества. Но это возможно лишь при условии преемственной связи различных генераций. Иначе говоря, одним из существенных признаков цивилизации является преемственность. Без преемственности, без передачи от поколения к поколению материальных и духовных ценностей нет стабильности в обществе, а без стабильности нет развития, но без развития нет цивилизации. На мой взгляд, одна из причин гибели многих цивилизаций как раз состоит в отсутствии преемственности, в отсутствии передачи ценностей данной цивилизации следующей генерации или же неспособность этой генерации сохранить прежние ценности и создать на их базе новые.

Таким образом, можно выделить некоторые общие черты всех цивилизаций: 1) генезис; 2) общественное богатство; 3) переход от собирательного хозяйства к производящему, т.е. к классовому обществу; 4) наличие письменности; 5) критерий; 6) преемственность.

Но цивилизаций было много. Они очень разнообразны и сложны как по социальной структуре, экономике, традициям и обычаям, так и по формам правления, стилю жизни и т.д., т.е. по всем параметрам. Важную роль, например, играет религия, которая накладывает огромный отпечаток на всю цивилизацию. Так, мировые религии во многих случаях сыграли доминирующую роль (но не детерминирующую) в возникновении тех или иных цивилизаций. Невозможно, например, представить арабскую цивилизацию без ислама.

Общие черты цивилизаций проявляются в специфических чертах. Возьмем критерий цивилизаций. Он един как для Запада, так и для Востока. Но отношение к человеку и человека к обществу тем не менее проявляется поразному. На Западе больше внимания обращают на ин-

дивидуальную свободу человека. Не случайно именно там возникла теория естественного права, согласно которой все люди равны от природы и, следовательно, должны иметь одинаковые естественные возможности для достижения одних и тех же целей. Отсюда постоянные ссылки на права человека. На Востоке же очень почитают традиции и обычаи, которые предписывают уважение к старшим, родителям, государю, вообще власть имущим. Поэтому там права человека приобретают несколько другой характер, чем на Западе. Вот почему нельзя с одинаковыми мерками подходить к разным цивилизациям, к их ценностям, к нормам поведения людей.

Цивилизационный и формационный подходы вопреки утверждениям некоторых исследователей не противоречат друг другу. Понятие формации охватывает все общество, все социальные явления и процессы. Оно показывает, что развитие общества идет по восходящей линии. Причем особое внимание уделяется способу производства материальной жизни, детерминирующему все социальные, политические и духовные процессы. Понятие же цивилизации показывает общество в статике. В цивилизации главное внимание обращается не на способ производства материальной жизни, а на духовные элементы: на традиции, обычаи, на менталитет людей, на положение человека в обществе, на его действия в тех или иных конкретных случаях, на его самостоятельность, на его поведение, на его способности приспосабливаться к новым реалиям и т.д. и т.п. Поэтому понятие формации и понятие цивилизации используются как инструменты научного познания для анализа разных аспектов общества как сложного целостного образования. Философии истории нужны оба понятия, и было бы неразумно игнорировать какое-либо из них.

Следует отметить и тот факт, что иной раз понятие цивилизации шире понятия формации, а иной раз, наоборот, понятие формации шире понятия цивилизации. Так, одна и та же цивилизация может охватывать разные общественно-экономические формации. Скажем, западная цивилизация включает в себя несколько формаций. Но одна и та же формация тоже может охватывать несколько цивилизаций. Например, буржуазная обществен-

но-экономическая формация охватывает множество цивилизаций: французскую, американскую, японскую и т.д.

Исследователи, особенно в современную эпоху, часто ставят вопросы о будущем цивилизаций. Эти вопросы очень остро ставил Тойнби. Его волновали взаимоотношения ислама и Запада. Будучи крупнейшим историком, он прекрасно знал, как часто воевали между собой арабы и западные европейцы. Он пишет, что в настоящее время Запад пытается вовлечь в свою орбиту весь исламский мир. «...Концентрические атаки современного Запада на исламский мир ознаменовали и нынешнее столкновение между двумя цивилизациями. Очевидно, что это часть более крупного и честолюбивого замысла, где западная цивилизация имеет своей целью ни больше ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию»[99]. Тойнби выступает против такого подхода Запада не только к исламу, но к другим цивилизациям.

Тойнби очень интересуется будущим цивилизаций. По его мнению, историки 2047 года будут писать о том колоссальном влиянии, которое оказала западная цивилизация на все остальные. Но «к 3047 году наша западная цивилизация — как мы знаем из истории последних двенадцати-тринадцати веков, со времен средневековья — может измениться до неузнаваемости за счет контррадиации влияний со стороны тех самых миров, которые мы в наше время пытаемся поглотить, — православного христианства, ислама, индуизма и Дальнего Востока»[100]. К 4047 году, по твердому убеждению английского историка XX века, различия между западной цивилизацией и всеми остальными будут совершенно незначительными. «К тому времени единство человечества, вероятно, будет восприниматься как одно из фундаментальных условий человеческой жизни — как бы часть природного миропорядка, и историкам той эпохи, возможно, будет трудно представить со своей стороны локальное местническое

[99] Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 116.
[100] Там же. С. 130.

мировоззрение пионеров цивилизации в первые шесть, или около того, тысячелетий своего существования»[101].

Тойнби был настроен оптимистически относительно будущего цивилизаций. Зато многие нынешние ученые придерживаются пессимистических воззрений. Они считают, что в будущем неизбежны конфликты между цивилизациями, особенно между исламом и Западом. Характерна в этом отношении позиция американского исследователя С.Хантингтона, изложенная им в статье «Столкновение цивилизаций?». Мировая политика, пишет Хантингтон, входит в новую фазу, и каждый по-своему представляет эту новую фазу. Одни пишут о конце истории, другие — о возврате к традиционным межгосударственным конфликтам, третьи — о закате национальных государств под влиянием трибализма и мондиализма. Каждый исследователь схватывает тот или иной аспект проблемы, но остается в стороне центральный вопрос современной эпохи: вопрос о цивилизациях и о будущем человеческого общества. Хантингтон полагает, что в будущем воевать будут между собой народы и государства, принадлежащие к различным цивилизациям. «Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Линии излома между цивилизациями будут линиями фронта будущего»[102]. Если в прошлом, продолжает американский ученый, конфликты носили внутрицивилизационный характер, то в будущем они приобретут межцивилизационный характер.

Что подразумевает под цивилизацией Хантингтон? «Цивилизация, — пишет он, — есть культурная реальность, имеющая свои индивидуальные черты. Деревни, регионы, этнические группы, народности, религиозные группы — все они имеют разные культуры на разных уровнях культурной гетерогенности. Культура деревни Южной Италии отличается от культуры деревни Северной Италии, но обе деревни относятся к общей итальянской культуре, которая их отличает от немецких деревень... Следовательно, цивилизация является высшей

---

[101] Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 130.
[102] Huntington Samuel P. Le choc des civilisations? // Commentaire. 1994. № 66. P. 238.

ния, созданного культурой и фактором широкой культурной идентичности, которая характеризует человеческий род независимо от того, что его отличает от других биологических видов»[103]. Она имеет некоторые общие объективные признаки: язык, история, религия, обычаи и т.д.

Цивилизация может включать в себя, продолжает Хантингтон, несколько национальных государств (западная цивилизация, латиноамериканская цивилизация, арабская и т.д.) или только одно государство (Япония). Цивилизации интегрируются, более сильные поглощают более слабых.

По утверждению американского ученого, цивилизации конфликтуют между собой, во-первых, потому, что чувство принадлежности к определенной цивилизации в будущем приобретет все большее и большее значение. Цивилизационные различия не только реальны, но и фундаментальны. Цивилизации отличаются друг от друга по языку, по культуре, по традициям и по религии, и люди, принадлежащие к разным цивилизациям, имеют разные воззрения на отношения Бога и человека, индивида и группы, гражданина и государства, родителей и детей, а также относительную важность прав и ответственности, свободы и власти, равенства и иерархии. Эти различия, считает Хантингтон, более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Во-вторых, продолжает Хантингтон, в современном мире происходят сложные процессы взаимодействия народов различных цивилизаций. Они, осознавая свою принадлежность к той или иной цивилизации, испытывают определенную неприязнь друг к другу. В-третьих, процессы экономической модернизации и социального развития отстраняют людей прежних местных идентичностей, т.е. местных традиций. Они также ослабляют национальные государства как источники идентичности. В большой части мира религия заполняет этот интервал. В исламском регионе возникает движение фундаменталистов, аналогичные движения существуют и в других мировых религиях. Таким образом,

[103] Huntington Samuel P. Le choc des civilisations? // Commentaire. 1994. № 66. P. 239.

наблюдается усиление религий во всем мире. В-четвертых, это осознание принадлежности к той или иной цивилизации подкрепляется той двойственной ролью, которую играет Запад. С одной стороны, он находится на вершине своего могущества, но с другой — наблюдается явление возврата к прежним истокам в незападных цивилизациях. Все больше, отмечает американский ученый, говорят об «азиатской» Японии, о реисламизации Ближнего Востока и т.д. Восток стремится к тому, чтобы развиваться не на базе западных ценностей, а на базе собственных. В-пятых, характерные черты и культурные различия изменяются гораздо медленнее, чем различия, связанные с политикой и экономикой. Наконец, в-шестых, экономика все больше и больше регионализируется. Растет роль экономических регионов, которые могут добиться успеха только при условии их укоренения в общую цивилизацию. Так, общей базой Европейского Союза являются единая европейская культура и христианство. Исламская религия и культура объединяют неарабские исламские государства. «В той мере, в какой люди определяют свою идентичность в этническом и религиозном терминах, они стремятся видеть отношение враждебного типа «мы» против «них»[104].

В нашу эпоху идут сложнейшие интеграционные процессы различных цивилизаций. Происходит формирование единой мировой цивилизации со своими ценностями и подходом к общечеловеческим проблемам. Но это вовсе не значит, что в будущем исчезнут все цивилизации как уникальные образования, отличающиеся своей самобытностью и собственными ценностями. Вместе с единой мировой цивилизацией сохраняются и локальные, но они станут богаче и разнообразнее благодаря интенсивному обмену материальными и духовными богатствами.

Наряду с цивилизационным подходом к периодизации мировой истории существует еще и культурологический подход.

Надо сказать, что в Германии вместо слова «цивилизация» предпочитают термин «культура», хотя Кант про-

[104] Huntington Samuel P. Le choc des civilisations? // Commentaire. 1994. № 66. P. 241.

водил демаркационную линию между этими двумя понятиями. Он писал, что «благодаря искусству и науке мы достигли высокой ступени *культуры*. Мы чересчур *цивилизованны* в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом»[105].

Понятие «культура» (от латинского слова cultura – возделывание, обрабатывание) употребляется в самых различных смыслах. Скажем, в обыденной речи выражение «культурный человек» может обозначать и «образованный человек», и «воспитанный человек». Когда мы говорим о культуре труда, то подразумеваем организованный, деловой и целенаправленный характер труда.

Различные интерпретации связаны не только с тем, что термин «культура» прочно вошел, так сказать, в будничную жизнь людей, но и с тем, что культура является объектом многих наук: истории, этнографии, социальной психологии, археологии, филологии и т.д. Понятно, что каждая наука вкладывает в понятие культуры свой собственный смысл. Философия истории в силу специфики своего предмета ищет некие общие черты, присущие всем культурам независимо от их пространственного и временного расположения. Кроме того, философия истории сравнивает категорию культуры с другими, близкими ей по содержанию категориями. Наиболее близкой оказывается цивилизация. Ведь не случайно их до недавнего времени рассматривали как синонимы.

Из этимологии понятия культуры вытекает, что оно применимо лишь к результатам человеческой деятельности. Все, что создано человеческим трудом, выступает как элемент культуры. Дикая природа не является объектом культуры, но природа, преобразованная человеком, является таким объектом. Далее, культура проявляется в самых разнообразных формах как в сфере материального, так и в сфере духовного производства. Иными словами, имеется два вида культуры – материальная и духовная. Они тесно связаны между собой, взаимовлияют друг на друга, но примат принадлежит материальной культуре.

Духовная культура каждого народа имеет свои неповторимые черты и особенности, которые складываются

---

[105] Кант И. Соч. Т. 6. С. 18.

веками и передаются из поколения в поколение. При этом важно иметь в виду, что культура независимо от того, кто ее представляет – большая или малая нация, – уникальна, неповторима и интересна. Поэтому нет ни высших, ни низших культур. Есть культура больших народов и культура малых народов. Каждый народ в меру своих возможностей умножает и обогащает мировую культуру.

Существуют многочисленные дефиниции культуры. На мой взгляд, культура – это способ проявления сущностных сил человека, его физических и духовных потенций. Культура, по словам Маркса, «есть культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества»[106].

Сравнивая категории культуры и цивилизации, надо отметить, что генетически культура возникает раньше цивилизации. Первобытные общества были культурными обществами, хотя у них не было никакой цивилизации. В отличие от цивилизации культура указывает на присутствие субъективного фактора в историческом процессе, на то, что общественное богатство создается людьми, а сама история есть результат их деятельности.

Культурологический подход к истории широко использовал немецкий философ Освальд Шпенглер, взгляды которого широко были распространены на Западе в первой половине XX века. Каждая культура, по его мнению, существует изолированно и замкнуто. Она появляется на определенном этапе исторического процесса, а затем погибает. Таких культур Шпенглер насчитал восемь: индийская, китайская, вавилонская, египетская, античная, арабская, русская и западноевропейская. Любая культура переживает возрасты отдельного человека: детство, юность, возмужалость и старость.

Каждая культура, считает немецкий философ, имеет собственную цивилизацию. Цивилизации – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить кото-

[106] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386.

рые способен высший вид людей. Они завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевным детством, являемым нам дорикой и готикой. Они неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходим. Смерть культуры, по Шпенглеру, начинается с возникновения цивилизации, когда вся культура сосредоточивается в крупных городах, а вся остальная часть государства превращается в провинцию. Городской житель, считает Шпенглер, лишен традиций и растворяется в бесформенной массе. Большие города цивилизованны, но не имеют культуры.

Немецкий мыслитель подметил некоторые негативные черты цивилизации. Действительно, в городах, особенно крупных, люди отчуждены друг от друга, чувствуют себя более одинокими, чем в любой деревне. Верно и то, что в городах меньше соблюдаются веками установленные традиции и обычаи. Но нельзя на этом основании проповедовать пессимизм и обвинять цивилизацию в гибели культуры. Культура не погибает, а переходит в качественно новое состояние, в становлении которого существенную роль играют цивилизационные процессы. Нельзя противопоставлять культуру и цивилизацию, которые не противоречат друг другу и связаны с изучением разных сторон многообразной истории людей и их деятельности.

ГЛАВА 5
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

1. Становление единого исторического пространства

Проблема исторического пространства связана с проблемой становления единой мировой истории, которая существовала не всегда, поскольку она была пространственно, политически и экономически разрозненна и не представляла собой единое целое. Так, первобытное общество существовало десятки тысяч лет, но его историческое пространство было крайне ограничено. Люди той эпохи жили внутри рода или племени, основу которого составляли кровнородственные связи и отношения. Они совершали далекие по тем временам путешествия, имели определенные представления об окружающей их действительности, но даже не могли предположить, что за пределами увиденного где-то еще есть другая земля, другие регионы, на которых живут такие же люди.

Но жизнь шла вперед, совершенствовались производительные силы, появилась классовая дифференциация общества, был совершен переход от родового строя к рабовладельческому, шире — к классовому строю. Возникли государства, что привело к установлению межгосударственных отношений и связей. Заселялись новые территории, резко расширились контакты между народами.

Появились мировые державы с огромными территориями и населением. Империя Александра Македонского, например, занимала обширные пространства от Греции до Индии. Началась колонизация чужих земель. Резко усиливается взаимовлияние культур и цивилизаций. Народы делятся друг с другом материальными и духовными ценностями. Всем известно, что благодаря китайской цивилизации мир обогатился многими достижениями медицины. Широко известно влияние античной Греции на соседние государства и народы. Оно до сих пор ощущается всеми странами мира. С возникновением государства и межгосударственных отношений к историческому пространству добавляются политическое и экономическое пространства, которые, в сущности, являются

частью исторического пространства, поскольку на его основе происходит экономическая и политическая деятельность.

Налаживаются экономические связи, появляются великие торговые пути, сближающие торгующие народы. Естественно, через торговлю происходит обмен экономической информацией, культурными и научными ценностями.

На политическом пространстве устанавливаются дипломатические и иные отношения между государствами. Нередко развязываются войны из-за расширения политического пространства. Более мощные государства подчиняют себе менее сильные и навязывают им собственные ценности, собственные экономические, социальные и политические порядки, собственный образ жизни, хотя это не всегда удается, так как побежденные государства оказывают ожесточенное сопротивление.

После смены рабовладельческого строя феодальным еще больше расширяется историческое пространство. Если в предыдущую эпоху многие государства были как бы исключены из международной экономической и политической жизни, поскольку в силу географических, климатических и иных условий жили почти замкнуто и изолированно, то в период феодализма они уже включены в общую межгосударственную деятельность. Так, Россия эпохи Петра Великого резко усилила свое влияние на европейскую политику. Собственно говоря, Петр Первый превратил Россию в европейскую державу, вернее, в мировую, ибо в то время Европа решала и мировые проблемы. До XVII века Россия имела относительно слабые связи с европейскими государствами, смотревшими на нее свысока и относившимися к ней неуважительно. Петр Первый решил во что бы то ни стало, выражаясь современным языком, войти в «европейский дом», и с этой целью он предпринял ряд зарубежных поездок, пристально изучал жизнь европейцев, старался перенять у них самое лучшее. Его даже обвиняли в том, что он якобы хотел ассимилировать Россию с Западной Европой. Но «он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о ее задушевных отношениях к России, зная, что Россия всегда встретит там только пренеб-

режение и недоброжелательность»[107]. Петру Первому Западная Европа нужна была для того, чтобы использовать ее достижения, особенно в сфере техники и военной области, для блага России. Безусловно, Петр, как выдающийся государственный деятель, понимал, что происходит процесс интеграции европейской жизни и что Россия в ней должна принять самое активное участие. С одной стороны, она не должна отставать от европейских государств (иначе может потерять все), а с другой — сама, как великая держава, должна внести свой вклад в европейскую цивилизацию, сохранив при этом, разумеется, свои духовные ценности, менталитет и стиль жизни.

Логика развития исторического процесса приводит к тому, что более мощные государства занимают больше экономического и политического пространства. Они объективно начинают подчинять себе менее крупные государства, включают их в орбиту своего влияния. Выражаясь фигурально, каждое из них как бы составляет солнечную систему со своими планетами, вращающимися вокруг своего солнца. Выпадение из этой системы часто приводило к гибели государства. А если само «солнце» погибало, то гибли и его планеты. Так было с империей Александра Македонского, так было с Римской империей, так было и с другими империями.

Хотя феодальное общество расширяет рамки исторического пространства, тем не менее пока мы не имеем единого для всей планеты исторического пространства. С переходом к капиталистическому способу производства начинается интенсивное становление единой всемирной истории, т.е. единого исторического пространства.

Открытие Америки и других регионов земного шара сформировало у людей единое географическое пространство, показало, что все люди на Земле постоянно взаимодействуют, создают материальные и духовные ценности. Экономическое сотрудничество между народами и государствами получило качественно новые ориентиры и параметры. Появился всемирный рынок, для которого характерна ломка национальных перегородок и интернационализация капитала. Национальные отрасли, т.е. от-

[107] Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 196.

расли, которые раньше работали на местном сырье, стали уничтожаться. На смену старой национальной замкнутости пришли всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Товар стал интернациональным как в смысле производства, так и в смысле продажи. Резкое расширение исторического пространства произошло не только в сфере материального, но и духовного производства. Плоды духовной деятельности отдельных наций стали достоянием всех. Возьмем философию. Конечно, в античную эпоху философы Греции, Китая и Индии имели друг о друге информацию. Многие из них совершали длительные путешествия для того, чтобы встретиться, если можно так выразиться, с коллегами. Но тем не менее нельзя не признать, что философская информация вплоть до Нового времени носила скудный и отрывочный характер. Уже в XVII–XVIII веках меняется философская картина. Европейская философия не ограничивается национальными рамками. Декарт, например, становится известным не только во Франции, но и в Нидерландах, где он прожил около 20 лет. Английский философ Д.Юм находился в близких отношениях со многими французскими просветителями XVIII века, которые широко были известны в России. Д.Дидро приезжал в Петербург, встречался с русскими интеллектуалами, вел беседы по философским, политическим и другим проблемам. А философия Гегеля вызывала бурные дискуссии среди русских интеллигентов.

Европейская культура была перенесена на Новый Свет, Австралию и другие регионы мира, что привело к частичной европеизации мировой духовной культуры. Одни считают, что это сказалось негативно на развитии мировой цивилизации, что европейцы уничтожили местную культуру, навязали свои традиции и нормы жизни. Так была ликвидирована древнейшая цивилизация инков в Америке. Другие, напротив, полагают, что Европа внесла новые ценности, способствовавшие прогрессу всех народов, подъему их культуры. Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Да, европейцы при расширении своего исторического пространства поступали не лучшим образом с туземцами, с их культурой. Но, с другой стороны, благодаря европейской культуре многие народы

совершили качественный скачок по пути социального прогресса и приобщения к мировой цивилизации. Еще раз подтверждается старая истина о том, что исторический процесс не есть прямая дорога, что развитие истории носит не только драматический, но и порой трагический характер. Поэтому история не поддается моральным оценкам.

Таким образом, с победой буржуазных общественных отношений во всемирном масштабе сложилось единое историческое пространство, на котором расположились сотни государств и народов. На этом историческом пространстве они занимают разные политические пространства, размеры которого определяются экономической мощью, территорией и людскими ресурсами.

2. Современный мир и единое историческое пространство

В современном мире человечество имеет единое историческое пространство. Все страны и народы так или иначе сотрудничают в области экономики, политики и культуры. Существуют различные международные организации, призванные разрабатывать соответствующие мероприятия по проведению международных форумов, совещаний, спортивных соревнований и т.д. Организация Объединенных Наций, созданная после окончания второй мировой войны для решения спорных вопросов мирными политическими средствами, включает в свои ряды почти все государства мира. Она представляет собой уникальное политическое образование, которое занимается всеми проблемами, касающимися всех народов и государств. Благодаря современному транспорту в считанные часы можно пересечь океаны и континенты, познакомиться с культурой, традициями и обычаями народов, что позволяет очень быстро освоить мировые духовные ценности. Нынешние средства массовой информации дают небывалую возможность увидеть и услышать происходящее в любой точке земного шара. Влияние масс-медиа чрезвычайно велико. Они формируют планетарное мышление, остро и живо реагирующее на все происходящее в мире. В свое время Ясперс, размышляя

над будущим мировой истории, отмечал, что единое историческое пространство должно привести к глобальному единству. «Мотивы на пути к глобальному единству — это, с одной стороны, свойственная нашему времени, как и всякому другому, воля к власти, не знающей покоя, пока ей не подчинится все; с другой — нависшее над всей планетой бедствие, требующее немедленной договоренности великих держав, которые перед огромной грозящей всем опасностью не решаются в отдельности применить силу, а над обоими этими мотивами возвышается идея солидарного в своих стремлениях человечества»[108]. Из глобального единства, считает Ясперс, может возникнуть либо мировая империя, либо мировой порядок. В первом случае будет установлена деспотическая власть, базирующаяся только на насилии и подчиняющая себе всех из единого центра. Она будет формировать конформистское сознание и будет подавлять всякую свободную духовную деятельность. Во втором случае речь идет о мирном демократическом сообществе, находящемся в состоянии постоянного изменения и совершенствования. Этот «мировой порядок являет собой единство без единой власти, за исключением тех случаев, когда она утверждается по договоренности и в силу общего решения. Установленный порядок может быть изменен только законодательным путем на основе новых постановлений. Стороны сообща подчинились этой процедуре и постановлениям большинства, гарантировали общие всем права, которые защищают и существующее в каждый данный момент меньшинство и остаются основой человеческого существования в его движении и самокорригировании»[109]. В мировом порядке нет больше чуждых сил, варварских народов и строго охраняемых государственных границ. Все государства и народы стремятся к тому, чтобы был мир, чтобы не нарушались права и суверенитет государства.

Ясперс понимает, что формирование мирового порядка может столкнуться с трудностями и опасностями. Во-первых, многие государства могут стремиться к тому,

[108] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 2. С. 87–88.
[109] Там же. С. 89.

чтобы доминировать внутри мирового порядка, диктовать всем остальным свою волю. Во-вторых, они могут развязать войну, что в эпоху ядерного оружия приведет к гибели всей мировой цивилизации. Но тем не менее Ясперс выражает уверенность в том, что можно создать такой мировой порядок, в котором никто не будет чувствовать себя дискомфортно и в котором будет царить гармония и глобальное сотрудничество.

Нельзя не согласиться с немецким мыслителем в том, что становление глобального единства — процесс сложный и трудный. Имея единое историческое пространство, человечество стремится к тому, чтобы иметь также единое экономическое и политическое пространство. Но это движение к мировому порядку сложно и противоречиво. Дело в том, что становление единого экономического пространства требует более или менее одинакового уровня развития экономики всех стран, так как именно такой уровень позволит поддерживать нормальные, на основе взаимной выгоды торговые отношения. Об этом свидетельствует экономическое сотрудничество развитых стран, между которыми бывают и столкновения и разногласия на экономической почве, но тем не менее в результате нормальных коммерческих связей выигрывают все стороны.

Опыт мировой истории говорит о том, что, по крайней мере, до настоящего времени мир развивался неравномерно. Одни страны экономически были богаче, другие — беднее. Затем появлялись новые государства, которые со временем начинали играть доминирующую роль в мировой экономике. Иначе говоря, закон неравномерного экономического развития является универсальным законом, действующим на протяжении всей мировой истории. Этот закон, естественно, действует и в нашу эпоху. Так, развитые страны занимают сравнительно небольшой процент исторического пространства, и драматизм ситуации состоит в том, что развивающиеся государства, судя по прогнозам и по их нынешнему состоянию, навряд ли догонят когда-нибудь развитые. Здесь в силу вступает такой мощный фактор, как энергетические ресурсы. Казалось бы, большая часть этих ресурсов находится на территории развивающихся стран. Эти ресурсы

заключают в себе колоссальные возможности для качественного экономического скачка и соответственно для резкого повышения жизненного уровня людей и формирования глобального экономического пространства. Но в том-то и дело, что это только возможности, а не действительность. А возможности, как правило, носят абстрактный характер, а потому допускают всякие случаи, в том числе и абсурдные. Как не вспомнить великого диалектика Гегеля! «Возможно, что сегодня вечером луна упадет на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он — человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т.д.»[110]. Но «возможно ли нечто или невозможно, это зависит от содержания, т.е. от тотальности момента действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя как необходимость»[111].

Чтобы возможность развивающихся стран превратиться в развитые стала действительностью, требуются определенные необходимые и объективные условия. Речь идет прежде всего о том, что они должны иметь современную технологию, информацию, науку — словом, все, что делает современную экономику высокоэффективной. Такими средствами развивающиеся страны не располагают и, судя по нынешней ситуации, в будущем тоже не будут располагать, так как у них нет финансов для развития. Эти средства находятся в руках развитых государств, которые покупают дешевое сырье, превращают его в разнообразный товар и предлагают это дешевое сырье продавшим, т.е. развивающимся, странам. Те вынуждены покупать его в кредит, поскольку у них нет эквивалентного обмена. В итоге постоянно растут их долги и не наблюдается нормального экономического роста.

В связи с рассмотрением энергетических ресурсов нельзя не обратить внимание и на такой факт, как необходимость их определенного количества для подъема жизненного уровня всех народов мира. Однако подсчеты

---

[110] Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1: Наука логики. С. 316.
[111] Там же. С. 317.

показывают, что на Земле нет такого количества ресурсов, чтобы всех одинаково обеспечить материальными и иными благами. Таким образом, становление единого экономического пространства будет сталкиваться с большими трудностями и сложностями, и вряд ли нужно делать какие-то оптимистические прогнозы: закон неравномерного экономического развития есть объективный закон мировой истории и, пока существует человечество, он будет функционировать.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно единого политического пространства. Как и в экономическом пространстве, не все государства в нем занимают одинаковую политическую площадь. Размер площади зависит от размера и экономической мощи государства. Как свидетельствует опыт мировой истории, всегда сильные государства занимали больше политического пространства, больше влияли на решение тех или иных политических вопросов. В Европе, например, в античности доминировала Греция, затем пришло время Римской империи, а начиная с Нового времени первую скрипку играли то Англия, то Франция, то Испания, то Германия. Со времени Петра Первого заметно возросло влияние России. В Юго-Восточной Азии Япония и Китай занимали большую площадь политического пространства.

До конца 1991 года нынешнего столетия существовал двухполюсный мир, образовавшийся после окончания второй мировой войны. Лидеры полюсов – США и СССР – стали называться супердержавами, т.е. державами, от действий которых, собственно говоря, зависела судьба мировой цивилизации. Каждая из них в отличие от других держав обладала колоссальным экономическим и военным потенциалом, что давало им возможность в любое время вмешаться в дела любого государства. «В некоторых аспектах, – пишет З.Бжезинский, – соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом представляло собой осуществление излюбленных теорий геополитиков: оно противопоставляло ведущую в мире военно-морскую державу, имевшую господство как над Атлантическим океаном, так и над Тихим, крупнейшей в мире сухопутной державе, занимавшей большую часть евразийских земель (причем китайско-советский блок

охватывал пространство, отчетливо напоминавшее масштабы Монгольской империи). Геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре. Как только победа была бы окончательно достигнута, никто не смог бы помешать этому.

Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укреплявшим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства, в отличие от имперских европейских претендентов на мировую гегемонию, ни одному из которых так и не удалось когда-либо установить решающее господство на территории самой Европы. И каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над своими вассалами и зависимыми государствами, что в определенной степени напоминало времена религиозных войн»[112].

История превращения СССР в супердержаву хорошо известна, так как это произошло в сравнительно короткий отрезок времени, т.е. примерно за последние 35–40 лет. Но менее известна история становления США как супердержавы – этого уникального государственного образования, существующего на политической карте немногим более двухсот лет. Отцы сегодняшней Америки вовсе не думали о том, чтобы когда-нибудь оказаться на вершине полюса политического пространства. Они мечтали лишь о том, чтобы занять ведущее положение на Американском континенте. Но в 1823 году пятый президент США Дж. Монро провозгласил доктрину, обессмертившую его имя. Он заявил, что США очень довольны чистосердечными и дружескими отношениями, существующими между США и европейскими державами. Но вместе с тем США будут рассматривать всякую попытку европейских государств распространить свое влияние на Американский континент как опасную для США.

Соединенные Штаты начали осуществлять свою мечту о господстве на новом континенте. Они, используя угрозу и силу, присоединили к себе обширные территории

[112] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 16.

Мексики, а в конце XIX века аннексировали Пуэрто-Рико и Кубу. Со временем весь Американский континент оказался под влиянием Соединенных Штатов Америки. Постепенно они начали распространять свое влияние на другие регионы мира. З.Бжезинский превращение США в мировую державу называет «коротким путем к мировому господству». Он пишет: «Испано-американская война 1898 года была первой для Америки захватнической войной за пределами континента. Благодаря ей власть Америки распространилась далеко в Тихоокеанский регион, далее Гавайев, до Филиппин. На пороге нового столетия американские специалисты уже активно занимались выработкой доктрин военно-морского господства в двух океанах, а американские военно-морские силы начали оспаривать сложившееся мнение, что Британия «правит морями»[113]. Президент Мак-Кинли говорил, что надо подчинить себе Юго-Восточную Азию, так как в Китае имеются неограниченные возможности для рынка. А преемник его Теодор Рузвельт заявил, что история человечества началась с эпохи Средиземноморья, затем возник атлантический период и что в настоящее время она входит в фазу Тихого океана. Как военные, так и политические руководители США постоянно подчеркивали, что всегда и всюду нужно защищать жизненные интересы американского государства, являющегося маяком для всех стран мира и имеющего исключительное предназначение в истории человечества, что нет ничего выше, чем национальные интересы. И надо отдать им должное. Они это делали довольно профессионально и умело. Используя политику кнута и пряника, они везде стремились к тому, чтобы включить в свою орбиту, т.е. в свое политическое пространство, то или иное государство. Тем не менее надо сказать, что до окончания второй мировой войны США не играли роль первого мирового лидера. Как во время первой мировой войны, так и во время второй мировой войны они просто присоединились к тем или иным коалициям.

В настоящее время в связи с неожиданным распадом СССР биполярный мир тоже развалился. Он был заменен однополярным миром во главе с Соединенными

[113] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 13–14.

Штатами Америки, объявившими себя надеждой всего человечества. Резко изменилось теперь политическое пространство (изменилось также и экономическое пространство). В центре его находится супердержава мира — США. Они занимают большую часть этого политического пространства, тогда как остальные государства, особенно крупные, чувствуют себя неуютно и неустроенно.

После развала биполярного мира многие полагали, что возникнет полиполюсный мир, в котором самое активное участие будут принимать Япония, Китай и объединенная Европа. Но они ошиблись и не могли не ошибиться, так как не учитывали ни опыт истории, ни сложившуюся новейшую международную ситуацию. Дело в том, что в истории всегда доминировал однополюсный мир: то Греция, то Рим, то Англия, то Франция. Даже в тех или иных коалициях кому-то принадлежала господствующая роль. Однако, когда раньше существовал однополюсный политический мир, не было еще единого исторического пространства. Господствующее положение той или иной великой державы ограничивалось двумя-тремя регионами (Европа, частично Азия и Северная Африка) и не представляло особой опасности, так как лидер-государство навязывало свои ценности и свою волю небольшой части государств и народов, населяющих земной шар. Но даже в этих случаях рано или поздно великая империя уступала свое место другой империи, а сама приходила в упадок.

Многие современные исследователи уделяют большое внимание изменению политического пространства в XXI веке. Я коснусь только воззрений вышеупомянутого американского политолога З.Бжезинского. Он ратует за то, чтобы США и в будущем веке оставались единственной сверхдержавой, диктующей остальному миру свою волю и свои представления о мире. Он полагает, что прежние мировые империи были хрупкими и нестабильными, поскольку они были созданы политическими элитами и носили деспотический характер. Что касается Соединенных Штатов как великой империи и супердержавы, то, по утверждению американского исследователя, они несут в себе заряд демократии и высокой культуры и поэтому не могут не служить примером для остальных

государств и народов. «Культурное превосходство, — пишет З.Бжезинский, — является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Чтобы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире... Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже в одежде все больше подражают во всем мире»[114]. Не менее привлекательны, с точки зрения З.Бжезинского, американские идеалы и представления о демократии. Американские формы правления, американское уважение к конституции как к основному закону страны служат стандартом для всех государств. Для сохранения своего лидирующего положения в XXI веке, по глубокому убеждению З.Бжезинского, у США есть все основания. «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир»[115].

З.Бжезинский считает, что США должны везде играть доминирующую роль, но при этом следует свою политику согласовывать с другими державами, прежде всего с крупными державами, имеющими солидный экономический и политический вес. Это в первую очередь Германия, Франция, Япония, Китай, Россия и др. Относительно России он пишет, что ей надо осознать свою нынешнюю ситуацию, отказаться от имперских амбиций и

[114] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 38.
[115] Там же. С. 39–40.

главное внимание уделять Европе. «Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, – это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО»[116]. Россия, продолжает Бжезинский, должна принять новые реальности, которые возникли после распада Советского Союза. Иными словами, Россия должна осознать, что она уже не великая держава. Что касается Китая, то он, по мнению американского политолога, останется региональной державой, но не станет мировой. Зато Японии Бжезинский предсказывает хорошее будущее: она будет мировой державой.

Трудно сказать, насколько верными окажутся прогнозы Бжезинского. Но нет сомнения в том, что на политическом пространстве произойдут колоссальные изменения. Я коснусь тенденции политического развития некоторых регионов и государств. При этом не буду говорить о США, ибо думаю, что США действительно останутся ведущей мировой державой в обозримом будущем.

Начну с Западной Европы[117]. Исторически она формировалась как единое целостное образование. У французского историка XX века М.Блока были основания писать, что нет истории Франции, а есть история Европы. Известно, что она унаследовала римские традиции, духовные и материальные ценности. В IX веке возникает мощная Каролингская империя, которая распадается на королевства: «Западно-Франкское королевство стало Францией, с которой начала сливаться Аквитания... Восточно-Франкское королевство стало Германией»[118]. Постепенно сформировались и другие западноевропейские государства.

---

[116] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 142–143.

[117] На Западе традиционно под Европой подразумевают Западную Европу, подчеркивая тем самым ее политическое, культурное и психическое своеобразие.

[118] Гофф Ж.Л. Цивилизация средневекового Запада. М , 1992. С. 50.

Хотя государства Западной Европы довольно часто воевали между собой на протяжении многих столетий, в том числе и в XX веке, тем не менее они всегда стремились к образованию некоего Европейского сообщества. Так, в начале XIX века замечательный французский ученый Сен-Симон написал работу «О преобразовании европейского общества», в которой доказывал необходимость объединения всех европейских народов. Он тогда уже предложил создать европейский парламент. «Европа, — писал Сен-Симон, — имела бы наилучшую из возможных организаций, если бы все составляющие ее нации, управляясь каждая своим парламентом, признавали бы верховную власть парламента, поставленного над всеми национальными правительствами и облеченного властью разбирать их споры»[119].

В современной Европе такой парламент заседает во французском городе Страсбурге. Ныне Западная Европа представляет как бы единое целостное образование. Каждое государство, разумеется, имеет свои национальные интересы, но вместе с тем защищает и общеевропейские интересы, потому что все страны Западной Европы настолько связаны между собой экономически и политически, что ухудшение экономической или политической ситуации в одной стране так или иначе сказывается на ситуации в других странах. Поэтому национальные правительства стремятся защищать не только интерес собственного государства, но и интересы всей Западной Европы. Это будет происходить и в будущем. Вот почему не исключены всякого рода противоречия между западноевропейскими государствами. С одной стороны, США, с другой — все остальные западные страны. Это наблюдается в настоящее время, это будет иметь место и в будущем.

Нельзя забывать и то, что внутри западноевропейского политического пространства не все государства занимают одинаковое место. Крупные государства Франция, Великобритания, Италия, Германия играют одну роль, а небольшие — другую. Франция и Великобритания имеют ядерное оружие, что позволяет им чувствовать себя более

[119] Родоначальники позитивизма. Выпуск третий. Сен-Симон / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1911. С. 140.

независимо, проводить более самостоятельную внешнюю политику на международной арене. Они поддерживают тесные контакты со своими бывшими колониями, и эти контакты, по всей вероятности, будут расширяться и углубляться.

Франция пытается проводить более независимую внешнюю политику в отношении Соединенных Штатов Америки, занять более широкое экономическое и политическое пространство во всем мире. В этой связи многие французские исследователи настроены пессимистически относительно будущего Франции. Ее экономика не занимает ведущего положения не только в мире, но и в Европе. Сузились политические возможности. «Сузилось также наше интеллектуальное влияние. Наши молодые люди и наши ученые за границей больше думают о своем благополучии, чем о том, чтобы распространять дух нашей страны»[120]. А Н. Баврез заявил, что французская нация представляет собой нисходящую нацию, лишенную будущего. Может быть, такого рода заявления французских ученых имеют слишком пессимистический характер, но вместе с тем надо сказать, что они отражают определенные реалии современной Франции. Зато Германия в настоящее время представляет собой самое мощное в экономическом отношении государство во всей Европе. Было бы наивно думать, что она забудет о своих исторических традициях и не станет обращать никакого внимания на то, что происходит в мире. Она будет играть все большую и большую роль в мировой политике, будет расширять свое политическое пространство не только в Европе, но и во всем мире.

Относительно Китая следует сказать, что он как бы сегодня представляет страну «в себе», т.е. он как бы не стремится к распространению своего влияния на весь мир, к тому, чтобы занять больше политического пространства. Но всегда ли так будет? Полагаю, что нет. Население Китая составляет более одного миллиарда человек, его экономика развивается очень стремительно, растет и его политический вес. Поэтому со временем Китай из страны «в себе» превратится в страну «для себя», т.е. в

[120] Barre R. J'avoue mon inquiétude // Commentaire. 1998. № 81. P. 9.

страну, которая будет стремиться к расширению своего влияния во всем мире и своего политического пространства. Поэтому в будущем Китай будет не региональной державой, как это утверждает Бжезинский, а мировой.

Нет сомнения в том, что Япония, чья экономика тоже стабильно развивается, не ограничится одним экономическим влиянием на мировые дела. Она, как и Китай, выйдет за пределы своих регионов и будет претендовать на то, чтобы оказывать более весомое влияние на международную политику и занять большее политическое пространство.

Усиливается влияние и Индии. Она занимает второе место в мире по численности населения. «У нее за плечами многовековой опыт культурного и духовного развития. Она может идти вперед как в области теоретических наук, так и в области применения науки на практике и стать великой промышленной страной»[121]. Ее экономика в целом стабильно развивается. Она стала ядерной державой. Нет сомнения в том, что в будущем мировом политическом пространстве Индия займет более достойное место.

Перейдем теперь к так называемому третьему миру, охватывающему слаборазвитые страны. Они оказались в очень трудном положении. Они лишены научного капитала, без которого немыслимо развитие экономики; у них нет информационного пространства, без которого невозможно формирование сознания и самосознания народа, нормальное развитие национальной культуры. Падает их жизненный уровень. Постоянно растет их долг перед развитыми государствами. По словам американского исследователя Д. Белла, народы Африки в конце 80-х годов оказались в худшем положении, чем в конце 70-х и в конце 90-х годов окажутся в еще более худшем положении, чем в конце 80-х годов.

Не менее сложная ситуация сложилась и в странах Латинской Америки. Не спокойно и в арабском мире. Иран — страна древнейшей цивилизации — постепенно начинает развивать свою экономику, требует большего политического пространства в ближневосточном регионе и не ис-

[121] Неру Дж. Открытие Индии. Книга вторая. М., 1989. С. 408.

ключено, что у него будут возникать противоречия с соседними государствами.

Возьмем теперь Россию. Надо сказать, что Россия с самого начала представляла собой единое географическое, экономическое и политическое пространство, т.е. единый организм, части которого взаимодействовали вертикально, горизонтально и функционально. Россия как великая держава со времен Петра Великого оказывала большое влияние на европейские и мировые дела. Ни один политический вопрос в Европе не разрешался без активного российского участия.

Советский Союз был преемником России. Он был в экономическом, военном и политическом отношениях наряду с США самым могучим государством. Он одержал самую убедительную победу во второй мировой войне, за короткий срок восстановил свое народное хозяйство и превратился в супердержаву.

Нынешняя Россия возникла после развала СССР. Но это уже не прежняя Россия. Она оказалась в беспрецедентном положении. Географически она граничит с Западом только на Севере, полностью перестала иметь границы на Юге с Турцией и Ираном, в Средней Азии с Афганистаном. Теперь в этих регионах она граничит с бывшими республиками СССР.

Сейчас много пишут о возрождении России. Но прежде всего надо знать, что любое возрождение предполагает наличие зрелого социально-политического организма. Современная Россия не является таким организмом. У нее даже пока нет четко обозначенного географического пространства, не уточнены ее границы.

Когда ссылаются на эпоху Возрождения, то забывают, что, во-первых, она была вызвана формированием новых, буржуазных, общественных отношений, связанных с раскрепощением личности, с освобождением от религиозных оков. И Возрождение вовсе не означает возврат к язычеству и к античности. Оно означает возврат к человеку, но совершенно на других основах и ценностях. Первоначальное накопление капитала в XVI веке коренным образом отличается от первоначального накопления в конце XX столетия (если это вообще возможно в конце

XX века). Поэтому здесь действуют другие законы, другие критерии, другой менталитет народа и т.д.

Некоторые возрождение России связывают с тем, что Россия якобы начинает входить в мировое сообщество. Причем дело представляется таким образом, будто дореволюционная Россия, а затем Советский Союз жили в абсолютной изоляции и не принимали никакого участия в международных делах. Однако факты свидетельствуют о другом. Во-первых, дореволюционная Россия никогда не была в абсолютной изоляции. Во-вторых, начиная с Петра Первого, она принимала самое активное участие в европейских делах. В-третьих, Советский Союз играл одну из главных ролей в мировой политике. Он являлся одним из основателей Организации Объединенных Наций.

С момента появления России как великой державы на политической сцене мира Запад к ней проявляет двойственное отношение: с одной стороны, он стремится с ней сотрудничать, но, с другой стороны, не питает к ней большого доверия и объективно не заинтересован в том, чтобы Россия была сильным и могучим государством. Одна из причин такого отношения, на мой взгляд, состоит в том, что Запад, как уже отмечалось, формировался как единый политический организм. Западноевропейские народы (французы, итальянцы, немцы, испанцы, англичане и др.) относятся к одному суперэтносу. Они имеют свои национальные культуры, традиции, языки, менталитет, но тем не менее у них есть и некоторые общие черты. Скажем, рационализм присущ всем им. Хотя он проявляется по-разному. Ведь не случайно философия рационализма в XVIII веке доминировала во Франции, Германии и других странах Западной Европы.

Что касается России, то на нее определенный отпечаток наложило то, что долгое время она находилась под влиянием Монгольской империи. Некоторые (Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев и др.) даже утверждают, что Россия не формировалась на базе Киевской Руси. Вот что писал Н.С. Трубецкой: «Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой «Киевской Руси», вряд ли может быть признан правильным. То государство или та группа мелких, более или менее само-

стоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством... В исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»[122]. Трубецкой Н.С. много неславянских элементов находит в русской культуре, обращает внимание и на общие элементы менталитета, т.е. психического склада людей, живущих в России. Нельзя игнорировать воззрения Трубецкого Н.С. и других сторонников евразийства. Действительно, народы, проживающие на территории России, принадлежат к одному суперэтносу и, следовательно, имеют много общих черт в культуре, в традициях и в обычаях. Конечно, вместе с тем у них есть свои национальные культуры. Традиции. Обычаи и т.д.

Однако отсюда вовсе не следует, что между Россией и Западом ничего общего нет. Очень даже много общего и в культуре. И в экономике, и в торговле, и в других областях. Поэтому, с одной стороны, необходимо стремиться к сотрудничеству с Западом, а с другой — нужно сохранить свое лицо и свою самобытность.

Положение современной России сложно и противоречиво. Сегодня Россия переживает глубокий экономический кризис. Как свидетельствует история человечества, сильным в экономическом отношении государствам легче проводить самостоятельную политику и легче защищать свой национальный суверенитет. Как писал Макиавелли, слабые государства действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна. Сильные государства постоянно расширяют свое политическое пространство. Их уважают и ценят, к их голосу прислушиваются, за ними признают определенный приоритет в проведении той или иной политики. Сегодня Россия слаба, но будем надеяться, что она преодолеет очередной раз свалившиеся на нее трудности и займет подобающее ей место в мировом политическом пространстве.

В настоящее время мы имеем уникальную картину единого исторического пространства, на котором распо-

[122] Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 211, 213.

ложены сотни государств и народов со своими традициями, обычаями, культурными и иными ценностями. Кроме того, человечество должно решить, если не хочет погибнуть, вставшие перед ним глобальные проблемы, что требует усилий всех государств мира, компромисса при решении энергетических и иных задач. В этой связи спрашивается: захотят ли народы мира «американизироваться»? Будут ли они послушно следовать американской политике? На мой взгляд, нет. Каждый народ будет стремиться к тому, чтобы не изолироваться от остального мира, но вместе с тем сохранить свое лицо, свою историю, свою культуру и свои ценности. Кроме того, не следует забывать, что всякая монополия порождает противодействие, сопротивление и в конечном итоге, как это бывало не раз, войну. Не следует забывать и то, что всякое могущество со временем, как это бывало опять-таки не раз, ослабевает и приходит в упадок. Поэтому нет ни одного народа, способного на длительное время взять на себя ответственность управлять всем миром. Только союз различных народов, их согласие и сотрудничество для решения международных проблем может создать условия для подлинного мира. В таком случае в политическом пространстве всем найдется место и никто себя не будет чувствовать ущемленным в правах.

В связи с освоением космоса человечество расширяет свое историческое пространство. И если когда-нибудь люди начнут переселяться на другие планеты, то историческое пространство еще больше расширится, и в этом смысле можно сказать, что оно так же бесконечно, как и пространство вообще.

ГЛАВА 6
ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

1. Историческое время – разновидность социального времени

Общефилософская дефиниция времени как формы существования материи имеет важное методологическое значение, так как подчеркивает объективность времени, протекающего независимо от человека и человечества. Но философско-историческое исследование времени этим не может ограничиться. Как естественные (физика, биология, медицина), так и общественные (политэкономия, история, социология и т.д.) науки изучают время, но каждая из них рассматривает его под своим углом зрения. Что касается философии истории, то она дает универсальную характеристику социального времени, анализирует его гносеологические и онтологические аспекты.

Ясперс, например, рассматривает время в онтологическом аспекте. Он вводит понятие осевого времени в связи с исследованием оси мировой истории, которая, по его мнению, «может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей»[123], независимо от вероисповедания. Ее надо искать там, где появились необходимые условия для формирования современного человека. Ясперс ось мировой истории относит ко времени около 500 лет до н.э., когда произошли качественные изменения в истории и появился современный тип человека. Это время он называет осевым временем. «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со

[123] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991. С. 29.

злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исаия, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга»[124].

Во всех этих странах человек осознает свое собственное бытие, самого себя и границы своих возможностей. Он приходит в ужас от своей беспомощности. Философы дискутировали о смысле жизни и об окружающей действительности. Осевое время показывает движение человечества к единству, к взаимовлиянию культур, к утрате собственной специфики каждой культуры и т.д. Общий вывод Ясперса: «Осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворятся в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отправляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные устоять во времени и, во всяком случае, устоявшие до сего дня»[125].

Философия истории изучает развивающееся во времени общество, деятельность субъектов истории, социальные процессы и феномены в их взаимосвязи и развитии. Поэтому очень важно выяснить, как осознается людьми время, какую роль оно играет в жизни социума. В нашу бурно развивающуюся и динамическую эпоху слово «время» по частоте употребления занимает одно из первых мест. Мы постоянно спешим, нам не хватает времени для решения многих повседневных задач. Мы учитываем даже не сутки, а часы, минуты и секунды. Все чаще можно слышать: «Как быстро летит время!» Но

[124] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991. С. 29–30.
[125] Там же. С. 39.

всегда ли так было? Всегда ли такое значение придавали времени?

Люди давно начали осознавать время, но в каждую историческую эпоху оно воспринималось по-разному. Современное восприятие времени очень сильно отличается от его восприятия людьми древнего мира и даже средневековья. Дело в том, что представления о времени, ощущение его хода и необратимости связаны с понятиями становления и развития, но люди не всегда могли понять и осознать, что все в мире формируется, изменяется и развивается. Первобытные племена, например, воспринимали мир как нечто раз и навсегда данное и неизменное. Естественно, что их понимание времени носило примитивный характер. Они представляли время лишь как конец жизни и не придавали ему социального значения. Люди не ценили время в том смысле, что не фиксировали его как определенный этап их жизнедеятельности. Даже до сих пор, как пишет французский историк Ф.Ариес, в африканских джунглях понятие о возрасте жизни все еще достаточно смутно. Это тем более касается первобытных обществ. Само восприятие времени связывалось с событиями, имевшими место в жизни рода или племени. Например, день рождения ребенка запоминался в связи с каким-нибудь событием: либо с днем рождения первого ребенка, либо с удачной охотой и т.д. Но дата рождения или смерти, конечно, не фиксировалась. Такое отношение ко времени, естественно, объясняется низким уровнем общественных отношений, культуры и отсутствием письменности. Объективно не было необходимости в точной фиксации времени, в его делении на часы, минуты, секунды. Примитивной социальной жизни соответствовало примитивное восприятие времени.

В античном мире представления о времени резко меняются. Время уже получает социальную характеристику и воспринимается как фактор, играющий важную роль в жизнедеятельности человека и поэтому требующий к себе бережного отношения. Люди начинают осознавать связь настоящего, прошлого и будущего. Так, Аристотель писал, что «настоящее время соприкасается с прошедшим и будущим»[126].

[126] Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 62.

Поскольку рабовладельческое общество находилось на более высоком уровне развития, чем первобытное, восприятие времени уже имеет не просто чувственно-осязаемый характер (связь времени с каким-либо событием), но и абстрактный, т.е. время оценивается независимо от конкретных вещей, событий и явлений.

Однако подлинное понимание времени начинается с эпохи Возрождения. «Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV века. Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество...»[127]. Эпоха Возрождения — это эпоха разложения феодализма и формирования капиталистических общественных отношений. Капиталист проявляет необычную активность для получения большей прибыли, и поэтому он бережет каждый час, каждую минуту, ибо понимает, что от его экономии времени зависит его богатство. Сонное средневековье было разбужено активно действующим буржуем. Вот почему «синонимом времени стала практическая деятельность, ее ритм»[128]. Именно с Возрождения появляется возможность сравнивать одну историческую эпоху с другой через призму времени. С этого периода люди начали представлять свою историю как историю развивающуюся во времени.

Вопросы времени оказались в центре внимания анналовской школы, получившей свое название от журнала «Annales», основанного М.Блоком и Л.Февром в 1929 году в Страсбурге. Один из виднейших ее представителей Бродель пишет, что социальное время представляет сложное и противоречивое явление, содержащее в себе прошлое и настоящее человечества. Французский историк вводит понятие диалектики длительности: «История, — пишет он, — это диалектика длительности. Через нее и благодаря ей она есть учение обо всем социальном и, следовательно, о прошлом и настоящем, ибо прошлое и настоящее неотделимы друг от друга»[129]. Историк не мо-

---

[127] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 345.
[128] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 79.
[129] Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris, 1969. P. 104.

жет игнорировать время, поскольку предмет его занятий — прошлое человечества — немыслим без учета времени.

Представители традиционной истории, продолжает Бродель, обращали внимание только на короткие отрезки времени, и не случайно ее называли событийной, или сериальной, историей, изучавшей лишь крупные события: войны, революции и т.д. Эта историческая наука фактически игнорировала время, и поэтому результаты ее исследований всегда отличались излишним схематизмом и абстрактностью. Анналовская школа, отмечает Бродель, решила устранить этот недостаток традиционной школы и в центр своих изысканий поставить время. Она делит его на короткое время (temps bref) и длительное время (longue durée).

Короткое время охватывает дни, сутки, месяцы. Например, пожары, сезон дождей выражаются коротким временем, поскольку они длятся сравнительно недолго. Оно также охватывает все формы экономической, социальной, религиозной и т.д. жизни. Что касается длительного времени, то здесь речь идет о столетиях и тысячелетиях. Среди всех времен длительное время занимает особое место, и историку нелегко к нему привыкнуть, хотя без него нельзя объяснить всю историю человечества. Это время неподвижно и лежит в основе познания исторического процесса. Оно как бы составляет каркас истории.

Небезынтересно отметить, что Бродель критикует тех историков (например, Лакомба), которые отрицали объективный характер времени. Нельзя, пишет он, абстрагироваться от времени и считать его своей субъективной идеей, ибо время — это процесс создания материальных богатств, жизнедеятельности человека. Всякое событие пронизано временем, так как оно связано с другими событиями, которые имели место раньше.

При исследовании социального времени следует иметь в виду, что всякая разновидность времени носит социальный характер, поскольку все, что происходит в обществе, социально. Поэтому время, изучаемое всеми общественными дисциплинами (политической экономией, историей, социологией и т.д.), есть социальное время. Но каждая наука исследует его под своим углом зрения, как уже было сказано выше.

В философии истории время рассматривается в более широком, философском смысле. Весь исторический процесс изучается как процесс, совершающийся во времени, детерминированный материальными отношениями. При этом философия истории опирается на достижения других наук, в частности политической экономии, социологии, истории. Философский анализ времени требует знаний конкретной действительности, что возможно только при учете достижений других наук. Возьмем историческое время. Им занимается не только историческая наука, но и философия истории. Она исследует его онтологические и гносеологические характеристики. В онтологическом смысле социальное время возникает вместе с историей общества. Являясь его формой существования, оно развивается и изменяется вместе с ним. Под гносеологическим аспектом подразумевается осознание времени в мифологических, натуралистических и космических терминах. Другими словами, в данном случае речь идет о неисторическом восприятии времени, когда оно не связывалось с историческим развитием общества. В мифах, сказках, эпосе время не развивается и не изменяется. Но по мере развития исторического процесса гносеологическая окраска времени тоже меняется. Оно уже воспринимается не через мифы и сказки, а через исторические события и факты.

М.А. Барг выделяет специально календарное время, которое в отличие от исторического времени течет равномерно, ритмично и непрерывно. Оно совершенно одинаково для всех эпох и периодов. Так, календарное время в первобытном обществе текло также ритмично и равномерно, как протекает в нашу эпоху, хотя ритм родового строя существенно отличается от ритма современных людей. Календарное время подчиняется своим собственным законам, и оно независимо от развития и изменения исторических событий.

В отличие от календарного времени историческое время предполагает содержательный анализ человеческой истории. Оно насыщено конкретным социально-историческим содержанием и, по справедливому замечанию японского философа Я.Кэндзюро, пронизывает всю историю, поскольку анализ времени позволяет предста-

вить человеческое общество как находящийся в постоянном развитии социальный организм. Мы чувствуем историческое время благодаря ходу истории, событий, явлений, процессов. Игнорирование времени неизбежно ведет к неисторическому подходу к исследованию общественных отношений.

Сравнивая календарное и историческое время, нельзя не отметить и то, что если календарное время всегда течет ровно, плавно и ритмично, то историческое время прерывисто и относительно. В нем возможны и цикличность, и повторяемость (разумеется, не абсолютная), и даже движение вспять. Это видно особенно тогда, когда происходят крупные события, оказывающие большое влияние на последующее общественное развитие.

Историческое время связано с содержательным анализом социальных организмов и поэтому требует целостного подхода. Оно приобретает содержание лишь при условии, если его определить как специфическую форму существования социальной целостности. Анализ содержания исторического времени возможен только при учете диалектического единства всех фактов, явлений, процессов и событий истории, ибо они-то и составляют его содержание. И для раскрытия цикличности и прерывистости исторического времени нужно исследовать его содержание, т.е. события и процессы, имевшие место на данном отрезке времени. Насыщенность исторического времени зависит от содержательности и насыщенности исторических событий. Примером могут служить революции и войны, которые ломают привычный уклад жизни людей и за короткий период качественно изменяют общественные порядки, менталитет и образ жизни людей. За последние десять лет в мире произошли такие колоссальные изменения, которые привели к коренному и полному преобразованию социально-политических и экономические институтов, к пересмотру сложившихся после второй мировой войны государственных границ многих стран. Иначе говоря, эти процессы полностью изменили картину мира. Десять лет исторического времени по насыщенности и содержанию равняются многим векам прошлых эпох.

Календарное время не зависит от людей, тогда как историческое время зависит от них, и в этом смысле оно

(историческое время) субъективно. Его содержание зависит от деятельности субъектов истории, которые могут быстро наполнить его большими историческими событиями, имеющими громадное значение для человечества, и изо дня в день трудиться, создавать материальные и духовные ценности и передавать их из поколения в поколение.

Субъективность исторического времени состоит также в том, что всякий индивид по-своему распоряжается своим временем. Он может его интенсифицировать, не транжирить и за короткий срок создать великие творения, работать с полной отдачей сил. Пушкин, Моцарт, Рафаэль прожили мало, но внесли в историю культуры неоценимый вклад. Правильно говорят, что жизнь измеряется не количеством прожитых лет, а ее содержанием, т.е. тем, что было сделано за отведенное на жизнь время. Маркс отмечал, что время — это простор для развития способностей, а мерилом богатства общества он считал наличие свободного времени, используемого каждым человеком для самосовершенствования и для проявления своих творческих способностей.

Время как основное условие всякого развития показывает историю в движении и изменении, оно дает представление о том, как человеческое общество по мере продвижения по пути социального прогресса совершенствуется, гуманизируется и превращается в действительное пространство людей, уникальных творцов цивилизаций на Земле. Время необратимо. Прошлое нельзя вернуть. Каждый день сокращает жизнь человека. Нельзя не вспомнить Пушкина, выразившего в гениальных стихах необратимый характер времени:

«Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить...И глядь — как раз — умрем».

Не хочется человеку умирать. Он хочет жить вечно, но понимает, что это невозможно и придумывает загробную жизнь. Но в действительности никакой загробной жизни нет, а есть суровые реалии: природа нам отвела определенный отрезок времени, и мы должны его максимально использовать для проявления своих сущностных сил, для того, чтобы своими творениями обессмертить свое имя.

Это касается не только человека, но и цивилизаций, государств, народов и т.д. Давно ушел в мир иной древнегреческий мир, но никто не станет отрицать, что нашими современниками являются Сократ, Платон, Аристотель и другие мыслители античности, обессмертившие себя великими творениями и внесшие огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

2. Время и историческая эпоха

Исследование времени дает возможность раскрыть закономерности развития общества, проследить его этапы становления и формирования, что в свою очередь помогает дать научную периодизацию всего исторического процесса. Так, деление истории, проведенное Вико, Кондорсе, Гегелем, Марксом, Тойнби и другими мыслителями, на эпохи, формации, цивилизации есть не что иное, как деление исторического времени на определенные отрезки, в рамках которых происходят качественные изменения социума, приводящие к другому отрезку времени, т.е. к другой стадии его развития, Формация, например, проходит определенные этапы развития, необходимые для проявления их возможностей. Она имеет свой возраст и в пределах этого возраста (времени) автономна, т.е. развивается на базе собственных законов.

Тесно связаны между собой время и историческая эпоха. Понятие эпохи часто употребляется в самых разных смыслах. Говорят, например, об атомной эпохе, об эпохе научно-технической революции, об информационной эпохе и т.д. Но для нас важно исследовать эпоху в философско-историческом плане, и в этой связи следует подчеркнуть, что нельзя произвольно определять эпоху. Она есть определенный отрезок всемирной истории, характеризующийся объективными, сущностными, универсальными чертами и свойствами данного исторического времени. Она обнимает сумму разнообразных явлений и процессов, некоторые из которых играют доминирующую роль и указывают на тенденцию развития.

Многие исследователи исторической эпохи ограничивают ее содержание лишь каким-то единственным фактором. Особенно большое значение придается технологии, являющейся базой всякого производства. Маркс,

например, писал, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталом»[130]. Ряд современных философов сциентистского направления полагают, что наша эпоха полностью определяется автоматизацией, компьютеризацией производственных процессов и что поэтому ее можно характеризовать как эпоху новой технологии.

Думаю, что нельзя абсолютизировать роль технологии общественного производства. Конечно, можно определить любое общество по тому орудию производства, которое характерно для данной эпохи. Например, при характеристике первобытного общества говорят о каменном веке, о бронзовом веке, о железном веке и т.д. Но, строго говоря, даже к родовому строю условно можно применить технологические определения эпохи, ибо они представляли сложную для своего времени социальную структуру, хотя не было классового деления. Тем более неправомерно определять современную эпоху через технологию производства. Наша эпоха очень сложна, гетерогенна и чрезвычайно противоречива. С одной стороны, мы встречаемся с социальными организмами очень высокой технологии, но, с другой стороны, есть социумы, находящиеся на довольно низком уровне.

Чтобы определить историческую эпоху, нужно найти такие компоненты общественной жизни, которые показывают тенденцию эволюции всего исторического процесса. Что, например, характерно для эпохи Возрождения? Во-первых, ломаются феодальные отношения, старый уклад жизни и старые, а в некоторых случаях даже архаичные, социальные порядки. Во-вторых, постепенно совершается переход к новым технологиям общественного производства, на базе которых создаются новые, капиталистические, формы хозяйствования. В-третьих, становление буржуазного способа производства имеет ярко выраженный национальный характер. Все государства стремятся к тому, чтобы придать новым структурам национальную окраску. «Архитектура, искусство и даже письмо приняли отчетливо обозначенный национальный характер»[131].

---

[130] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 133.

[131] Люблинская А.Д. Особенности культуры Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1991. С. 171.

В-четвертых, в духовной жизни начинается смена парадигм. Господству религиозного сознания приходит конец, хотя влияние религии и церкви остается довольно сильным. Философия, литература и искусство начинают постепенно избавляться от христианских догм, хотя процесс этот носил довольно сложный и мучительный характер. В-пятых, вся духовная культура сфокусировала свое внимание на проблеме человека и гуманизма. Не случайно эпоху Возрождения называют еще эпохой гуманизма. Один из великих гуманистов этого времени Эразм Роттердамский писал: «Не говори мне здесь, что любовь в том, чтобы часто ходить в церковь, припадать к статуям святых, зажигать свечи, повторять отсчитанные молитвы. Ничего этого Богу не нужно. Любовью Павел называет сотворять ближнего, считать всех членами одного и того же тела, полагать, что все едины во Христе, радоваться удачам братьев во Господе, как своим, помогать их бедам, как собственным»[132]. Гуманисты обратились к классическому наследию античности, возродив таким путем те духовные ценности, которые она проповедовала, и прежде всего отношение к человеку как к единственному субъекту, рефлексирующему над самим собой и над окружающей средой. Тем самым они показали, что не Бог, а человек всегда находился в центре внимания духовных творцов истории.

Таким образом, понятие эпохи Возрождения обнимает сумму разнообразных явлений, характеризующих ее сущностные черты и тенденцию развития. То же самое касается любой другой исторической эпохи, имеющей свой возрастной ценз.

Если брать современную эпоху, то ее характерными чертами являются:

1. Единое историческое, экономическое и политическое пространство, отсутствие каких-либо «закрытых» мест на земном шаре.

2. Включение всех народов и государств во всемирную историю.

Если еще в недавнем прошлом многие народы как бы были исключены из общего мирового хозяйствования и мировой политики, то в настоящее время все вместе де-

[132] Роттердамский Э. Философские произведения. М., 1986. С. 157.

лают историю и к голосу каждого необходимо прислушиваться. Разумеется, это не исключает того очевидного факта, что разные народы и государства имеют разные возможности влиять на ход всемирной истории. Но тем не менее даже национальные истории создаются в рамках всемирной, универсальной истории.

3. Происходит смена парадигм, что приводит с необходимостью и неизбежностью к переоценке многих ценностей, идей, теоретических положений и концепций. Так, в связи с возникновением глобальных проблем необходимо переосмыслить и пересмотреть военные доктрины, отношение к окружающей природной среде и т.д.

4. Появление совершенно новых технологий, в корне меняющих формы сотрудничества людей в процессе производства материальных благ.

5. Контрастность мира. С одной стороны, очень богатые страны с высоким уровнем жизни, а с другой — большинство государств не могут преодолеть элементарную нищету. Отсюда проблема «Север (богатые страны) — Юг (бедные страны)», от решения которой будет зависеть перспектива развития человечества.

6. Формирование единой мировой цивилизации. Этот процесс сложен и противоречив в силу противоречивости самой исторической эпохи, но он идет, хотя болезненно и трудно.

7. Замена биполярного мира на однополярный. Это произошло довольно быстро и неожиданно. Поэтому мировое сообщество находится в сложном положении. Оно должно перестроиться, ориентироваться на принципиально иные структуры, разрабатывать совершенно новые теоретические положения для установления новых отношений между государствами и народами.

Итак, наша эпоха чрезвычайно сложна и многогранна. Никто не может сказать, сколько времени она займет в истории человечества. Возрождение заняло три-четыре века, античность — больше тысячи лет. Процесс истории убыстряется и, может быть, наша эпоха займет меньше времени, чем Ренессанс. Историческое время вечно, и в его рамках будет еще много эпох, если, конечно, человечество будет жить в соответствии с собственными принципами, нормами и законами природы.

ГЛАВА 7
ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Основы единства всемирной истории

Развитие человеческого общества представляет собой сложный и многогранный процесс. В истории существовали различные социальные организмы, цивилизации, народы. Каждый социальный организм, каждый народ и каждая цивилизация обладали особыми, специфическими свойствами и чертами, которые накладывали определенный отпечаток на ход всей мировой истории. Если мысленно представить себе картину человечества, его развитие по восходящей линии, то кажется, что в мире царят хаос и произвол, что существуют самые дифференцированные формы человеческого общежития, которые как будто бы не имеют между собой ничего общего. Складывается впечатление, что ни одна наука не способна исследовать эти процессы, установить определенную связь в эволюции истории, выяснить, существует или нет единство в этом многообразии или же оно индивидуализировано и каждая индивидуальность функционирует сама по себе, развивается по своей собственной схеме и не связана с другими индивидуальностями.

Однако исторический процесс не является, как это может показаться на первый взгляд, иррациональным потоком событий и явлений. История обладает неумолимой логикой, и за кажущимся хаосом скрывается определенный порядок, за многообразием — единство, а за единством — многообразие. Но это требует философского доказательства, что связано со скрупулезным изучением и анализом всех сторон общественной жизни.

Вопросы единства и многообразия волновали многих исследователей. Одни (Н.Я. Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби и др.) абсолютизировали многообразие и отвергали единство, другие (Кондорсе, Гегель, Маркс, Ясперс и др.) исходили из единства и многообразия исторического процесса[133]. К. Ясперс, например, пишет, что

[133] Очень интересное изложение вопросов единства и многообразия дается в монографии Ю.И. Семенова «Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории». М., 1996.

человек стремится к объединению всех, ибо без этого невозможно было бы взаимопонимание людей. Единство человечества находит свое выражение в том, что на земле можно обнаружить общие религиозные представления, формы мышления и т.д., хотя единство не исключает и различий. Единство истории, продолжает немецкий экзистенциалист, проявляется также во времени и пространстве. В ходе истории растет общение между различными племенами. Они объединяются в народы, народы — в группы народов, страны — в континенты. В истории известны великие империи, занимавшие огромные пространства и объединявшие многие народы. Затем они распадались, и на их обломках возникали новые империи. Таким образом, во времени и пространстве происходили процессы, которые привели к единству истории.

Ясперс считает, что единство мировой истории никогда не будет завершено, и это, по его мнению, хорошо, так как, если бы оно закончилось, то пришел бы конец самой истории. И нельзя не согласиться с Ясперсом. Дело в том, что мир разнообразен. Люди рассеяны по всему свету. Всюду мы видим, отмечает Ясперс, самые разные культуры, традиции и обычаи, и они сохранятся, хотя люди всегда будут стремиться к единению. Если мировую историю, заключает Ясперс, рассматривать как хаотическое скопление ничем не связанных между собой случайных событий, то в ней действительно не обнаруживается никакого единства. Немецкий мыслитель отвергает такой взгляд на исторический процесс. Но зато его защищает Тойнби. Он утверждает, что каждая цивилизация существовала изолированно, локально и замкнуто, а саму идею их единства объявил ложной концепцией, причину появления которой он видит в неверной, как ему кажется, интерпретации современных интеграционных процессов.

Для того чтобы показать единство исторического процесса, необходимо дать анализ больших сфер общественной жизни — материальной, социальной, духовной и политической.

Материальная сфера. В основе единства мировой истории лежит прежде всего материальный фактор. В каком бы регионе земного шара люди ни жили, они должны заниматься производством средств к существованию, одеваться и строить жилище. Иначе говоря, везде и всю-

ду в мире люди едины в том, что в первую очередь им необходимо производить материальные ценности. Для этого они используют соответствующие орудия производства. Возьмем, например, первобытное общество, которое было распространено на всем земном шаре. Известно, что его экономическую основу во всем мире составляла общая собственность на имущество, включая и землю. Поля, огороды, охотничьи и рыболовные угодья принадлежали общине. Это можно наблюдать в Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии и т.д., т.е. всюду, где существовал родовой строй. Первобытные люди использовали одни и те же производительные силы, независимо от региона проживания.

Замена каменных орудий металлическими (бронзовыми, а затем железными) привела к резкому повышению производительности труда, а в конечном итоге к разложению первобытного строя и к возникновению классовых обществ. Этот процесс характерен для всех регионов мира. Как установлено историками, в VIII–VI веках до н.э. железные орудия стали преобладать в Передней Азии, во многих частях Европы, в Средней Азии, в Египте, Китае, Индии. «В VI в. до н.э., с началом широкого применения железных орудий в ремеслах, – пишет индийский ученый Рам Шаран Шарма, – и при обработке земли, создались условия для превращения скотоводческого, почти эгалитарного родоплеменного ведийского общества в земледельческое с развитым делением на классы... Железный плуг и другие орудия из железа позволили крестьянам начать производить значительно больше того, что требовалось для поддержки их собственного существования»[134].

Но если первобытное общество показывает нам единство в сфере материального производства, то это тем более касается последующих этапов развития мировой истории, когда налаживаются торговые связи, идет интенсивный обмен опытом и разнообразной информацией. Еще больше подтверждает материальное единство современный мир. Экономика всех стран настолько интегрирована, что разрыв хозяйственных связей в каком-либо регионе сказывается на производстве материальных благ

[134] Рам Шаран Шарма. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 269–270.

в другом регионе. Невозможно представить высокоразвитую экономику Японии, почти не имеющей энергетических ресурсов и полезных ископаемых, без импорта газа, нефти и т.д. В свою очередь японская архикачественная технология применяется во всех странах мира.

Характерной чертой современной эпохи является унификация производительных сил, прежде всего орудий производства. Наиболее конкурентоспособные из них покупаются всеми государствами, и тем самым как бы создается единая международная технология, что, на мой взгляд, следует оценить позитивно, так как это позволяет, во-первых, использовать готовую технологию, стандартизированность машин, станков и т.д., во-вторых, не распылять финансовые средства на создание новых технологий, вложить их в другие отрасли экономики. Унификации подвергается не только технология, но и товары. Все меньше и меньше люди носят национальную одежду. Они предпочитают современную модную одежду.

Унификация товаров, по моему мнению, имеет негативный момент в том смысле, что национальный колорит отходит на задний план. Но таковы издержки прогресса, и с этим нельзя не считаться, чтобы идти в ногу со временем.

Социальная сфера. Ретроспективный взгляд на историю свидетельствует, что в одни и те же исторические эпохи в разных регионах мира была примерно одна и та же социальная структура общества. Так, в первобытном обществе она имела примитивный характер: не было ни классового, ни сословного, ни кастового деления людей. Социальными общностями выступают род и племя, базирующиеся на кровнородственных связях. Это были естественные формы объединения людей на заре человечества, так как собственно социальные связи находились на стадии формирования и становления. Маркс писал, что «естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т.д.) или, если хотите, стадность есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в пространственные формы»[135].

---

[135] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 462–463.

С возникновением классового общества исчезают род и племя, и на их месте появляются новые социальные общности — классы, касты, сословия и т.д. Первыми классами были рабы, рабовладельцы и крестьяне. Рабы полностью исключались из общественной жизни, и с ними обращались как с животными. Раб, по выражению Аристотеля, есть говорящее орудие. Его можно убить, продать, купить. Но и среди рабов была дифференциация. Одни принадлежали семьям, они не занимались производительным трудом и полностью обслуживали рабовладельцев. Другие использовались в качестве рабочей силы, третьи служили в армии и т.д. В античной Греции и в Древнем Риме рабы исполняли универсальные функции: они использовались и в сельскохозяйственных работах, и в домашних условиях, и на войне. А в Древней Индии они в основном занимались домашним хозяйством.

Во всех докапиталистических классовых формациях важную роль играло крестьянство. Оно принимало активное участие не только в производстве сельскохозяйственной продукции, но и в войнах. Широко известны крестьянские восстания, в том числе в России, где крестьяне подвергались жесточайшей эксплуатации. При Екатерине II крепостной крестьянин превратился в частную собственность помещиков, что еще больше усилило его эксплуатацию. Вот что по этому поводу пишет В.О. Ключевский:

«Под покровом крепостного права в помещичьем селе сложились во второй половине XVIII в. своеобразные отношения и порядки. Я укажу сначала на способы помещичьей эксплуатации крепостного труда. До XVIII в. в помещичьем хозяйстве господствовала смешанная оброчно-барщинная система эксплуатации земли и крепостного труда. За участок земли, предоставляемый им в пользование, крестьяне частью обрабатывали землю на помещика, частью платили ему оброк»[136]. Но в первой половине XVIII века, продолжает знаменитый историк, эта смешанная система стала разделяться. Поскольку дворяне должны были обязательно служить, они не могли принимать активного участия в делах сельского хозяйства. Поэтому многие из них всю свою землю предоста-

[136] Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 134.

вили крестьянам на оброк, другие же дворяне часть земли отдали крестьянам, остальную же обрабатывали посредством барщинного труда. После освобождения дворян от обязательной службы, казалось бы, они должны были заняться сельским хозяйством. Но этого не произошло. Оброчная система не только не исчезла, но все больше и больше распространялась. Естественно, крестьяне возмущались, что в конечном итоге привело к пугачевскому восстанию.

Не лучше обстояло положение крестьян и в других странах. Во Франции, например, в XVIII веке уже не было крепостного права, тем не менее крестьяне продолжали платить деньгами и барщиной за свое освобождение. «...Сохранились еще со времени крепостного права всевозможные платежи за пользование принадлежавшими помещику мельницей, сельской печью для печения хлеба, прессом для выжимания виноградного сока, печью для стирки, некоторыми дорогами, известными бродами и т.д., а также полагались всякие «приношения» орехами, грибами, полотном, пряжей...»[137]. Можно было бы привести примеры из других стран, но указанных достаточно для иллюстрации одинакового положения классов докапиталистических формаций. Кроме классов, были другие социальные группы (ремесленники, купцы, ростовщики и т.д.), которые тоже имели примерно идентичные условия жизни во всех добуржуазных государствах.

Еще больше единства показывает социальная сфера в буржуазном обществе, где имеются рабочие, буржуазия, различные группы и слои. Они связаны между собой сложными отношениями экономического, политического, духовного и т.д. порядка. Все классы и слои, как правило, имеют свои профессиональные союзы, защищающие их интересы. Кроме того, внутри классов существуют всякого рода объединения. Речь прежде всего идет о спортивных, общественных и иных организациях, действующих в социальной области и непосредственно не связанных с другими сферами общественной жизни.

Духовная сфера. Она, как и другие сферы, имеет свою имманентную логику развития, показывающую, что об-

[137] Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793. М., 1979. С. 33.

ладает универсальными чертами и свойствами, присущими всем духовным сферам. Начнем свой анализ, как и раньше, с духовной жизни первобытного общества. Что для нее характерно? Прежде всего то, что она непосредственно вплетена в материальную деятельность и не вычленена в самостоятельную область общественного производства. Иными словами, никто специально не занимается духовным производством, что было связано с примитивным характером общественных отношений и с низким уровнем производительности труда. Далее, в духовной сфере первобытного общества доминируют мифы, сказки, легенды. Причем следует заметить, что уже в это время проявляется единство и взаимовлияние духовных ценностей. Греческие мифы, например, имели свои источники в мифах и легендах других стран. «Нельзя, разумеется, — пишет М.Лифшиц, — забывать, что греческая и римская древность самым тесным образом связаны с более глубоко лежащим слоем общественных форм, созданных Азией»[138].

С возникновением классового общества происходит разделение общественного производства на материальную и духовную сферу деятельности. Последняя приобретает относительную самостоятельность и начинает развиваться по своим собственным законам. Появляются люди, которые профессионально занимаются производством духовных ценностей. Здесь опять-таки наблюдаются некоторые сходные процессы. Возьмем, например, философию. Она начала формироваться примерно в VII веке до нашей эры одновременно в Китае, Индии и Древней Греции. К этому времени в этих странах сложились зрелые классовые общества с высоким уровнем производительных сил для той далекой эпохи, со сложной социальной структурой.

В философских учениях ставились одни и те же проблемы: бытие окружающей действительности и бытие человека. Дж.Неру подчеркивал, что по духу и мировоззрению Индия ближе к Древней Греции, чем современные европейские нации. Сходство духовной жизни античной Греции и Индии поразило Александра Македон-

[138] Лифшиц М. Мифология древняя и современная. М., 1980. С. 10.

ского, вторгшегося на индийскую территорию. В обеих цивилизациях жизнь воспринималась реалистически. Люди одинаково радовались и печалились. Одни проповедовали аскетизм, другие — гедонизм. Обе цивилизации поддерживали постоянные связи между собой. «Греция и Индия, — пишет Неру, — были связаны друг с другом с древнейших летописных времен, а более поздний период между Индией и находившейся под влиянием эллинизма Западной Азией поддерживались тесные связи. Большая астрономическая обсерватория в Удджаяни (ныне Удджайи) в Центральной Индии была связана с Александрией в Египте». Многие индийцы посещали Грецию, изучали ее культуру и философию.

С образованием единого исторического пространства, когда плоды духовной деятельности стали достоянием всех наций и народов, единство в духовной сфере еще больше подтверждается. Литература, искусство, философия, мораль и другие формы общественного сознания давно перешли национальные границы и обрели мировое гражданство. Трудно переоценить влияние французских просветителей на европейскую культуру. Сочинения Вольтера и Руссо, Дидро и Гольбаха с огромным интересом встречались европейской читающей публикой. Императрица России Екатерина II гордилась тем, что переписывалась с Вольтером. Классическая немецкая философия находилась в центре внимания философских кругов Европы. Диалектика Гегеля вызывала острые дискуссии среди русских философов.

В современную эпоху мы имеем, если можно так выразиться, единое духовное пространство. Благодаря средствам массовой информации духовные достижения одних народов становятся достоянием всех остальных. Представители интеллигенции различных регионов и стран занимаются, в сущности, одними и теми же вопросами: экзистенция человека, его судьба и будущее мировой цивилизации, бедность и нищета, техника и человек, космос и человек и т.д. Проблемы эти находят освещение в философии, кино, живописи, искусстве и т.д.

Политическая сфера. В широком смысле слова в политическую сферу входит управление делами общества, регулирование отношений между индивидами, группами,

классами, слоями, государствами, народами, нациями и т.д. В родоплеменном строе руководящая роль принадлежала вождю племени. Род имел большие полномочия. Он выбирал сахему (старейшину) для мирного времени или вождя и мог их сместить, если те отклонялись от взятых на себя обязательств. Все дела решались коллективно, не было ни государства, ни политических партий и группировок. Внутри рода существовало равенство, члены его должны были оказывать друг другу помощь, защищать безопасность всего рода. Родоплеменной строй — это примитивное общество, и соответственно социальное управление носило примитивный характер.

Но вместе с переходом к классовому обществу становятся необходимыми новые формы регулирования отношений людей. И появляются политика и политическая сфера. Рождается совершенно новое политическое образование — государство, представлявшее собой сложнейший механизм управления общественными делами. Там, где есть классовое деление, налицо государство, и везде оно имеет одни и те же функции: развитие экономики, регулирование межличностных и межклассовых отношений, установление межгосударственных связей, защита суверенитета и территориальной целостности той части исторического пространства, на котором проживает народ данной страны.

С победой буржуазного способа производства сильно усложняется политическая сфера общества. Возникают многочисленные политические партии, отражающие интересы разных классов и социальных групп и стремящиеся к власти для реализации своих политических интересов. Почти везде формируются парламентаризм, президентская или иная форма правления. Даже там, где сохраняются монархии, они не оказывают существенного влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Это еще раз свидетельствует о том, что во всех регионах мира развитому обществу соответствует развитая политическая сфера (универсальное правовое государство, всеобщее избирательное право и т.д.).

Итак, анализ основных сфер общественной жизни показывает, что исторический процесс, хотя сложен и противоречив, тем не менее не есть иррациональный и хао-

тический поток событий, а имеет свою имманентную логику и представляет собой целостное единство.

2. Многообразие всемирной истории

Исторический процесс един, но вместе с тем многообразен. Чтобы показать это многообразие, возьмем те же основные сферы общественной жизни.

Материальная сфера. Производство материальных ценностей в тех или иных регионах даже в однотипных обществах совершается по-разному. Это во многом определяется географическим фактором (жители берегов рек, морей и озер занимаются главным образом рыболовством, тогда как горские народы — охотой и скотоводством, жители равнин — земледелием, садоводством и т.д.), торговыми связями с другими народами. Там, где эти связи были сильно развиты, там, где непрерывно совершался товарообмен, исключалось абсолютное натуральное хозяйство, когда люди были вынуждены все сами производить.

Сильное влияние географическая среда оказывала на формирование материальных общественных отношений. Стихийный коллективизм в России, например, во многом был связан с тем, что суровые климатические условия (короткое лето, долгая морозная зима) вынуждали людей объединяться, совместно владеть землей, общими усилиями обрабатывать ее и собирать урожай. Такие же суровые климатические условия вынуждали горские народы вести коллективное хозяйство (общие пастбища, общие луга, общая пашня и т.д.).

Очень большое влияние оказывала географическая среда и на становление ремесленного хозяйства. Богатые железными ископаемыми государства быстро развивали ремесло, в сравнительно короткие сроки налаживали выпуск различных видов орудий производства. В Восточном Средиземноморье, например, сильно было развито специализированное ремесло: металлургия, ювелирное дело, гончарное искусство и т.д. И даже были созданы ассоциации ремесленников.

Социальные организмы отличались и по другим параметрам в сфере материального производства. Строитель-

ство жилых помещений, архитектурные сооружения, одежда и т.д. у каждого народа уникальны и неповторимы, хотя внешнее сходство можно наблюдать, особенно в настоящее время. Они представляют собой своеобразную рекламу национальных традиций и обычаев, вообще национальной культуры.

Многообразие мировой истории проявляется и в современных условиях, когда существуют единые хозяйственные связи и происходит интенсивный обмен материальными ценностями. Американская технология в России, Китае, африканских государствах может быть применена в зависимости от климатических условий, традиций, менталитета народа, уклада жизни и многих других факторов. Отсюда следует, что многообразие истории требует различного подхода к современным производительным силам.

Социальная сфера. Она очень разнообразна не только структурно, но и функционально, т.е. по исполнению тех или иных общественных функций. Род, племя, этнос, нация, народ, класс, каста, сословия и другие формы социальной общности людей очень дифференцированы. Африканский род отличается от австралийского или американского. У них разные традиции и культуры, разные языки и обычаи. Для индийского общества характерна кастовая система, происхождение которой объясняется разными причинами: природными способностями, наследием от аборигенных племен, разделением труда и т.д. Отличительными «признаками касты являются принципы наследственности и иерархичности или ограничения, накладываемые на вступление в брак и социальное общение. Люди, входящие в определенную касту, не могут ни вступать в брак с членами других каст, ни принимать пищу от тех, кто входит в более низкие касты. Понятия «высокий» и «низкий» связываются с рождением и наследственностью»[139].

Дифференцированы народы разных регионов и континентов. Каждый обладает какими-то неповторимыми чертами, менталитетом. Известны деловитость американцев, трудолюбие японцев и китайцев, импульсивность

[139] Рам Шаран Шарма. Древнеиндийское общество. С. 261.

латиноамериканцев, пунктуальность, дисциплинированность и педантизм немцев. Как писал Н.А. Бердяев, немец руководствуется категорическим императивом, и он стремится к тому, чтобы все было приведено в порядок, иначе он чувствует себя как-то неуютно. Разное отношение проявляется и к традициям: восточные народы их почитают больше, чем западные. Западный человек на первое место ставит права человека, отдельной личности. Он более индивидуалистичен, если хотите, эгоистичнее. Но он и больше уважает принятые юридические законы и нормы. Восточный человек больше считается с мнением старших, клана, родственников и часто свои интересы подчиняет интересам близких.

Сильной дифференцированностью отличаются социальные классы. Уже рабы делились на домашних и рабов-производителей. Крестьяне были крепостные, государственные и малоземельные. Очень разнообразна структура рабочего класса. Она выделяется по профессиональным признакам (высококвалифицированные и малоквалифицированные), по отраслевому (металлургия, легкая, атомная и другие виды промышленности), по уровню жизни, политической культуры, а также по отношению к труду, к нормам и принципам поведения в обществе и т.д. Американский рабочий, например, строго руководствуется юридическими законами и, как правило, он предпочитает работать от и до и не очень считается с мнением работодателя, когда он просит его задержаться на работе. В отличие от американского рабочего японский уважает не только юридические законы, но и традиции, в соответствии с которыми он относится к просьбам своего хозяина. Последний, в свою очередь, уважая традиции, так просто рабочего не выкинет на улицу, а позаботится о нем.

Не менее дифференцирована и интеллигенция. На ее формирование накладывают отпечаток региональные, национальные и иные особенности страны, ее близость к народу, ее отношение к национальной культуре и к национальной политике. В России, например, интеллигенция всегда была сильно политизирована. Она всегда искала ответы на вопросы, кто виноват и что делать. Она терзалась мыслями о том, как помочь народу, как избавить его от нищеты и бесправия. Поэтому, как выражал-

ся Бердяев; «все в России превращается в орудие политики»[140]. Даже самые отвлеченные философские идеи интеллигенция превращала в орудие политики. Сколько было споров в начале XX века вокруг эмпириокритицизма — этой разновидности позитивизма, возникшего в Западной Европе в конце XIX века. Отвлеченные философские тезисы, которые даже не все философы-профессионалы понимали, были превращены в политические инструменты и постулаты. Российские социал-демократы Богданов, Базаров, Ленин, Луначарский и другие критиковали друг друга и делали революционные выводы из этой критики. Ленин, например, утверждал, что за гносеологическими дискуссиями следует видеть борьбу партий в философии, которая в конечном счете выражает классовую борьбу. И нельзя не согласиться с авторами «Вех», когда один из них (Н.Бердяев) пишет, что «в широких кругах марксистской интеллигенции вряд ли читали Авенариуса, так как читать его нелегко, и многие вероятно искренне думают, что Авенариус был умнейшим «большевиком»[141].

Духовная сфера. Разнообразие духовной деятельности народов мира очевидно. Ведь каждый народ имеет свою собственную неповторимую и уникальную культуру, несравнимую с культурами других народов. Даже живущие в одном регионе этносы имеют разные культурные традиции, разную живопись и художественную литературу. Величайшее творение индийского народа «Махабхарата» так же уникальна, как и греческая «Илиада». Но уникальна также китайская пейзажная лирика, описывающая художественными средствами китайскую природу. Вот как описал в начале нашей эры поэт Гу Кайчжи четыре времени года:

Весеннею водою
озера полны,
Причудлива в летних
горах тишина.
Струится сиянье
Осенней луны,
Свежа в одиночестве
Зимнем — сосна[142].

---

[140] Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 13.
[141] Вехи // Сб. ст. О рус. интел. М., 1990. С. 19.
[142] Китайская пейзажная лирика. М., 1984. С. 29.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой литературы и искусства является их неповторимость. Два произведения могут быть посвящены одной и той же теме, но она может быть раскрыта совершенно разными художественными средствами. Отечественной войне 1812 года было посвящено немало произведений, но все они неповторимы. «Войну и мир», кроме Л.Н. Толстого, никто не написал. Такая уникальность связана не только с талантом художника, но и со спецификой самого искусства, с его особыми формами художественного отражения действительности, своими методами и способами описания и создания художественных образов.

Хотя философия возникла в трех регионах (Китай, Индия, Греция) примерно в одно и то же время, тем не менее и здесь наблюдаются отличительные черты. В Древней Греции философия носила рационально-системный характер. Она была связана с науками и имела мощный логический аппарат. Достаточно вспомнить Аристотеля, отца традиционной логики, разработавшего все ее фундаментальные положения. В Индии и Китае не было ярко выраженной логической философии и поэтому ее трудно было отделить от предфилософии.

Политическая сфера. Очень разнообразна политическая жизнь государств и народов. Сосуществовали и сосуществуют разные формы правления: монархия и республика, аристократия и олигархия. В восточных странах больше доминировали деспотические государства, хотя на Западе они тоже не составляли исключения.

Дифференцирована политическая структура. В разных странах в зависимости от традиций и политической культуры существуют и действуют различные политические партии, многие из которых находятся у власти, другие стремятся к ее захвату конституционным или неконституционным путем. В США, например, есть несколько партий, но реально на власть претендуют только две — республиканская и демократическая. Во Франции к власти стремится не более пяти партий. Япония, как и Великобритания, представляет собой конституционную монархию. Правда, в настоящее время в обоих государствах монархия не играет большой роли в политике, поскольку законодательную и исполнительную власть осуществляют

парламент и правительство. В разных государствах своеобразно протекает политическая жизнь. В одних она имеет более консервативный характер, а в других — более революционный. В одних широко распространены массовые политические движения, в других они практически отсутствуют. В одних — высокий уровень политической культуры граждан, в других — политическая культура недостаточно развита.

Таким образом, с одной стороны, исторический процесс един, но с другой — многообразен. Если абсолютизировать единство, то мир предстанет однообразным, но если абсолютизировать многообразие, то мир превратится в нечто иррациональное и хаотическое. Поэтому на историю надо смотреть диалектически, поскольку реальная история внутренне противоречива, а именно: в единстве нужно видеть проявление многообразия, а в многообразии — единство исторического процесса. Я показал это посредством анализа больших сфер общественной жизни, которые только в абстракции могут быть оторваны друг от друга. Но можно показать это и через диалектику общего, особенного и единичного.

Всемирно-исторический процесс имеет некие универсальные законы, функционирующие на протяжении всей человеческой истории. Они проявляются во всех областях либо как законы функционирования, либо как законы развития, либо как динамические и статистические законы. Есть, например такой универсальный закон, как закон решающей роли способа материального производства. Это значит, что всюду люди прежде всего должны заниматься производством материальных благ, иначе просто-напросто не выживут.

Универсальные законы не исключают специфики развития каждого региона или социального организма. В силу исторических, географических и иных обстоятельств складываются некие особенности, присущие только данному региону. Скажем, формирование буржуазных общественных отношений — универсальное явление, но в некоторых регионах оно имеет свои особенности. На восточный капитализм, например, наложили глубокий отпечаток традиции, обычаи, географический фактор и т.д.

Кроме общего и особенного есть нечто единичное, присущее только данному социальному организму, являющемуся некоторым целым, в котором все элементы находятся в постоянном взаимодействии. Это целое отличается от других социальных организмов благодаря присущим ему единичным свойствам, связанным с культурой народа, с его менталитетом, с его историческим опытом и историческими традициями.

ГЛАВА 8
ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ

1. Индивид. Человек. Личность

Проблема человека — вечная проблема философии истории. Вообще говоря, возникновение самой философии связано с размышлениями человека над собственным бытием и над бытием окружающей природной и социальной действительности. И прежде чем изучать эту загадочную для него действительность, он решил познать самого себя, и это познание длится более двух тысяч лет. О человеке пишут много и будут писать, пока существует человечество. Одни его превозносят, другие, наоборот, поносят. А Ключевский В.О. прямо заявил, что «человек — это величайшая скотина в мире»[143].

В философской литературе часто употребляются близкие по содержанию понятия «индивид», «человек», «личность». Для того чтобы ими правильно оперировать, необходимо провести разграничительную линию между ними и выделить те черты и свойства, которые отличают их друг от друга, хотя часто употребляются как синонимы. Принято считать, что понятие *индивида* обозначает принадлежность к человеческому роду. Оно не применимо к животным, так как ни одно животное не является индивидом. Отсюда следует, что понятие индивида есть социальное понятие. Но оно имеет абстрактный характер, ибо не указывает на те специфические черты, благодаря которым индивид становится индивидуальностью. Формирование же индивидуальных черт связано с природными и социальными факторами.

Человек есть *биосоциальное* существо. Он — часть природы, и его формирование проходит сложный и длительный процесс. Он, как и другие природные существа, подвержен болезням, стареет и умирает. Он постоянно должен удовлетворять свои потребности, чтобы не умереть от голода, должен иметь жилье, одеваться и обуваться, чтобы не умереть от холода и жары. Но человек ведь не просто биологическое существо, а биосоциальное. Это

[143] Ключевский В О. Соч : В 9 т. М , 1990. Т. 9. С 363.

значит, что он становится человеком только в обществе, только в определенных социальных условиях. Известны случаи, когда новорожденные дети похищались дикими животными. Те их не убивали по каким-то причинам и «воспитывали». Дети принимали повадки животных и оставались в умственном отношении на их уровне, т.е. они не становились людьми. Ребенок — это человек в возможности, и чтобы возможность была превращена в действительность, он должен находиться среди людей и получить человеческое воспитание.

Проблема человека, грубо говоря, имеет два аспекта: **практический** и **теоретический**. Под практическим аспектом подразумевается создание человеку необходимых условий для проявления его сущностных сил, т.е. интеллектуальных и физических способностей. Над этой проблемой задумывались писатели, философы, политики — все те, кто интересовался жизнью человека, его повседневной экзистенцией и судьбой, кто пытался оказать ему практическую помощь.

История свидетельствует, что человеку постоянно приходится бороться за свою жизнь, за улучшение своих жизненных условий. Он вынужден протестовать, восставать, требовать к себе человеческого отношения, бунтовать и сопротивляться. А бунтующий человек, как пишет А.Камю, «есть человек, живущий до или после священного, требующий человеческого порядка, при котором и ответы будут человеческими, т.е. разумно сформулированными»[144]. А если он не находит таких ответов, то либо впадает в депрессию, либо становится на преступный путь, либо на путь революционера, либо примыкает к различным политическим партиям, обещающим устроить ему райскую жизнь.

Б.Паскаль писал, что величие человека заключается в его способности мыслить. Это верно, но отчасти, ибо величие человека заключается также в том, чтоб творить, создавать материальные и духовные ценности, обогащать свой субъективный мир. Может быть, в этом и состоит смысл жизни человека, хотя найдутся и другие точки зрения о смысле жизни.

---

[144] Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 133.

Если величие человека проявляется в том, что он мыслит, то, может быть, в этом и его трагедия, ибо только человек, благодаря тому, что он мыслит, может сознательно заниматься деструктивной деятельностью, т.е. ничего не создавать, а все разрушать. Только человек сознательно стремится к тому, чтобы лишить жизни себе подобного, хотя понимает, что самое дорогое у человека — это жизнь. Только человек создает самые невиданны средства уничтожения другого человека и не только человека, но и окружающей природной (шире — космической) среды. Но вместе с тем нельзя не отметить, что благодаря мысли только человек создает вторую природу, опредмеченный мир, материальные и духовные блага. Он их создает для других людей, чтобы те ими наслаждались и удовлетворяли растущие потребности. Одним словом, человек — это и загадка природы, и ошибка природы.

Человек-творец встает перед сложным вопросом — что лучше: быть или иметь? Многие философы пытались решить этот вопрос. Одни больше значения придавали тому, чтобы быть, другие тому, чтобы иметь. Э.Фромм так интерпретировал эти два слова: «Под обладанием и бытием я понимаю не некие отдельные качества субъекта, примером которых могут быть такие утверждения, как «у меня есть автомобиль» или «я белый», или «я счастлив», а два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две разные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает»[145]. Сам Фромм выступает за то, чтобы **быть**. Иметь означает обладать каким-то благом, которое не составляет внутренний мир человека, а лишь принадлежит ему. Можно иметь, скажем, квартиру, машину, деньги и т.д. Но можно их потерять и остаться в нищете. А если нечто составляет твой **внутренний** мир, твое, так сказать, второе «я», то ты его никогда не потеряешь. Если у тебя, например, есть знания, то никто их у тебя никогда не отнимет, пока ты будешь жить. Поэтому лучше **«быть»**, чем **«иметь»**, что, конечно, не означает, что не надо обладать необходимыми для жизни материальными и духовными благами.

---

[145] Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 31.

Теоретический аспект предполагает выяснение исходной категории изучения человека. С чего начать? Многие философы начинали с самого человека, рассматривая его в отрыве от социальной действительности. Фейербах, например, назвав свою философскую концепцию новой философией, заявил: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»[146]. Он подчеркивал неразрывное единство природы и человека, но человек в его понимании оставался только частью природы и рассматривался как «чувственный предмет», как пассивное существо, способное только на созерцание. Критикуя концепцию Фейербаха, Маркс выдвинул тезис о том, что человек, будучи частью природы, становится человеком только в обществе и что поэтому сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, а «есть совокупность всех общественных отношений»[147]. Данное теоретическое положение имеет важное методологическое значение для философского исследования проблемы человека. Не человек выступает в качестве исходной категории, а общественные отношения. Допустим, мы решили узнать, что представлял собой обыкновенный гражданин античной Греции, о чем он думал, какой образ жизни вел и т.д. Естественно, на все эти вопросы можно ответить лишь тогда, когда нам будет известна та социальная действительность, которая окружала античного человека. Ведь биологически он мало чем отличался от своего современного «родича», но духовно, психически он совершенно другой. И если бы он ожил, то оказался бы в совершенно непонятном ему мире. Почему? Потому что он жил в абсолютно других социальных условиях, имел другой субъективный мир, ориентировался на другие ценности и т.д. У нас нет никаких оснований осуждать наших предшественников за те или иные поступки, которые с точки зрения сегодняшнего дня кажутся аморальными или преступными, но в то время считались разумными.

---

[146] Фейербах. Избр. филос произв. М., 1955. Т. 1. С. 202.
[147] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

Итак, общественные отношения — *ключ к изучению* человека. Но отсюда вовсе не следует, что все люди одинаковы в одних и тех же социальных условиях. Каждый человек индивидуален, имеет определенные природные задатки или склонности, которые проявляются уже в социальной среде. Бездарный человек в любых общественных отношениях остается бездарным. Моцартом надо было родиться, им просто так не станешь. Гений, талант — это нечто природное, а не социальное. Конечно, если бы у Моцарта не было такого замечательного музыкального окружения, то его гениальные музыкальные способности не проявились бы и он остался бы простым гражданином Австрии.

Если человек — биосоциальное существо, то личность есть только *социальное* существо. Человек становится личностью только в обществе. Всякая личность — человек, но не всякий человек есть личность. Психически ненормальный человек не есть личность. Чтобы стать личностью, надо обладать определенными чертами. Прежде всего у личности должен быть разум. Личностью является конкретный человек как носитель разума, сознания. Ребенок не есть личность, но как только у него начинает появляться сознание, он становится личностью. Чем полнее у человека развито сознание и его высшая форма — самосознание, тем ярче и полнее выглядит личность.

Другая черта личности — ориентация в обществе. Она непосредственно связана с разумом. Разумный человек не только ориентируется в обществе, но и приносит определенную пользу ему. Следующей чертой личности является личное достоинство. Настоящая личность уважает достоинство других и требует уважения к себе. Беспринципный человек, постоянно приспосабливающийся к изменившимся социальным условиям и не имеющий собственного мнения, а повторяющий чужие мысли, собственно говоря, не есть подлинная личность. Настоящая личность имеет свое лицо, свои убеждения, принципы и готова их отстаивать в любой ситуации.

Еще одна черта личности — способность нести ответственность за свои поступки и действия. Перечисленные черты являются атрибутивными свойствами любой личности, благодаря которым она представляет собой индивидуальность.

2. Человек. Свобода. Ответственность

Человек является субъектом истории. Он создает материальные и духовные ценности, преобразует окружающий мир, строит города, творит науку, литературу и искусство. Одним словом, все, что есть в обществе — дело рук человека. Но чтобы творить, человек нуждается в свободе. А что такое свобода? И в чем она проявляется? На эти вопросы мыслители давали разные ответы. Гольбах, например, утверждал, что «*свобода* — это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества»[148]. И Коллинз же понимал свободу как «способность человека поступать так, как он желает или предпочитает»[149]. Энгельс свободу рассматривал как способность принимать решения со знанием дела. И, наконец, Фромм писал, что «свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей»[150]. Можно привести цитаты и из работ других философов, свидетельствующие о том, что каждый трактует по-своему свободу, каждый вкладывает в нее свой смысл. И это не случайно, потому что понятие свободы — самое распространенное и вместе с тем самое сложное понятие.

Прежде всего следует отметить, что свобода есть понятие *социальное*. У животных нет никакой свободы. Они — часть природы и не нуждаются ни в какой свободе. Свобода же возникает в процессе взаимодействия людей, в процессе их совместной деятельности. С одной стороны, человек находит свою свободу только в обществе, а с другой — оно как бы ему мешает делать то, что он хочет. Но это одно из противоречий социума, которое решается путем компромисса: общество предоставляет индивиду определенную свободу, но и индивид в свою очередь сознательно ограничивает свои требования к обществу. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Необходимо подчеркнуть, что свобода и воля не одно и то же. Свобода означает действовать в рамках юридиче-

---

[148] Гольбах П.А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 173.

[149] Английские материалисты // Собр. произв.: В 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 7.

[150] Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 94.

ских и моральных норм и законов. Индивид должен осознавать, что в обществе есть определенные моральные нормы, соблюдение которых **обязательно** для всех членов данного общества. Иначе общество как целостное и самодостаточное социальное образование погибнет. Кроме того, индивид должен осознавать и то, что помимо морального кодекса есть еще и юридические законы и нормы, регулирующие отношения общества и личности, общества и государства, классовые отношения и т.д. И эти юридические предписания тоже **обязательны для всех.** Таким образом, свобода предполагает деятельность социальных групп, слоев, классов, индивидов при обязательном соблюдении общепринятых моральных и юридических принципов и законов.

Что касается воли, то она не ограничивает себя никакими законами морального или юридического характера. Вольный человек в отличие от свободного человека уважает только самого себя, потому что он постоянно покушается на свободу других людей. Вольный человек — это эгоистический человек, потому что он стремится лишь к удовлетворению личных интересов. Кстати, заметим, что анархизм как политическое течение, не признающее государственной власти, предпочитает волю свободе. Не только анархисты, но и многие сторонники демократии под свободой понимают не соблюдение правовых норм и законов, а принцип их полного игнорирования, т.е., по существу, волю. Они не считаются и с объективными законами мира, с историческими традициями и обычаями народа.

В изучении свободы можно выделить три аспекта: *экономический, политический* и *духовный.*

Экономический аспект предполагает, во-первых, свободу трудовой деятельности. Человек должен иметь возможность проявить свои интеллектуальные и физические способности по созданию материальных и духовных ценностей. Иначе говоря, он должен иметь право трудиться, ибо именно в процессе трудовой деятельности человек становится действительным субъектом истории. Во-вторых, только свободный труд, т.е. труд на себя и на общество, труд без эксплуатации и без принуждения приносит настоящее удовольствие человеку. В-третьих,

экономическая свобода позволяет человеку воспроизводить свои физические силы, чувствовать уверенность в завтрашнем дне, использовать свободное время для физического и духовного совершенствования.

Политический аспект свободы подразумевает наличие политических свобод: свободу слова, свободу избирать и быть избранным, свободу создавать политические партии и т.д. Политические свободы проявляются в зависимости от экономических свобод, социального положения индивида и вообще от конкретно-исторических условий.

Духовный аспект свободы связан, во-первых, с овладением духовными ценностями и, во-вторых, с возможностью самому их создавать. Знание философии, литературы, искусства, науки и т.д. помогает человеку чувствовать себя раскованным и полноценным гражданином. Человеку необходима свобода для производства духовных ценностей. Это значит: во-первых, быть экономически в состоянии посвятить себя интеллектуальной деятельности. Без экономической независимости трудно рассчитывать на творческую независимость. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Нельзя не вспомнить в этой связи Лукиана из Самосаты, этого, по выражению Энгельса, «Вольтера классической древности»: «Единственное дело историка — рассказывать все так, как оно было. А этого он не может сделать, если боится Артаксеркса, будучи его врагом, или надеется получить в награду за похвалы, содержащиеся в его книге, пурпурный кафтан, золотой панцирь, нисейскую лошадь»[151]. Ни одно государство не финансирует тех представителей творческой интеллигенции, которые выступают против него. В буржуазном обществе, например, человек свободен в рамках существующих законов писать что угодно и о чем угодно, но если он затрагивает интересы господствующего класса, то никто его издавать не станет. Во-вторых, писать по велению души и сердца, писать правдиво и отражать в своем творчестве объективные процессы общественного развития. В-третьих, не быть контролируемым со стороны цензуры, если она есть, или других го-

[151] Лукиан из Самосаты. Как следует писать историю. Избр. произв. М., 1962. С. 418.

сударственных органов. Главный цензор человека — его совесть, его нравственные принципы и нормы. Добродетельный человек никогда не станет писать сочинения, в которых проповедуется насилие, алчность, антигуманизм и другие пороки человечества. Он никогда не будет писать пасквили даже на своих врагов. Духовная свобода — это подлинное наслаждение для человека, стремящегося проявить себя не в накопительстве, а в интеллектуальном творчестве.

Свобода непосредственно связана со знаниями. Чем больше знает человек о законах объективного мира, об окружающей природной и социальной действительности, тем большей свободой он обладает, ибо может принимать такие решения, которые в рамках конкретных условий для него будут наиболее оптимальными. Поэтому развитый в интеллектуальном отношении человек более свободен, чем человек, лишенный духовных знаний.

Свобода детерминируется социальными и природными условиями жизни человека, и поэтому, на мой взгляд, неверно утверждение Сартра о том, что человеческая свобода ничем не детерминирована. «Детерминизм, — пишет французский философ и писатель, — умиротворяющ: человек, для которого знание сводится к знанию причин, способен и действовать посредством причин, и потому, между прочим, все усилия моралистов и по сей день направлены на то, чтобы доказать нам, будто мы — всего лишь рабочие детали, поддающиеся манипуляциям с помощью подручных средств»[152]. Но человек не может выскочить за пределы тех жизненных условий, в пределах которых ему приходится жить и работать. Другой вопрос — степень свободы. Он зависит от общего уровня развития общества, от его цивилизованности, от уровня знаний, от богатства, социального и политического положения индивида и т.д.

Нет свободы без ответственности и ответственности без свободы. Человек, не чувствующий свою ответственность перед обществом, семьей, друзьями и т.д., не имеет права быть свободным. И наоборот, человек, лишенный

[152] Шарль Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М., 1993. С. 337.

свободы действий, но наделенный ответственностью, имеет полное право не действовать, т.е. ничего не делать.

Можно выделить, по крайней мере, три вида ответственности: *моральную, юридическую и политическую.* Моральная ответственность не влечет за собой никакого наказания. Человек сам чувствует свою ответственность перед семьей, обществом и государством, и степень ответственности зависит от его добросовестности, порядочности и человечности. Юридическая ответственность в отличие от моральной предполагает наказание за нарушение правовых норм и принципов. Что касается политической ответственности, то она во многом определяется уровнем цивилизованности общества. Прежде всего, народ должен нести политическую ответственность за свои действия или бездействия в политической жизни страны. Если, допустим, народ считает, что правительство постоянно его обманывает, и если он ничего не делает для его замены, то такой народ, как писал Гегель, заслуживает именно такое правительство. Разумеется, политическую ответственность несет и каждый гражданин. Он должен иметь гражданскую позицию, принимать активное участие в защите политических и других свобод. С самого детства человек получает соответствующие воззрения на окружающий его мир, унаследует определенные традиции и нормы поведения, начинает понимать, что противоречит общепринятым правилам жизни, а что нет, и с учетом этих правил действует и поступает, принимает те или иные решения. Иначе говоря, человек сознает свою ответственность перед другими, перед обществом и он не должен совершать такие поступки, которые причиняли бы ущерб всем остальным. Отсюда следует, что рост свободы предполагает и рост ответственности. Чем свободнее человек, тем больше у него ответственности, тем больше он понимает, что его свободные действия не должны лишать других свободы и не должны выходить за рамки дозволенного. Монарх свободнее, чем придворный, но он ответствен не только за себя, но и за страну, за всех людей, чьим монархом он является.

Самой большой свободой обладают государственные лидеры и военачальники. Но они же несут самую огромную ответственность, поскольку отвечают за страну, за

жизни миллионов людей, за их судьбы и благополучие. Поэтому очень важно, чтобы к власти приходили чрезвычайно ответственные люди, понимающие и осознающие необходимость защиты национальных интересов.

Свобода есть *процесс*, а не застывшее состояние. Иными словами, по мере продвижения человеческого общества по восходящей линии человек становится все более и более свободным в экономическом, политическом, духовном и других планах. Человек первобытной эпохи, например, не был свободен ни в отношении своего рода, ни в отношении природы. Ему приходилось бороться со стихийными природными силами на каждом шагу, чтобы прокормиться. Не давали свободы и родовые связи и отношения. По отношению к ним человек проявлял рабскую покорность и не представлял свою жизнь за пределами рода или племени. Его поступки и поведение регулировались традициями и обычаями племени и рода. Возможности решать самому те или иные жизненные вопросы, в том числе личного характера (женитьба, например), либо вовсе отсутствовали, либо были крайне ограничены. «Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторваны еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности»[153]. Всюду его подстерегала опасность, он физически рано изнашивался и умирал в сравнительно молодом возрасте.

Иную картину мы наблюдаем в рабовладельческом обществе. Да, жизнь раба полностью зависела от его хозяина: он мог убить его или продать, обращался с ним как с вещью. Но тем не менее раб обладает большей свободой, чем первобытный человек, потому что освободился от «пуповины первобытной общности». Он уже отличает себя от других, знает больше и в отличие от перво-

[153] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.С. 99.

бытного человека может вести самостоятельный образ жизни.

Первобытный человек не протестовал против существующих порядков. Да ему и в голову не могла прийти мысль не покоряться родовым и племенным обычаям, ослушаться вождя. Рабы же организовывали восстания, шли на войну со своими эксплуататорами, потому что осознавали свое рабское положение. Конечно, среди рабов были люди, которые довольствовались своим рабским положением, верой и правдой служили своим господам и не нуждались ни в какой свободе. О таких рабах Гегель писал, что «раб, довольный своим положением раба, не мыслит себя, так как свобода не является его целью, следовательно, он не хочет своей всеобщности, он не хочет только того или другого»[154].

Именно при рабовладельческом строе одна часть народа (рабовладельцы) получила возможность заниматься философией, наукой, культурой, т.е. духовным производством, которое в первобытном обществе было непосредственно вплетено в материальную жизнь. Выделение духовного производства в самостоятельную сферу представляет собой гигантский прогресс в развитии человечества. Нелишне напомнить и то, что генезис цивилизации связан по времени с рабовладельческим строем, когда создается фундамент цивилизации — общественное богатство — и когда социальные связи начинают доминировать над природными. Таким образом, человек эпохи рабства, даже если он раб, обладает большей свободой, чем человек первобытного общества.

Еще большей свободы человек добивается при феодальном способе производства. Рабов уже нет, человека нельзя продать, купить или убить. Крестьянин имеет возможность владеть землей, орудиями производства. У него есть семья и он относительно свободно распоряжается своей собственностью. Конечно, при этом нельзя забывать, что сохраняется крепостная зависимость, ибо крестьянин без разрешения или без выкупа не может покинуть деревню и помещика, на которого он был вынужден работать.

---

[154] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 392.

С возникновением капиталистического строя человек приобретает полную политическую независимость в том смысле, что его никто ни к чему не принуждает, и он абсолютно свободен в рамках общепринятых законов. Буржуазия разрушила феодальные общественные отношения, провозгласила лозунги свободного предпринимательства и формального равенства всех перед законом, упразднила сословные привилегии и сословные титулы.

Классическая французская революция 1789–1794 годов приняла «Декларацию прав человека и гражданина», в которой провозгласила: «1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы. 2. Цель каждого политического союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. 3. Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника. 4. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому...»[155].

Буржуазия создает универсальное правовое государство, юридические законы, нормы и предписания, которые все обязаны выполнять. Конечно, отсюда не следует, что в условиях капиталистической системы все до единого соблюдают принятые законы, ибо практика показывает, что имущие слои фактически имеют больше прав, чем неимущие, так как у первых больше возможностей влиять на принятие законодательными органами тех или иных решений. Но тем не менее это большой шаг в социальном освобождении и расширении прав человека.

В буржуазном обществе человек формально свободен. Он может работать или не работать, заниматься бизнесом, вкладывать свой капитал в различные сферы экономики, путешествовать и т.д. Но он может и ничего не делать, вести паразитический образ жизни. Получается, что он абсолютно свободен и может руководствоваться принципом: «Что хочу, то и ворочу». Однако суровая экономическая необходимость заставляет его, если мож-

[155] Документы истории Великой французской революции: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 112.

но так выразиться, крутиться и вертеться, так как ему надо выжить в условиях жесточайшей конкуренции. Если у него ничего нет, кроме рабочей силы, то он вынужден продавать ее либо частному лицу, либо государству. Поэтому свободу нельзя понимать как свободу от принятых обществом законов, от существующих принципов, норм и традиций, от экономической необходимости добывать себе средства питания. Свобода человека в условиях капитализма выражается в том, что в отличие от предыдущих эпох человек полностью распоряжается собой, он — юридически свободная личность и является собственником своего «я».

Но парадокс буржуазной свободы состоит в том, что все свободны, и вместе с тем никто не свободен: не свободен трудящийся, так как боится потерять работу и не уверен в завтрашнем дне. Не свободен и капиталист, ибо боится обанкротиться, не выдержать конкуренции и т.д. Одним словом, дамоклов меч висит над всеми. И тем не менее подчеркнем еще раз, что по сравнению с предыдущими эпохами человек буржуазного общества пользуется огромной свободой.

Капитализм формирует особый тип характера личности, который Фромм назвал рыночным характером. Он постоянно вынужден приспосабливаться к новым условиям жизни, к новым порядкам, поскольку жесткую конкуренцию выдерживают только те, кто быстро адаптируется к новым обстоятельствам. «У людей с рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью, и, если спросить их, почему они должны двигаться с такой скоростью, почему они стремятся к наибольшей эффективности, то на этот вопрос у них нет настоящего ответа, они предлагают одни лишь рационализации типа «чтобы было больше рабочих мест» или «в целях постоянного расширения компании»[156]. Рыночный человек свободен, и как таковой он должен искать оптимальный вариант для реализации своих возможностей.

Еще больше свободы получит человек в посткапиталистическом обществе, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

---

[156] Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 153.

Итак, можно сказать, что по мере поступательного развития истории, по мере познания и использования законов общества и природы человек становится все больше и больше свободным от окружающей природной и социальной действительности. Современному человеку даже трудно представить, в каких тяжелых условиях жили его далекие предки, как тяжело им приходилось бороться с силами природы, для того чтобы построить себе жилище, обработать землю, одомашнить диких животных, вовремя собрать урожай, не умереть от страшных болезней и т.д.

Становление свободы — процесс сложнейший и противоречивый, связанный порою с жертвами, с гибелью людей, с разрушением городов и сел, с уничтожением природной среды и т.д. Часто такая свобода оборачивается трагедией для общества, для всей цивилизации. Отсюда некоторые исследователи делают вывод о том, что по мере развития человечества по восходящей линии человек якобы все больше теряет свою свободу. Он себя нигде не чувствует свободным: его могут снимать скрытой камерой; его речь могут записать на магнитофонную пленку; его могут убить с помощью дистанционного управления или с помощью глушителя; ему постоянно грозит опасность оказаться раздавленным машиной на улице; самолет, на котором он летит, может разбиться и т.д. и т.п. Человек действительно сталкивается со всеми этими опасными явлениями. Но следует ли отсюда, что он стал менее свободным, чем в прошлые времена? Нет, конечно. Во-первых, современный человек знает гораздо больше об окружающей социальной и природной действительности, и поэтому ему легче адаптироваться к новым условиям жизни; во-вторых, у него больше возможностей для удовлетворения своих физических и духовных потребностей; в-третьих, он имеет больше возможностей при выборе той или иной профессии; в-четвертых, он может быстрее освоить ту или иную профессию, те или иные формы жизнедеятельности, поскольку в его распоряжении находятся новые формы обучения; в-пятых, ему легче получать ту или иную информацию, дающую ему возможность оперативно принимать те или иные решения. В-шестых,

благодаря современному транспорту он может в считанные часы оказаться в разных уголках земного шара, что позволяет ему более рационально использовать свое время. В-седьмых, в связи с сформировавшимся единым историческим и политическим пространством он превратился в человека планеты, с планетарным мышлением и менталитетом. Этот перечень можно было бы продолжить, но и приведенного достаточно для доказательства того, что современный человек стал более свободным. Однако следует иметь в виду, что он должен был бы стать более ответственным. Ведь, скажем, тот, кто зомбирует сознание человека, должен чувствовать свою ответственность. Но ответственность отстает от свободы. Чтобы она росла вместе со свободой, необходимо прежде всего совершенствовать современные общественные отношения, в которых человек живет и трудится. Если эти отношения не соответствуют новому уровню производительных сил, предоставляющих человеку больше свободы, то следует их менять коренным образом.

У человека есть всегда свобода выбора, а выбор зависит от осознания своей ответственности перед обществом, перед Отечеством и перед самим собой. Человек должен понимать, что за свой выбор он будет нести ответственность либо моральную, либо юридическую, либо и то и другое вместе. Нельзя оправдывать предателя ссылками на сложившиеся объективные обстоятельства, так как в этих же обстоятельствах другие вели себя по-геройски, потому что они осознавали свою ответственность.

Первобытный человек был менее свободен, чем современный, но он нес и меньше ответственности. Он был ответствен только перед родом или племенем. Современный человек ответствен перед всем миром. Он отвечает за сохранение мира во всем мире, за преодоление глубокого экологического кризиса, за будущее мировой цивилизации. Одним словом, обладая планетарным мышлением, он отвечает за все, что происходит в нашем едином, но вместе с тем полном противоречий мире. Поэтому он должен руководствоваться принципом: «ты свободен, но поступай так, чтобы твои действия носили не разрушительный, а созидательный характер и не мешали свободе других».

3. Гуманизм и человек

Человек как субъект истории нуждается в человечном, т.е. в гуманном отношении к себе, в уважении к своей личности и правам, в создании необходимых условий для проявления своих возможностей по производству общественных ценностей. Но трудность состоит в том, что действительность, в которой приходится жить человеку, настолько сложна и противоречива, что теоретические построения философов о гуманизме очень непросто осуществить. Тем не менее философы не теряли надежды на создание общества, в котором будет гуманное отношение к человеку, будут улучшены его жизненные условия, и они объявляли свои философские конструкции наилучшими.

Характерна в этом отношении позиция крупнейшего французского философа и писателя Жана-Поля Сартра. Он пишет, что человек, действия и поступки которого не детерминируются никакими внешними факторами, становится таким, каким он хочет быть. По его мнению, существование предшествует сущности, последняя же зависит полностью от самого человека. «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать»[157]. Человек свободен, и его деятельность никакими причинами не обусловливается. Но если существование человека, продолжает Сартр, предшествует его сущности, то человек сам отвечает за то, что он такой. Иначе говоря, каждый человек ответствен за себя, и никто не виноват в том, что он живет, скажем, плохо. Оказывается, что человек ответствен не только за себя, но и за других. Если он выбирает себя, то тем самым выбирает и других, а поскольку он всегда выбирает благо, то его благо должно быть также благом для других. Так, личная ответственность распространяется на все человечество и получается, что человек отвечает не только за себя, но и за других. «Я хочу, например, жениться и иметь детей. Даже если эта женитьба зависит единственно от моего положения, или моей страсти, или моего желания, то тем самым я вовлекаю на путь моногамии не только себя самого, но и все челове-

[157] Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 323.

чество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще»[158].

Сартр считает, что некоторые ценности — честность, справедливость, гуманность и т.д. — должны считаться существующими априори, поскольку без них человек не может ни выбирать, ни нести ответственность не только за себя, но и за других. Руководствуясь ими, человек совершает те или иные поступки. Но он никого не должен винить в том, что у него сложилась такая жизнь. Ссылки на обстоятельства и объективные условия лишены всякого смысла, ибо у человека всегда есть возможность выбора, и даже его бездействие есть выбор.

Сартр пишет, что гуманизм имеет два разных смысла. «Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность»[159]. Например, если восхищаются каким-то изобретением человека и возвеличивают его, то такой гуманизм, по мнению Сартра, абсурден, ибо нельзя себе приписывать заслуги другого человека. Французский философ настаивает на том, что никогда нельзя рассматривать человека как цель и что он всегда не завершен, т.е. постоянно формируется. Кроме того, речь всегда должна идти не об абстрактном человечестве, а о конкретном человеке, имеющем в любой ситуации возможность выбора. Другой смысл гуманизма заключается, с точки зрения Сартра, в том, что есть только человеческий мир и человек всегда находится только в этом мире и только он сам может себя реализовать, может делать самого себя. Последнее понимание гуманизма Сартр объявляет экзистенциалистским.

В концепции Сартра многое заслуживает внимания. Нельзя, например, не согласиться с тем, что человек всегда имеет возможность выбора. В какой бы ситуации он ни находился и в какое бы трудное положение он ни попал, у него всегда есть возможность того или иного выбора в рамках данной альтернативы. Следовательно, не столько обстоятельства, сколько сам человек становится либо на путь предательства, либо героического поступка.

---

[158] Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 324.
[159] Там же. С. 343.

Нельзя не согласиться с Сартром и в том, что человек ответствен за свои поступки и не имеет права сваливать ответственность за содеянное на других. Вслед за Горьким можно сказать, что человек — кузнец своего счастья. Он должен ясно представлять свои возможности и способности, действовать с их учетом таким образом, чтобы принести себе максимум удовлетворения. Но если он не хочет работать, ведет паразитический образ жизни и в конце концов опускается на дно жизни, то в этом прежде всего он должен винить себя, а не окружающих.

Но в позиции Сартра есть и уязвимые места. Прежде всего нельзя согласиться с его утверждением о том, что поступки человека ничем не детерминированы и что в этом смысле человек всегда свободен. Но возможность выбора в любой ситуации вовсе не означает индетерминированность человеческих поступков. Оказавшись в тюрьме, человек выбирает ту или иную модель поведения в зависимости от тюремных порядков. Да и во всей своей повседневной жизни он вынужден считаться с обстоятельствами, с общепринятыми принципами и нормами жизни. Одно дело загорать на пляже, а другое дело слушать оперную музыку в оперном театре или читать лекции студентам.

Вызывает возражение и то, что человек не имеет права гордиться достижениями другого человека. Гордость за другого означает, что ты тоже причастен к деяниям человеческим. Сартр фактически изолирует человека от общества, подвергает сомнению то, что человек становится человеком только в обществе, что каждый человек как бы представляет все человечество и что поэтому ничто человеческое ему не чуждо.

Гуманное отношение к человеку прежде всего состоит в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества. Но чтобы человек проявлял себя как человек, а не как животное, общество должно ему помогать, ибо сам в одиночестве он никогда не добьется намеченной цели. При этом речь должна идти не о благотворительности того или иного мецената, ибо благотворительность унижает достоинство человека, а о том, что общество должно всем людям соз-

дать одинаковые стартовые возможности для создания собственного счастья. Но общество не часто идет навстречу человеку, особенно тогда, когда у него нет реальных возможностей. В современном индустриальном и даже постиндустриальном обществе, например, человек имеет свободу выбора, но она нисколько не исключает противоположности богатых и бедных. «Свободные выборы, – пишет Маркузе, – господ не отменяют противоположности господ и рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, – т.е. если они поддерживают отчуждение»[160].

Следует помнить и то, что развитие общества происходит через разрешение противоречий, антагонизмов, существующих между различными классами, обществом и государством, человеком и обществом. Человек иногда путем упорной борьбы добивался своей цели, иногда же терпел поражение. Кроме того, опыт истории свидетельствует, что подавляющее большинство членов общества не может и, видимо, никогда не сможет удовлетворить свои материальные и духовные потребности. В то же время ничтожное меньшинство живет в аристократической роскоши, которая вовсе необязательна для воспроизводства его физических и духовных сил. Спрашивается, можно ли назвать такое общество гуманным? Очевидно, нет, хотя не подлежит сомнению и то, что общество находится в процессе постоянного совершенствования и гуманизации. Нельзя сравнить, например, средневековые инквизиционные порядки с современными условиями жизни человека. Но все же постоянная гуманизация общественных порядков и институтов не уничтожает противоречий между обществом и человеком, между большинством и меньшинством.

Проблемы гуманизма связаны с правами человека. Обычно, когда перечисляют права, которыми должен быть наделен человек, то на первое место выдвигают право свободы слова, избирать и быть избранным, заниматься предпринимательской деятельностью и т.д. Бес-

[160] Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 10–11.

спорно, эти права очень важны для человека. Но в философско-историческом плане анализ прав человека нужно начинать, прежде всего, с права на труд, в широком смысле слова, ибо именно благодаря труду человек проявляет себя как творческая, созидательная личность. Человек, имеющий возможность трудиться, морально чувствует себя лучше, понимает, что он нужен обществу и государству.

Общество постоянно должно думать о том, чтобы человек имел возможность проявить себя, создать ему необходимые условия для производства и воспроизводства своих сущностных сил. В свою очередь человек должен приумножать общественное богатство, сознавать, что от его отношения к окружающим зависит не только его собственная судьба, но и будущее цивилизации.

ГЛАВА 9
СМЫСЛ ИСТОРИИ

1. Смысл и направленность исторического процесса

Люди всегда задумывались над смыслом собственной жизни, хотели понять, для чего они живут, каковы сущность и ценность их деятельности. В то же время были философы, которые стремились объяснить смысл исторического процесса, его направленность, ответить на вопросы о том, куда идет человечество и как оно развивается. Бытие людей и бытие истории взаимосвязаны, и поэтому нельзя дать ответ на вопрос о смысле жизни, не выяснив смысла истории.

Мыслители всех времен по-разному понимали смысл исторического процесса. Религиозные философы, например, очень много внимания уделяют проблематике смысла истории. Н.А. Бердяев даже написал специальную работу под названием «Смысл истории». Но они смысл истории рассматривают через призму религии. Так, Н.А. Бердяев пишет в одной из своих работ, что «понять смысл мира значит понять провиденциальный план творения, оправдать Бога в существовании того зла, с которого началась история, найти место в мировоззрении для каждого страдающего и погибающего. История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему они истлели, почему страдали в жизни и чего заслужили для вечности, если весь хронологический ряд истории вытянется в одну линию и для всего найдется окончательное место»[161].

Русский философ считает, что когда происходят крупные исторические катастрофы, когда ломаются привычные представления о жизни, тогда начинают осмысливать исторический процесс, пытаются постичь тайну бытия человечества. Но, пишет Н.А. Бердяев, прежде чем говорить о смысле истории, необходимо выяснить сущность самого понятия «историческое». Когда, продолжает

[161] Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 127.

он, общество развивается спокойно и стабильно, когда дух человеческий пребывает в безмятежном состоянии, тогда не возникают ни вопросы смысла истории, ни вопросы раскрытия исторической картины мира. Но когда произошло расчленение и раздвоение в исторической жизни, когда были противопоставлены объект и субъект, тогда возникла необходимость в рефлексии над историческим.

Н.А. Бердяев выделяет три периода отношения к историческому. Первый период — это период целостного органического пребывания в каком-нибудь стабильном историческом строе. В этот период пока не возникает историческое познание, поскольку мысль статична, и динамичность объекта исторического познания не воспринимается человеческим умом. Второй период знаменателен тем, что все приходит в движение, начинаются исторические катаклизмы и катастрофы, прекращается ритм целостной жизни, возникает рефлексия исторического познания, объект и субъект начинают противостоять друг другу. «Происходит противоположение между «историческим» и познающим, которое отдаляет от него внутреннюю сущность «исторического»[162]. Бердяев это иллюстрирует на примере эпохи Просвещения, которую он толкует довольно расширительно, утверждая, что в истории человечества было много таких эпох, и в этом смысле XVIII век не есть исключение. Он достаточно критически отзывается о Просвещении. По его убеждению, «эпоха «просвещения» есть такая эпоха в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли»[163].

Бердяев-иррационалист, отвергая разум, тем самым отвергает и Просвещение. Просвещение, как он выражается, маленький человеческий разум делает судьей над тайнами истории. Оно, по мысли русского религиозного философа, отрицает историческое, и в этом смысле XVIII век как век Просвещения является антиисторическим, который ни-

[162] Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 6.
[163] Там же. С. 7.

чего таинственного в истории не оставил, снял с нее, так сказать, весь покров. Но особенно усердствовал, по утверждению Бердяева, экономический материализм Маркса. «В концепции экономического материализма исторический процесс оказывается окончательно лишенным души. Души, внутренней тайны, внутренней таинственной жизни нет больше ни в чем»[164]. Главное для Маркса — материальное производство, все остальное относится к области надстройки.

Обвинения Бердяева в адрес Просвещения и Маркса абсолютно неубедительны, ибо просветители и Маркс всегда рассматривали мировую историю как процесс, находящийся в движении и развитии, что подразумевает признание принципа историчности. Конечно, они с полным основанием отвергали некие таинственные мистические силы, лежащие якобы в основе исторического процесса. Никакой мистики в истории нет, а есть нераскрытые и неизведанные феномены, которые по мере развития науки исследуются и выясняются. Вопреки утверждениям Бердяева как раз благодаря Просвещению и разуму люди сделали огромный шаг вперед по улучшению и совершенствованию своих общественных отношений. Не было бы Просвещения, не было бы и достижений современной цивилизации.

Третий период, отмечает Бердяев, начинается с возвращения к историческому, т.е. к проникновению в тайны бытия истории. В это время осмысливается судьба истории, которая рассматривается через судьбу человека, так как исторические эпохи связаны с человеком, с его чаяниями и надеждами. Для Бердяева каждый человек представляет собой микрокосм, в котором отражается весь реальный мир. Чтобы раскрыть смысл истории, продолжает Бердяев, нужно представить историю как развивающийся процесс, имеющий начало и конец: «История, поистине, есть драма, имеющая свои акты от первого до последнего, имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарзис, свое свершение»[165].

Такое понимание истории, подчеркивает Бердяев, свойственно христианству, внесшему якобы динамизм в

[164] Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 10.
[165] Там же. С. 23.

исторический процесс и отвергшему идею повторяемости. В центре внимания христианского сознания стоит один свершившийся когда-то факт — явление Христа. Историю надо воспринимать как катастрофический процесс. Но это восприятие предполагает наличие некоторого центра, в котором дан исторический факт и раскрывается божественное.

Таким образом, по мнению Бердяева, смысл истории можно анализировать только с позиции христианства, придавшего историческому процессу характер историчности, т.е. показавшего, что он имеет начало и конец, а не вращается вечно в одном и том же кругу. Осмысливать историю человека заставляет катастрофическая ситуация, в которой оказываются общество и человек. Судьбу последнего Бердяев объявляет не только земной, но и божественной и связывает с христианством.

Другой русский религиозный философ Г.А. Комиссаров писал, что «смысл всего существующего должен был состоять в единении всего с богом, в том, чтобы богслово воплотился в человечестве, а через человечество и во всем мире, а человечество и через него и материальный мир соединился и приобщился к богу, и в нем нашел смысл своего бытия»[166].

Аналогичных взглядов придерживаются и западные религиозные философы. Например, известный французский теолог М.Клеман утверждает, что смысл истории заключается в освобождении человека от нищеты и бесправия и в создании для него необходимых условий для нормальной жизни. Но эти условия может создать только Иисус Христос. Близкие к религиозной философии позиции высказывает французский историк Э.Калло. Он считает, что если теология ссылается на конечную цель человеческого общества, то в этом ничего плохого нет, ибо во все времена люди стремились познать цель своего существования. Если история имеет смысл, то потому, что события, которые в ней происходят, осмысленны, т.е. несут какой-то смысл. Смысл истории, продолжает Э.Калло, выводится из фактов, и его значение измеряет-

[166] Комиссаров Г.И. Смысл мировой истории (Богословско-философский трактат). Уфа, 1916. С. 23.

ся в зависимости от связей с другими историческими фактами.

Крупнейший западный философ Р.Арон считает, что анализ смысла и направленности исторического процесса нужно делать с позиции историзма, т.е. необходимо в истории находить события, происшедшие в разное время, но имеющие одинаковый смысл. Кроме того, следует всю мировую историю подвергнуть критическому рассмотрению, показать, почему совершаются революции, развязываются войны между государствами и народами. Каждое поколение, продолжает Арон, ставит вопросы, касающиеся его эпохи. Люди XX века задаются вопросом, смогут ли они решить проблемы, связанные с нищетой миллионов, с ликвидацией оружия массового уничтожения, с национальными конфликтами и т.д. Смысл истории, продолжает Арон, нельзя рассматривать в контексте будущего человечества, независимо от того, то ли это будет Царство Божье, то ли коммунистическое общество. Никто не может направлять развитие исторического процесса по тому или иному руслу. Каждый индивид преследует свои цели, находится во взаимодействии с другими индивидами, которые тоже имеют свои собственные цели. В результате взаимодействия людей получается нечто такое, чего никто не ожидал и никто не хотел. Иначе говоря, цели и результаты действий не совпадают. Поэтому нельзя искать смысл истории посредством эсхатологии или конечной исторической цели, с чем можно и нужно согласиться. В этой связи Арон критикует тех философов, которые строят прогнозы относительно будущего мировой цивилизации. Эти философы, пишет он, исходят из жесткой детерминированности событий, т.е., с их точки зрения, происходит железная последовательная смена политических режимов и экономических структур, которая рано или поздно приведет к желанной для всех людей цели. Но на самом деле, отмечает Арон, нет в обществе строгой необходимости смены событий и причинно-следственных связей. Да никто и не может предвидеть неожиданных явлений и процессов. Так, нельзя сказать, что экономика непрерывно будет развиваться, поскольку может случиться так, что из-за отсутствия сырья или рынков сбыта ее темпы роста резко упадут.

Нельзя заранее претендовать на знание последнего смысла истории и спасение человечества от трудностей. Проблему смысла истории, заключает Арон, нужно связывать с человеком, который должен решать задачи, поставленные перед жизнью, в соответствии со своим разумом и обстоятельствами.

Большое место вопросы смысла истории занимают в творчестве К.Ясперса. Анализ смысла исторического процесса, по его мнению, предполагает понимание истории как единого целого, а это в свою очередь требует ответа на вопросы: «Что есть история?» и «В чем заключается ее единство?» История не есть природа, которая себя не осознает. Поэтому нельзя ее рассматривать как природный процесс. История — это история людей, наделенных сознанием. Они должны хранить и умножать веками сложившиеся традиции, ибо без них нет истории. «Исторический процесс может прерваться, если мы забудем о том, чего мы достигли, или если достигнутое нами на протяжении жизни исчезнет из нашей жизни. Даже почти бессознательная стабильность образа жизни и мышления, сложившаяся в силу привычки и само собой разумеющейся веры, стабильность, которая повседневно формируется всей совокупностью общественных условий и как будто коренится в самых глубинах нашего существования, начинает колебаться как только меняются общественные условия. Тогда повседневность порывает с традицией, утрачивается исторически сложившийся этос, привычные формы жизни распадаются и воцаряется полнейшая неуверенность»[167].

Ясперс считает, что единство есть цель и смысл истории. Оно возникает из того, что люди в состоянии понять друг друга в мире духа. «Единство вырастает из смысла, к которому движется история, смысла, который придает значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным»[168]. Цель же, продолжает Ясперс, может выступать как скрытый смысл. Он выделяет такие цели:

1. Цивилизация и гуманизация человека, для чего необходимо упорядоченное существование, т.е. такое уст-

[167] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М, 1991. С. 172.
[168] Там же. С. 172.

ройство мира, в котором право играет доминирующую роль. Подлинное единство истории возможно на базе универсального права, что в свою очередь позволило бы человеку раскрыть свои творческие способности.

2. Свобода и сознание свободы.

3. Величие человека, проявление его творческих способностей.

4. Открытие бытия в человеке.

Эти цели, пишет немецкий философ, каждое поколение осуществляет в соответствии со своими потребностями и интересами. Нельзя не отметить, что впервые проблемы смысла истории и космоса рассматривает Ясперс. Философски рефлексируя над проблемой неземных цивилизаций, он пишет, что, по-видимому, вне человеческой жизни находится мироздание, закрытое навсегда для человека. И такая «изолированность в космосе составляет реальную границу истории»[169]. Поэтому, заключает Ясперс, следует пока довольствоваться тем, что именно на Земле появился человек разумный со своими заботами и надеждами.

Соотечественник Ясперса К.Лёвит подчеркивает, что о смысле истории можно говорить лишь применительно к человеческому обществу, к историческим событиям. Что касается природных явлений, то они находятся по ту сторону смысла и бессмыслицы. «Разговор о смысле истории касается не только того единого и целого, что мы с легкостью называем «всемирной историей», имея в виду исключительно наш человеческий мир и игнорируя все прочее; он подразумевает также смысл и значение замысла или цели. Без этого, без некоего «к чему», история человечества была бы, в конечном счете, бесцельным движением, она была бы, если исходить из искомого смысла, бессмысленной»[170].

Другой немецкий исследователь М.Мюллер считает, что история не может существовать без смысла. «Если в обществе исчезает «смысл», то возникают благоприятные условия для появления нигилизма, анархии, которые от-

---

[169] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1991. С. 147.

[170] Лёвит К. О смысле истории // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 262.

вергают любые обязательства и обязанности перед обществом, а также уничтожают зависимость от всех норм. Ведь обязательства и нормы только тогда могут к чему-либо обязывать, когда признается их «смысл»[171].

В западной философии истории есть и другие точки зрения о смысле истории. Их сторонники считают, что история лишена всякого смысла, что она представляет собой загадку для людей, так как в ней много темных страниц. История есть иррациональный поток событий и фактов, не поддающихся рациональному объяснению и осмыслению. Более того, человеческое общество непрерывно разлагается и нет перехода от низшего к высшему, от одного качественного состояния к другому.

В советской философской и исторической литературе крайне мало уделялось внимания вопросам смысла и направленности исторического процесса. Причины такого пренебрежения скорее имели идеологический характер: раз в западной философии истории эти проблемы находились в центре внимания, то отсюда делали вывод, что они являются псевдопроблемами. Тем не менее некоторые исследователи касались вопросов смысла истории, но интерпретировали их по-разному. Так, Н.И. Конрад в проблематику смысла истории включает вопросы единства мировой истории, гуманизма и познания. А основным в осмыслении человеческой истории он считает направленность исторического процесса, для выяснения которой необходим анализ всей мировой истории. Весьма плодотворной представляется мысль Конрада о том, что, рефлексируя над историческим процессом, человек стремится к тому, чтобы познать не только внешний мир, но и себя в этом мире. Он хочет познать природу, исследовать ее законы и использовать их в своей деятельности. Одновременно он хочет изучать и отношения людей, складывающиеся в процессе совместного производства. Наконец, он хочет знать свое место в обществе, свои возможности саморазвития и самосовершенствования. Поэтому проблема человека должна занимать важное место в исследованиях смысла истории. По мнению В.А. Дьякова, «смысл истории составляют объективные закономерно-

[171] Мюллер М. Смысловые толкования истории // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 275.

сти, присущие процессу развития человеческого общества»[172]. В.А. Дьяков ограничился этой единственной фразой, а между тем надо было бы глубже раскрыть содержание смысла истории, ибо если понятие смысла истории полностью совпадает с понятием закономерностей развития общества, то нет необходимости ставить вопросы о смысле исторического процесса.

Некоторые исследователи смысл истории сводят к взаимодействию природы и общества, другие — к социальному прогрессу и т.д. Но различные толкования смысла истории не противоречат друг другу. Они, скорее, дополняют друг друга.

Прежде всего отметим, что понятие смысла истории и понятие смысла жизни тесно связаны между собой. В чем смысл жизни человека? Для чего он живет? Эти вопросы издавна волновали людей. Одни философы, например, проповедовали гедонизм, считали, что главное в жизни — наслаждение. Другие же считали, что главное не наслаждение, не богатство, а знание. Споры философов вылились в вопрос: «Иметь или быть»? Иметь означает обладание определенными предметами, а быть — обогащение своего субъективного мира. Человек живет для того, чтобы не только иметь, но и быть. Человек — единственное существо, которое обладает внутренним (субъективным) миром. Если человек занимается только тем, что он удовлетворяет свои лишь материальные потребности, все время какие-то предметы приобретает, постоянно накапливает деньги и совершенно игнорирует духовные потребности, то такой человек ведет не человеческий, а растительный образ жизни. Смысл жизни такого человека ограничивается биологическим обменом. Подлинный смысл жизни состоит, во-первых, в том, чтобы постоянно обогащать свой внутренний мира достижениями науки, техники, литературы, искусства и т.д. Во-вторых, самому создавать материальные и духовные ценности, быть полезным людям, быть порядочным, честным, искренним, защищать обездоленных и униженных, бороться против подлости и трусости, против тех, кто мешает личному и общественному благу. Конечно, могут

[172] Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974. С. 71.

сказать, что все это проповедь морали. Может быть, но ведь моралью обладает только человек, и если он соблюдает эти моральные принципы, то тем самым придает настоящий смысл своей жизни.

Исторический процесс — это совокупность всех общественных отношений, в которых находится человек. Он живет, работает, создает материальные и духовные ценности. Поэтому смысл истории предполагает анализ этих отношений под углом зрения их изменения и развития. Проблематика смысла истории охватывает деятельность людей, творящих собственную историю и интересующихся направленностью ее развития. Раскрытие смысла истории означает раскрытие имманентной логики исторического процесса. Кроме того, понятие смысла истории предполагает чувство социальной ответственности каждого члена общества, необходимость осознания своего места и своей роли в данных обстоятельствах, общность переживания за будущее человечества. Безусловно, при анализе направленности исторического процесса нельзя игнорировать вопросы исторического познания, так как этот процесс непрерывен, в нем прошлое и настоящее неразрывно связаны, и адекватное знание о настоящем можно получить лишь при учете опыта прошлых поколений. Таким образом, спектр проблем, охваченных понятием смысла истории, довольно широк. Главное же при изучении смысла истории — это выяснение направленности развития общества, анализ тех вопросов, от которых зависит судьба мировой цивилизации. И всякий раз осмысление истории происходит в связи с возникновением труднейших и сложнейших проблем в ходе развития человеческого общества. Так, в эпоху Возрождения осмысление исторического процесса происходило через призму человека, его места в историческом поле. В Новое время смысл истории рассматривается через рациональное объяснение развития социума по восходящей линии. Философия истории этой эпохи, как правило, движима духом романтизма и верой в неограниченный прогресс человечества. В настоящее время анализ смысла истории связан с изучением планетарного мышления, с универсализацией ценностей, с решением глобальных проблем современности.

Мы живем в сложную, трудную, полную противоречий эпоху. Эта эпоха, можно сказать, представляет собой переломный этап в истории человечества, когда встал вопрос о будущем земной цивилизации, когда свободный человек ощущает свою несвободу от природных и социальных сил, когда сознание его разорвано и потеряны идеалы. Поэтому в наше время вопросы о смысле истории, о ее направленности и имманентной логике, о роли познания прошлого и самосознания народов, являющихся одновременно и актерами, и зрителями собственной истории, которую они творят и которая вместе с тем развивается часто независимо от них, снова приобрели актуальность и злободневность.

2. Смысл истории и общественный прогресс

Вопросы смысла и направленности социума тесно связаны с проблемами общественного прогресса. Они всегда волновали мыслителей, исследовавших социум по восходящей линии его развития. Так, еще в античности римский поэт и философ Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» попытался рассмотреть и проследить этапы движения общества от одной ступени к другой. О людях первобытной эпохи он, например, писал:

Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И скрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.

Со временем жизнь налаживается, появляются продукты, одежда, возникают города и, таким образом, человечество постоянно и непрерывно совершенствуется.

Но особое внимание проблемам общественного прогресса стали уделять в Новое время, когда на историческую арену вышла буржуазия и устами своих представителей проповедовала идею бесконечного прогресса. Французский экономист и социолог Тюрго всемирную историю рассматривает как последовательность успешных действий человеческого рода. В этой связи он говорит о начале истории человечества, возникновении народов, создании правительств, образовании языков, дости-

жениях наук и т.д. Несмотря на войны, перевороты и трудности, отмечает Тюрго, человечество постоянно развивается по восходящей линии, поскольку прогресс носит непрерывный характер. Рассматривая вопрос о возникновении общества, французский ученый пишет, что люди прежде всего заселили весь земной шар, затем стали заниматься науками, что способствовало совершенствованию человеческого разума. Он обращает внимание на неравномерность прогресса, выражающегося, с его точки зрения, в том, что искусство и науки у одних народов развиваются быстрее, чем у других народов. Тюрго рисует широкую картину истории Древней Греции, восхищается ее достижениями в области искусства, науки и философии. Но зато отрицательно отзывается о культуре Римской империи, в которой не видит большого прогресса, поскольку этой империей правили деспоты, которые мало заботились о прогрессе человеческого разума.

Новое время, по мнению Тюрго, характеризуется невиданным расцветом науки и философии. Декарт, Ньютон и другие корифеи науки продвинули вперед математику, физику, наполнили их новым содержанием. «Декарт рассматривал природу как человек, который, бросая на нее широкий взгляд, обнимает ее всецело и составляет ее план, так сказать, с высоты птичьего полета. Ньютон исследовал ее более подробно. Он описал страну, которую другой открыл»[173]. Прогресс общества Тюрго сводит к прогрессу человеческого разума, который, по его мнению, развивается через науки и просвещение. Но он не интересуется другими аспектами социального прогресса, прежде всего экономическими, что, конечно, сужает понятие прогресса.

Немецкий просветитель Гердер, как и его французские коллеги, пытается представить всю мировую историю как единый развивающийся процесс. Правда, в отличие от французских ученых он начинает свой анализ человечества с характеристики Вселенной и Земли как планеты, населенной людьми. Руководствуясь натуралистической идеей, Гердер проводит аналогию между человеком и всеми частями космоса. «Человек, — пишет он, — формируется в чреве матери, растет там, как растение...

[173] Тюрго А Р. Избр. филос. произв. М , 1937. С 115.

И жизнь нашу можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, цветем, отцветаем, умираем»[174]. Да и между животным и человеком Гердер видит больше сходства, чем различий.

Гегель всемирную историю характеризует как прогресс в сознании свободы. Он представлял весь исторический процесс как поступательное прогрессивное движение человеческого общества. Гегель-диалектик прекрасно сознавал, что прогресс в истории человечества не совершается без борьбы, что были и периоды регресса. Но, несмотря на это, прогресс человечества не останавливается. Правда, сам Гегель вершину развития мировой истории видел в Прусской монархии.

Н.А. Бердяев считает, что идея прогресса имеет религиозные корни. Она «предполагает цель исторического процесса и раскрытие смысла его зависимости от этой конечной цели»[175]. Но сама цель находится за пределами исторического процесса. Эта идея есть идея наступления Царства Божьего и царства справедливости, и, в сущности, теоретики прогресса проповедовали религиозную идею.

Анализируя учение о прогрессе, Бердяев пишет, что оно полно противоречий, основным среди которых является пренебрежительное отношение к времени. Оно игнорирует прошлое и настоящее, но зато поет дифирамбы будущему. Его нельзя обосновать научно. «Учение о прогрессе представляет собой религиозное исповедание, верование, потому что обосновать научно-позитивное учение о прогрессе нельзя, потому что научно-позитивно можно обосновать только теорию эволюции, учение же о прогрессе может быть только предметом веры, упования»[176]. Теория прогресса предполагает, что задачи мировой истории будут разрешены в будущем, что наступит такой момент, когда будет в обществе полная гармония и будут разрешены все противоречия. В это верили Конт, Гегель, Спенсер, Маркс. Но Н.А. Бердяев считает, что нет никаких оснований верить в то, что в будущем придет конец трагедии всемирной истории. Если отбросить религиозную оболочку учения о прогрессе, то его нужно

[174] Гердер И Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С 40
[175] Бердяев Н А. Смысл истории. С. 145.
[176] Там же. С. 147.

понимать так: «...В потоке времени, в котором свершаются судьбы человеческой истории, одно поколение сменяет другое, человечество восходит на какую-то неведомую и чуждую мне вершину, идет вперед, идет вверх, к высшему состоянию, по отношению к которому все предшествующие поколения являются лишь звеньями, лишь средством, орудием, а не самоцелью. Прогресс превращает каждое человеческое поколение, каждую эпоху истории в средство и орудие для окончательной цели — совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела»[177]. Бердяев категорически выступает против такого прогресса, для которого, как он выражается, все поколения являются лишь средством осуществления царства гармонии и справедливости. Поэтому такой прогресс, убеждает русский мыслитель, нельзя допустить, ибо нет никаких оснований ради будущего поколения жертвовать счастьем настоящих поколений. Бердяев совершенно не понимает логику исторического процесса. Ни одно поколение людей не жертвует собой ради будущих поколений. Каждое поколение исходит из своих интересов и стремится к их удовлетворению. Конечно, оно оставляет последующим поколениям определенное общественное богатство, но не потому, что оно собой жертвует, а потому, что такова объективная логика исторического процесса. Поколение как таковое ни в чем не ограничивает себя, хотя отдельные люди могут себя в чем-то ограничивать, когда живут в стесненных обстоятельствах.

Бердяев полагает, что проблему прогресса можно решить только тогда, когда будет преодолен разрыв между прошлым, настоящим и будущим. Но это исключается, следовательно, исключается также и всякий социальный прогресс. Поскольку время делится на прошлое, настоящее и будущее, нет никаких оснований, что будущее более реально, чем прошлое. И надо работать во имя реального настоящего, а не мнимого будущего, тем более что люди никогда не добивались того, чего хотели. Все крупные исторические начинания, считает Бердяев, потерпели поражение: Ренессанс, Реформация, революции никогда не осуществили выдвинутых им лозунгов. «История и все историческое по природе своей таково, что

[177] Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 147.

никакие совершенные осуществления во временном их потоке — невозможны»[178]. Поэтому в пределах истории никакого прогресса нет. Но за ее пределами, т.е. в небесной истории, это возможно, для чего необходимо вхождение земной истории в небесную, исчезновение граней между посюсторонним миром и потусторонним. Иными словами, прогресс человечества Бердяев растворил в религии.

Чтобы точнее выразить суть общественного прогресса, необходимо провести демаркационную линию между понятиями *«прогресс»*, *«развитие»*, *«изменение»*, хотя часто они употребляются как синонимы, тем не менее их нельзя путать. Заметим, что еще Л.П. Карсавин обращал внимание на то, что многие их часто смешивают. Изменение он определял так: «изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разъединенных элементов»[179].

Без изменения ничего нет. Все природные и социальные процессы находятся в состоянии постоянного изменения. Но не всякое изменение приводит к развитию и тем более к прогрессу. Для этого необходимо наличие соответствующих условий. Понятие «изменение» по объему шире понятий «развитие» и «прогресс». Всякое развитие и всякий прогресс предполагают изменение, но не всякие изменения, как уже отмечалось, обязательно ведут к прогрессу или к развитию. Что касается соотношения понятий «развитие» и «прогресс», то понятие развития шире понятия прогресса. Всякий прогресс связан с развитием, но не всякое развитие есть прогресс. В этой связи следует заметить, что определение прогресса как необратимого процесса нуждается в уточнении. Дело в том, что данное определение применимо к прогрессивному развитию, тогда как регрессивное развитие нуждается в другой характеристике. Прогрессивное развитие связано с коренными, качественными изменениями, с переходом от низшего к высшему качественному уровню. Регрессивное развитие — антипод прогрессивного развития.

Сложным является вопрос о применимости понятия прогресса к неживой и живой природе, хотя она непрерывно изменяется. Есть ли прогресс в неживой природе?

---

[178] Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 157.

[179] Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 19.

Отрицательный ответ на этот вопрос может поставить нас в затруднительное положение, ибо если нет прогресса в неживой природе, то мы не сможем выяснить, каким образом возникли живая природа и общество. Но, с другой стороны, при изучении современной неживой природы положительный ответ на этот вопрос нас тоже ставит в неудобное положение. Вряд ли можно доказать, что существующая на земле современная неорганическая природа развивается прогрессивно и по восходящей линии. Если бы это было так, то на каком-то этапе ее эволюции снова появилась бы живая природа, а затем и общество; в таком случае наличествовали бы две разновидности живой природы и социума, что абсолютно исключается. Поэтому, на мой взгляд, можно говорить о прогрессивном развитии неорганического мира до возникновения живой природы и общества. Но понятие прогресса к современной неживой природе неприменимо.

В сущности, то же самое можно сказать и относительно живой природы. Переход от неживой природы к живой, а затем к обществу представляет собой прогрессивную ступень в развитии материи. Но о современной живой природе трудно сказать, что она прогрессивно развивается. Связывать прогресс в живой природе с приспособлением организмов к внешним условиям, как это делается иной раз, мягко говоря, не совсем верно, ибо для прогресса характерны развитие по восходящей линии, переход от низшего к высшему, а приспособление необязательно предполагает прогрессивное развитие. Таким образом, с моей точки зрения, понятие прогресса не является универсальным и применимо лишь к общественной жизни.

Общественный прогресс — это переход от менее совершенных форм организации человеческой деятельности к более совершенным, это поступательное развитие всей мировой истории. Нельзя прогресс сводить только к количественным изменениям. Конечно, они подразумеваются, но для социального прогресса главной характеристикой являются качественные изменения. Переход от старого к новому подготавливается всем ходом предшествующей истории. Предпосылки возникновения нового уже находятся в недрах старого, и когда рамки старого становятся узкими для нового, тогда происходит скачок в развитии общества. Он может носить как эволюционный,

так и революционный характер. Вообще надо сказать, что революции — исключение, тогда как эволюционный путь прогресса является естественной формой восходящего развития общества.

Человечество непрерывно совершенствуется и идет по пути социального прогресса. Это универсальный закон общества. Но отсюда вовсе не следует, что в его развитии не бывает регресса, никаких, так сказать, попятных движений, что все страны и регионы нашей планеты развиваются равномерно, одними и теми же темпами и, если можно так выразиться, спокойно плывут по течению истории. Но история — сложный и противоречивый процесс. Она есть продукт деятельности миллионов и миллионов людей, в ней происходит борьба между новым и старым и бывают периоды, когда новое терпит поражение, и в результате этого общество совершает гигантские скачки назад. Иначе говоря, прогресс и регресс сосуществуют, вернее соседствуют. Кроме того, следует иметь в виду и то, что социальный прогресс имеет не прямолинейный, а плюралистический характер, т.е. прогрессивное развитие общества протекает не однообразно, а разнообразно. В разных странах и регионах в зависимости от конкретных социально-экономических условий поразному осуществляется прогресс. Одни оказываются на вершине социальной пирамиды, а другие — у ее подножия. Нельзя забывать и то, что история драматична (здесь Бердяев прав), а иногда даже трагична, и часто прогресс осуществляется ценой жизни сотен тысяч людей. Египетские пирамиды, например, свидетельствуют о громадных успехах египетской цивилизации, но при их строительстве погибли тысячи и тысячи людей. Можно, конечно, протестовать против такого прогресса, но тогда нужно протестовать против истории вообще или же остановить ее на уровне первобытного состояния, что в конечном итоге приведет к ее естественной смерти.

Актуальной проблемой теории социального прогресса является выяснение его критерия. Наличие общефилософского критерия играет важную роль в установлении этапов развития человеческого общества, в выявлении прогрессивного хода исторического процесса. Одни исследователи в качестве такого критерия выдвигают человеческий разум, другие — производительность труда или

производительные силы, третьи — способ производства как единство производительных сил и производственных отношений, четвертые вообще отвергают общефилософский критерий, считая понятие прогресса лишь оценочным суждением. Но тогда бессмысленно говорить о каком-либо прогрессе, и то, что одни считают прогрессом, для других будет выступать регрессом. Между тем критерий должен иметь объективный характер и не зависеть от субъективных желаний исследователя.

На мой взгляд, не следует путать общефилософский критерий прогресса с частным критерием, скажем, с духовным или экономическим критерием. Критерий разума — это частный критерий в сфере духовной жизни, если, конечно, есть прогресс в этой сфере. Критерий производительных сил или способа производства — это критерий в экономической области. Критерий прогресса в морали относится только к моральной сфере. Все эти критерии очень важны, но недостаточны для характеристики всего прогрессивного развития исторического процесса. Общефилософский критерий главное внимание обращает на такой стержень, который находится в центре всей мировой истории. В качестве такого стержня выступает человек. Поэтому общефилософским критерием общественного прогресса является положение человека в окружающей природной и социальной действительности, ибо в конце концов все делается во имя человека и для человека. Надо показать, как в ходе длительного развития исторического процесса человек менялся, становился более свободным и получал большую возможность проявлять свои духовные и физические силы, удовлетворять свои потребности.

В современную эпоху, когда человечество переживает глубокий кризис, многие исследователи решили пересмотреть теорию общественного прогресса. Они ее объявляют либо несостоятельной, либо сводят лишь к количественным характеристикам. «Прогресс умер, — заявляет видный французский философ Ж.Лакруа, — и его труп отравляет атмосферу...»[180].

Арон в первых своих работах признавал прогресс, но сводил его к чисто количественным накоплениям. «...Некоторые виды человеческой деятельности, — писал он, — имеют такой характер, который нельзя не признать пре-

[180] Lacroix J. Histoire et mystére. Paris, 1962. P. 11.

восходством настоящего над прошлым и будущего над настоящим. Это такие виды человеческой деятельности, продукты которых накапливаются или результаты которых имеют количественный характер.

Однако вряд ли можно согласиться с такой позицией. Есть, конечно, по сравнению с прошлыми эпохами больше оснований для пессимизма, чем в те периоды, когда в философии истории преобладали оптимистические воззрения. Но все же объективный анализ общества показывает, что человечество совершило гигантский шаг вперед в развитии производительных сил, в освоении космического пространства, в политической и социальных сферах, в улучшении жизненных условий человека, короче, во всех областях социума. Современный человек не смог бы и не захотел бы жить, скажем, в средневековье, когда он вынужден был бороться постоянно за свое существование. Вот как Л.Февр описывает француза XVI столетия. Он отмечает, что между французом XVI века и французом XX века мало сходства. «Этот сельский житель, кочевник, человек грубый и неотесанный — как он далек от нас! К тридцати годам, когда он достигал расцвета сил, — каких только опасностей он не преодолел, каких испытаний не перенес! Прежде всего, он выжил. Он миновал, не погибнув, первые шестнадцать лет своего существования — за это время погибал каждый второй ребенок... В более позднем возрасте он выстоял, не погибнув, против всех смертельных поветрий... которые каждый год уносили жизни многих тысяч людей цветущего возраста...»[181]. Он постоянно рисковал своей жизнью как солдат, всюду его ожидали опасности и редко когда он доживал отведенный ему природой срок жизни.

Что касается современной кризисной ситуации, то надо сказать, что человечество не впервые сталкивается с трудностями, но оно их всегда преодолевало и шло вперед. И надо надеяться на то, что оно преодолеет и нынешние трудности и будет развиваться по восходящей линии, ибо для его совершенствования нет никаких пределов. История вообще не имеет конца в социальном смысле слова, т.е. нельзя сказать, что вот это конечная остановка истории, а дальше ехать запрещено. Исторический процесс — это бесконечный процесс-континуум.

---

[181] Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 295.

ГЛАВА 10
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

1. Диалектика объективного и субъективного в истории

Развитие общества носит естественноисторический характер. Это значит, что оно, как и природа, где действуют слепые силы, изменяется, совершенствуется, переходит от одного качественного состояния в другое независимо от желаний людей, наделенных сознанием и поступающих сознательно. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, исторический процесс объективен, а с другой — он есть результат деятельности людей. На этом парадоксе споткнулись фаталисты и волюнтаристы. Первые считают, что все в обществе совершается независимо от людей и что поэтому они якобы лишены всякой возможности влиять на социальные процессы и феномены. По мнению вторых, люди сами по своему усмотрению и желанию могут менять ход развития социума. Они игнорируют объективный характер общественного развития и все внимание обращают лишь на субъективный фактор. И волюнтаристы, и фаталисты не понимают диалектики объективного и субъективного. Поэтому при исследовании исторического процесса им все кажется парадоксальным. Однако подлинно научный анализ общества, выяснение механизмов его функционирования и движущих сил показывает, что ничего парадоксального в нем нет.

Исследование сущности исторического процесса свидетельствует, что опредмеченный людьми мир как бы отчуждается от них и превращается в нечто автономное со своей внутренней логикой и закономерностями развития. Этот мир, по существу, есть история, имеющая непрерывный характер. Каждое поколение в готовом виде застает определенный комплекс общественного богатства, которое не зависит от него, но которое передалось ему от предшествующих поколений. У Маркса и Энгельса были все основания писать, что «история есть нечто иное, как последовательная смена отдельных поколений,

каждое из которых использует материалы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»[182]. Так, возьмем материальные ценности и прежде всего производительные силы, здания, складские помещения, технику, транспорт и т.д. Они создавались на протяжении жизни многих поколений. Для вновь родившегося поколения они существовали объективно, поскольку оно их застало в готовом виде. Оно что-то к ним добавляло, что-то отбрасывало и передавало последующему поколению. То опять что-то добавляло, что-то отбрасывало и опять передавало потомкам и т.д. Этот процесс непрерывен и бесконечен, пока существует человечество.

Аналогичная картина наблюдается и в сфере духовных ценностей. Гениальная живопись эпохи Возрождения, творчество Шекспира, Пушкина, Достоевского, Бальзака, Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля передались последующим поколениям. Многие философские и литературные школы возникли на базе творчества корифеев мировой культуры. Настоящая литература как вид духовного производства в России началась с Пушкина. Известные философские школы связаны с именами Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля.

Но духовные ценности обладают некоторыми специфическими чертами. Во-первых, они объективно, без своих творцов не существуют и в этом плане связаны со вторым уровнем общественной жизни (к первичному уровню относится материальная сфера). Всемирно известная картина Леонардо да Винчи «Джоконда» объективно не существовала для ее творца, поскольку он создал ее. Во-вторых, духовные ценности, как и материальные, после их создания существуют объективно от их творцов. «Джоконда» уже живет своей жизнью несколько сот лет, и люди наслаждаются этой замечательной картиной. В-третьих, в отличие от материальных ценностей

[182] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 44–45.

духовные ценности более долговечны в смысле их использования. Никто сейчас, например, серьезно не будет применять при культивировании земли орудия производства эпохи рабства. Но ни один настоящий философ не может игнорировать классическое философское наследие китайцев и индийцев, греков и римлян. В-четвертых, духовными ценностями можно пользоваться вечно, причем каждое поколение их использует для того, чтобы лучше и глубже понять свою собственную эпоху.

Таким образом, исторический процесс — это совокупность материальных и духовных ценностей, это деяния и поступки людей. Вместе с тем этот процесс есть единство объективного и субъективного. Под объективным в обществе подразумеваются факторы, существующие независимо от воли и желаний людей. Скажем, экономический фактор является объективным фактором, так как без него просто немыслима жизнь человека. Чтобы он мог физически выжить, ему необходимо создавать средства существования: пищу, одежду, жилье и т.д. К объективному фактору следует отнести и ту часть природы, которая находится в постоянном взаимодействии с обществом и выступает как естественное условие его существования и развития. К объективным условиям принадлежат и семейно-бытовые отношения, связанные с воспроизводством человека. Под субъективным следует понимать то, что зависит от самих людей, от их сознательности, уровня культуры, дисциплинированности, ответственности и т.д.

Приоритет принадлежит объективному. Оно в конечном счете детерминирует субъективное. Так, например, люди несвободны в выборе своих производительных сил, составляющих основу всей их истории, поскольку они им достались от предыдущих поколений. Но они могут их максимально эффективно использовать или же наоборот даже потерять то, что уже имели. История человечества свидетельствует, что при одних и тех же средствах производства можно жить как хорошо, так и плохо. То же самое касается природного фактора. Имея одинаковые природные и климатические условия, можно жить поразному. Здесь все зависит от субъективного фактора. Поэтому люди должны учитывать возможности объек-

тивного фактора и, исходя из этого, действовать в соответствии со своими возможностями, традициями, обычаями, менталитетом и т.д.

Если брать человечество в целом, то по мере его продвижения по пути социального прогресса возрастает роль субъективного фактора. Можно сказать, что становление человечества есть становление собственно человеческой истории. Первобытное общество — это социум, который с некоторыми оговорками ближе к природе, чем к подлинной истории людей. Почти все отношения между индивидами регулировались не социальными, а естественными связями. Даже орудия производства создавались с учетом естественных условий. Совсем иначе выглядит эпоха рабства, люди уже начинают делать настоящую собственную историю. Во-первых, социальные связи стали доминировать над природными, и взаимоотношения индивидов регулируются выработанными юридическими законами и нормами, а также нравственными принципами. Во-вторых, появилась письменность, давшая возможность фиксировать мысли, создавать духовные ценности и оставлять их потомкам. Сама духовная деятельность приобрела самостоятельный характер. В-третьих, сознательно строились государственные и межгосударственные отношения и т.д.

В XX веке роль субъективного фактора резко возросла. Все социальные силы общества — классы, группы, коллективы, индивиды — принимают активное участие в творении истории. Они производят ценности, делают политику, создают различные политические партии, спортивные организации и учреждения, объединяющие в своих рядах миллионы людей не на базе кровнородственных связей, а на основе профессиональных и иных интересов. Порой складывается впечатление, что воля людей сильнее объективных обстоятельств и что история как бы приобретает субъективно-волюнтаристский характер, когда все можно менять по своему усмотрению. Делаются иной раз даже попытки все сломать и вернуться к прошлому. При этом совершенно забывают, что в истории нет абсолютной повторяемости, что нельзя вернуться к прошлым временам не только потому, что изменились объективные обстоятельства, но и потому что субъектив-

ные условия тоже резко изменились. Новое поколение никогда не захочет отказаться от приобретенных ценностей, от производительных сил, от жизненного комфорта и других позитивных моментов, оставленных предыдущими поколениями. У него другая психология, другой уклад жизни и другие интересы. Насильственно можно навязать, но только временно, людям мысль о необходимости повторить пройденный путь, но это будет означать трагедию, ибо нельзя насиловать логику истории и ее объективный ход по восходящей линии.

2. Возможности выбора путей развития в рамках данной ситуации

Историю нельзя переделывать по своему усмотрению, т.е. произвольно и субъективно. Но история не есть и фатальность, которая управляет людьми и автоматически приводит к тем или иным результатам. Конечно, люди ее сами делают, но они делают ее не так, как им вздумается, а при «обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»[183]. Иначе говоря, люди всегда должны считаться с объективными условиями и исходить из них при решении тех или иных задач. Но внутри самих объективных условий может оказаться несколько вариантов решения этих задач, что свидетельствует о том, что нет в истории однозначных причинно-следственных связей и железного детерминизма. Они всегда имеют сложный и многоаспектный характер.

Тем не менее возможности выбора путей развития детерминируются данными обстоятельствами жизни общества, и невозможно выйти за их пределы. Проиллюстрируем это теоретическое положение историческими фактами. Первый пример связан с положением крепостных крестьян в эпоху царствования Екатерины II. В.О. Ключевский считает, что «можно было тремя способами разверстать отношения крепостных крестьян к землевладельцам: во-первых, их можно было открепить от лица землевладельца, но при этом не прикреплять к земле,

[183] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

следовательно, это было бы безземельным освобождением крестьян»[184]. Об этом мечтали либеральные дворяне, но, как пишет Ключевский, такое освобождение практически не было возможно, ибо привело бы к политической катастрофе. Во-вторых, можно было бы «открепив крепостных от лица землевладельца, прикрепить их к земле, т.е. сделавши их независимыми от господ, привязать их к земле, выкупленной казной»[185].

Следствием этого было бы то, что крестьяне превратились бы в крепких государственных плательщиков, и их положение оказалось бы близким к тому, которое сложилось 19 февраля 1861 года. Русский историк справедливо отмечает, что в XVIII веке такое освобождение, связанное со сложными финансовыми операциями выкупа земли, было невозможно. В-третьих, «можно было бы, не открепляя крестьян от лица землевладельцев, прикрепить их к земле государственных хлебопашцев»[186].

Ключевский считает, что третий способ был наиболее удобным, но императрица отвергла все три способа и просто закрепила господство владельцев над крестьянами в том виде, в каком оно существовало в XVIII веке. Крепостные крестьяне превратились в частную собственность землевладельцев. «Вот почему Екатерину можно назвать виновницей крепостного права не в том смысле, что она создала его, а в том, что это право при ней из колеблющегося факта, оправдываемого временными нуждами государства, превратилось в признанное законом право, ничем не оправдываемое»[187].

Таким образом, в России в XVIII веке существовало, по крайней мере, три способа решения крестьянского вопроса. Но все они были обусловлены тогдашними объективными обстоятельствами, и нельзя было выйти за их пределы. Нельзя было, например, сразу отменить крепостное право, так как для этого не созрели еще условия. Выражаясь гегелевским языком, оно было необходимо и, следовательно, разумно. Оно пока не мешало развитию российского общества. Но со временем оно стало нера-

[184] Ключевский В.О. Соч. Т. 5. С. 132.
[185] Там же. С. 133.
[186] Там же. С. 133.
[187] Там же. С. 133–134.

зумным и, хотя реально существовало, в нем не было никакой необходимости, так как оно тормозило дальнейшее продвижение России по пути социального прогресса. Это стали осознавать одни раньше, другие позже. Это поняли и верхние эшелоны власти, которые царским манифестом 19 февраля 1861 года отменили крепостное право.

Другой пример связан с Октябрьской революцией, о значении которой английский философ Б.Рассел писал в 1920 году: «Российская революция одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивали с французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей»[188]. Сразу же после ее победы и до настоящего времени многие философы, политики, писатели, политологи, публицисты и просто любящие поговорить о революции утверждают, что эта революция есть отклонение от общей линии мирового развития, что большевики-фанатики взяли власть в свои руки и волюнтаристски навязали народу свои представления о социализме, вообще о путях развития российского общества. Такой ангажированный подход к изучению крупнейшего исторического события мало продуктивен, ибо явление выдается за сущность, а сущность за явление. Задача же науки состоит в том, чтобы исследовать глубинные причины исторических фактов и событий.

Октябрьская социалистическая революция произошла в исключительных обстоятельствах и в чрезвычайно сложной и многообразной стране. И не было ни материальных, ни социальных, ни политических предпосылок для ее свершения. Но если не было предпосылок для социалистической революции, то были предпосылки для захвата власти. Почему? Потому что продолжавшаяся война полностью разрушила экономику, все классы и слои России были недовольны царским режимом, они требовали отречения царя, и последний вынужден был отречься от своего престола. Но и Временное правительство оказалось не в состоянии выправить положение дел

[188] Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

и вывести Россию из критической ситуации. Оно выступало за продолжение военных действий, а народ устал. Он требовал хлеба и мира. Армия стала разлагаться и вышла из подчинения. Одним словом, кругом царили хаос и неразбериха.

Временное правительство оказалось неспособным управлять страной в новых, сложных условиях. Его власть все больше и больше наталкивалась на непреодолимые препятствия, что свидетельствовало о том, что любая политически организованная сила могла свергнуть его и взять власть в свои руки. Н.А. Бердяев писал, что «только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая с одной стороны могла покончить разложение старого и с другой стороны организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям»[189]. Не взяли бы власть большевики, взяли бы другие, о чем свидетельствует августовский мятеж генерала Корнилова. Как говорится, корона валялась, и ее мог подобрать кто угодно.

Октябрьская революция — исключительный продукт российского общества. Она была подготовлена всем ходом развития России. Об этом с исчерпывающей полнотой писал тот же Н.А. Бердяев: «Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался объективной невозможностью дальше вести войну, пафос которой был безнадежно утерян, нежеланием солдат продолжать войну, и он провозгласил мир. Он воспользовался неустроенностью и недовольством крестьян и передал всю землю крестья-

[189] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–115.

нам, разрушив остатки феодализма и господства дворян. Он воспользовался русскими традициями деспотического управления сверху и, вместо непривычной демократии, для которой не было навыков, провозгласил диктатуру, более схожую со старым царизмом. Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России. Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство и русское народничество, преобразовав их согласно требованиям новой эпохи. Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований»[190].

Как уже отмечалось, если бы большевики не взяли власть, то ее взяли бы другие, ибо нельзя было не свергать Временное правительство, не оправдавшее ожиданий масс. Иначе говоря, у российского народа в данных исторических условиях не было другого выбора, другой альтернативы. Операция свержения Временного правительства могла бы быть отложена, но все равно, рано или поздно, ее надо было проводить. Конечно, если бы Временное правительство пошло навстречу требованиям масс, то, возможно, ситуация изменилась бы. Однако оно не было на это способно и жестоко расплатилось за свои ошибки.

Итак, у людей есть всегда возможность выбрать тот или иной путь развития, те или иные способы решения

[190] Бердяев Н А Истоки и смысл русского коммунизма С 115

социально значимых задач, но все пути и способы находятся внутри данных обстоятельств, а не за их пределами. В античном мире были одни формы решения, в эпоху феодализма другие, в настоящее время совершенно иные. Магистральными путями общественного развития на макроуровне выступают эволюционный и революционный пути. Наиболее оптимальным и желательным является первый путь, для которого характерны постепенные количественные изменения, приводящие в итоге к качественно новому состоянию общества. Он выступает как универсальный путь развития человечества, не связанный с резкой ломкой старых общественных отношений, традиций и обычаев, с огромными людскими жертвами. Революционный путь — это путь насилия, быстрого слома прежних порядков, путь резкого скачкообразного перехода от одного социума к другому. Он не обходится без человеческих жертв и кровопролития. Поэтому он менее всего желателен. Но в истории, как уже отмечалось, не все совершается по воле и желанию людей. И когда складываются соответствующие экономические, социальные, политические, духовные и т.д. условия, когда резко обостряется ситуация и усиливается противостояние классов и социальных слоев, тогда революция становится неминуемой. Выше говорилось о неизбежности Октябрьской революции. Но также была неотвратима Французская революция 1789–1794 годов, связанная с неслыханным насилием, террором, истреблением людей, но расчистившая путь для победы буржуазного способа производства.

Накануне революции резко упал жизненный уровень народа. «Народ стонал под тяжестью налогов, взимаемых государством, оброка, платимого помещику, десятины, получаемой духовенством, и барщины, требуемой всеми тремя. Население целых местностей было доведено до нищеты. В 1777 году была официально установлена цифра в 1100 тыс. нищих. В деревнях голод стал хроническим, он повторялся через короткие промежутки времени и опустошал целые провинции»[191]. За террор ответственны не

[191] Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793 гг. М., 1979 С. 17.

только вожди революции и даже не столько они, а обанкротившиеся классы во главе с королем Людовиком XVI. Вообще следует подчеркнуть, что главная причина революций и порождаемых ими гражданских войн заключается в том, что эксплуататорские классы доводят до резкого обострения классовые антагонизмы. В тех странах, где господствующие классы идут на определенные компромиссы, революции не происходят. Там постепенные, эволюционные изменения приводят к качественным изменениям, к улучшению жизни всех слоев общества. И здесь проявляются опять-таки возможности выбора путей развития.

ГЛАВА 11
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ

1. Место и роль политики в общественной жизни

Политика — это такая сфера деятельности людей, которая, в сущности, пронизывает все стороны общественной жизни. И не случайно она оказывается в центре внимания даже тех наук, которые с ней непосредственно не соприкасаются. Но есть ряд общественных дисциплин (политология, юриспруденция), главной задачей которых является исследование политических процессов и феноменов политической жизни и политических отношений. Что касается философии истории, то она тоже изучает политику, но с точки зрения философии. Иными словами, она занимается философией политики, т.е. рассматривает ее универсальные характеристики, связи и отношения с другими областями социума. Некоторые философы, как, например, Гоббс, философию политики называли философией государства. Отчасти это верно, но недостаточно, ибо философия политики раскрывает общие закономерности функционирования и развития политики.

Слово «политика» греческого происхождения и обозначает искусство управления государством. Разумеется, нельзя ограничиться этимологической характеристикой этого термина. Необходимо показать, каким образом политика проявляет себя, как она возникла и формировалась как важнейшая сфера жизни общества.

Политика как специфическая форма деятельности возникла вместе с появлением общественных классов и государства, когда необходимо было регулировать классовые, кастовые, сословные, межличностные и иные отношения в обществе, связанные с укреплением и устройством государственной власти. Поэтому ее можно определить как **одну из форм деятельности по управлению общественными отношениями и связями, возникающими между людьми в процессе создания материальных и духовных ценностей.** Главное в политике — завоевание и сохранение государственной власти. Она в конечном итоге детерминируется **экономическими отношениями.** Но на тех или иных стадиях развития исторического процесса играет **доминирующую** роль.

Политика включает в себя следующие элементы: 1) власть; 2) политические отношения; 3) политическая организация; 4) политические интересы и идеи.

Власть — самое загадочное явление. Трудно объяснить, почему, например, человек стремится к власти, хотя понимает, что на пути к власти он может встретиться с огромными препятствиями, а то просто может лишиться жизни. Из-за власти дерутся насмерть отец и сын, жена и дети, муж и жена. Из-за власти рушатся семьи, разваливаются государства, империи, гибнут тысячи людей.

В философии истории одни исследователи предлагают искать истоки власти только в природе человека, другие — только в социальных условиях. На мой взгляд, обе точки зрения представляют собой крайности, так как первая не видит никакой качественной разницы между обществом и природой и биологизирует социальную жизнь, а вторая отрывает социум от природы, которая и породила его в процессе своей длительной эволюции.

Власть — это *биосоциальное* явление. Это значит, что задатки власти наследуются людьми от природы. Тривиальна истина о том, что в животном мире существует определенная «субординация». Вожак стада обезьян «имеет» огромную «власть» над всеми остальными обезьянами, и они это хорошо чувствуют. Без такого вожака любое стадо может погибнуть, поскольку потеряет ориентиры и в жестоких условиях борьбы за существование не сможет адаптироваться к новым условиям жизни. Следовательно, сама природа как бы позаботилась о том, что необходимо иметь кому-то из стада животных «власть», позволяющую ему в разных ситуациях, возникающих довольно часто в жизни этого стада играть роль вожака. Оказавшись более сильным, он подчиняет себе всех остальных.

Но все эти процессы происходят в природе, где все совершается стихийно и где все подчинено инстинкту самосохранения. К природе нельзя применять понятие общественной жизни. Оно применимо только к человеческому сообществу, ибо общественная жизнь как совместная форма деятельности по производству материальных и духовных ценностей имеет место только среди людей. И в процессе этой же деятельности формируются общественные отношения (материальные и духовные). У жи-

вотных друг к другу нет никаких отношений, тогда как совместная жизнь людей немыслима без таких отношений. И «власть» вожака имеет не социальный, а природный характер. В природе нет никаких, в том числе властных, отношений.

В сущности, все нормальные люди от природы имеют склонность властвовать над себе подобными. Иными словами, властолюбие присуще всем, но только у одних оно проявляется сильнее, а у других слабее. Проявления же властных задатков зависит *исключительно* от социальных условий. Наполеон I не стал бы императором Франции, если бы Корсика не была присоединена к Франции за три месяца до его рождения и если бы во Франции не разразилась Великая французская революция.

Для осуществления власти необходимы, по крайней мере, две стороны. Одна сторона дает распоряжения, а другая их выполняет. Иначе говоря, во властных отношениях следует различать субъект власти и объект власти. Субъект приказывает объекту, а объект подчиняется, ибо неподчинение должно повлечь за собой наказание.

В качестве субъектов власти выступают индивиды, группы, классы через своих представителей. То же самое касается объекта власти. Субъект и объект власти могут меняться местами. Субъект превращается в объект, а объект в субъекта. Министр является субъектом власти для своих подчиненных, но он же выступает в качестве объекта власти для вышестоящих руководителей.

Подчинение субъекту власти предполагает такие формы взаимоотношений, при которых распоряжения этого субъекта исполняются с необходимостью. При этом субъект власти должен обладать соответствующими полномочиями, дающими ему право приказывать объекту власти и требовать от него выполнения его приказаний. Само собой разумеется, что субъект власти должен быть профессионалом в своей области и давать такие распоряжения, которые должны способствовать совершенствованию и улучшению руководимого им учреждения, предприятия, министерства и т.д.

Как определить власть? На мой взгляд, **власть представляет собой специфический инструмент, используемый для достижения поставленных целей.** Цели могут быть

групповыми, коллективными, государственными и т.д. Власть призвана делать все для того, чтобы достичь тех целей, которые должны сохранять, но вместе с тем улучшать и изменять объект управления. Скажем, руководитель предприятия должен использовать свою власть для того, чтобы предприятие, с одной стороны, сохраняло все достижения, а с другой, адаптировалось к изменившимся условиям и успешно развивалось.

Политическая власть — *это насилие и принуждение.* Вполне естественно, что многие ее не любят, презирают и отвергают. Анархисты, например, считали, что власть есть зло и надо от нее избавляться любыми путями. М.А. Бакунин, анализируя действия европейских государств по подавлению революционного движения, использовавших армию и полицию против восставших народов, делает общий теоретический вывод: «...*Государство*, потому что *государство* именно значит и *насилие*, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и откровенного»[192]. И в будущем обществе, по твердому убеждению М.А. Бакунина, не будет места никакой государственной власти.

Разумеется, анархисты ошибались. Власть есть имманентная черта общества, и в силу этого оно не может нормально функционировать без соответствующих властных структур. Люди боятся власти, но вместе с тем, если в обществе верх берут аномальные явления — преступность, воровство, грабежи и т.д., — то жалуются на отсутствие власти. Безвластие либо приводит к дезинтеграции всех сторон общественной жизни и в конечном итоге к ее гибели, либо к установлению диктатуры.

Не следует путать власть с авторитетом. Субъект может обладать властью, но не авторитетом, хотя обладание властью не исключает обладания авторитетом. Субъект приобретает авторитет постепенно и заслуживает его благодаря своей деятельности, приносящей пользу обществу, коллективу, группе, политической партии, мафии и т.д. Авторитет дает советы и рекомендации, которые можно учитывать, а можно и просто игнорировать. Многие выдающиеся люди (писатели, ученые, художни-

[192] Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 314.

ки и т.д.), не имея никакой власти, пользуются большим авторитетом в обществе благодаря своему огромному вкладу в сокровищницу мировой культуры. Что касается власть имущих, то они должны заработать авторитет у народа своими делами, а не обещаниями. Римские императоры Нерон и Калигула имели неограниченную власть, но никакого авторитета среди римского населения, и когда их убили, то об этом никто не сожалел. Но Юлий Цезарь имел не только огромную власть, но и большой авторитет, и после его убийства, как пишет Гай Светоний Транквилл, народ ему воздвиг на форуме колонну, у подножия которой приносили жертвы, давали обеты и клялись именем царя.

Существуют разные виды власти. В общей форме можно выделить внутреннюю, внешнюю, «естественную» и институционализированную власти. Под внутренней властью подразумевается такая власть, которая вытекает из внутренней природы объекта власти. Так, коллектив А нуждается в определенных властных механизмах, эффективное функционирование которых позволяет ему нормально жить. Как уже отмечалось, власть имманентно присуща обществу. Внешняя власть — это власть, не вытекающая из внутренней природы объекта. Она предполагает подчинение чужой воли, навязывание ей своего видения мира, своих порядков и образа жизни. Так, победившее государство вынуждает побежденное подчиниться ему, перестроить свою жизнь в соответствии с представлениями государства-победителя. Эта власть, как правило, постепенно вызывает сопротивление, и если побежденное государство имеет достаточно сил, то в конечном итоге избавляется от нее. Но бывает и так, что внешняя власть настолько изменяет общество, что его возврат к старому становится невозможным. Под «естественной» властью понимается такая власть, которая как бы дана от природы. Скажем, вожди первобытных племен имели большую власть, но они ее получили естественным путем, т.е. благодаря своим природным данным, своей преданности племени и т.д. Она регламентировалась обычаями и традициями, которые никем не ставились под сомнение. Что касается институционализированной власти, то она базируется на юридических законах и нормах.

Тип власти связан со способом производства. Каждый способ производства порождает свой тип власти. В первобытном обществе господствовал такой тип власти (вожди, собрание рода), который наиболее адекватно соответствовал низкому уровню производительных сил и производственных отношений. Но уже с переходом к классовому обществу появляется другой тип власти, который выступает в различных формах (монархия, демократия, тирания и т.д.). Он определяется через интересы господствующего класса. Формы же его проявления зависят от конкретно-исторических условий. Так, в Афинах в эпоху Перикла была развитая рабовладельческая демократия, в античном Риме республиканская форма правления была заменена диктатурой. Для феодализма типична монархия. Что касается капиталистического способа производства, то типичной формой для него является республика, хотя в определенных исторических обстоятельствах диктаторские режимы. Но и они рано или поздно уступают место республиканской форме правления.

Политические отношения складываются в процессе совместной деятельности классов и политических партий, социальных групп и индивидов, а также государств. Они проходят определенные этапы становления и формирования, изменяются вместе с изменением способа производства. Политические отношения, например, эпохи рабства, коренным образом отличаются от политических отношений буржуазного общества, хотя функции их в целом сохраняются. Политические отношения делятся на внутренние политические отношения и международные политические отношения. Внутриполитические отношения касаются классов, партий, индивидов данного общества, и от их стабильности зависит стабильность социума. Они никогда не бывают абсолютно гармоничными, так как когда усиливаются противоречия между классами, то происходит социально-политический взрыв, что порою приводит к глубоким изменениям политических отношений. Международные политические отношения касаются взаимоотношений государств, которые вовлечены в орбиту международной политики. Наиболее близкие, но отнюдь не всегда дружеские, отношения складываются между соседними государствами, так как у них больше то-

чек соприкосновения. Причем более сильное государство стремится к установлению таких отношений, которые дают ему определенный выигрыш. Вообще опыт истории свидетельствует, что малые государства всегда чувствуют себя неуютно перед крупными государствами, навязывающими им свою волю. Даже когда создается единый орган по урегулированию международных проблем, то все равно крупные государства в нем имеют больший политический вес, чем мелкие. Поэтому нельзя говорить о равных возможностях и равных правах всех государств влиять на решение общемировых задач.

Внутренние и внешние политические отношения взаимосвязаны, особенно в настоящее время, когда имеется единое политическое пространство. Примат принадлежит внутриполитическим отношениям, ибо от их стабильности зависит стабильность международных политических отношений.

Политическая организация или система есть совокупность организаций, учреждений, институтов, призванных регулировать отношения между классами, группами, индивидами и т.д. для поддержания жизнедеятельности социума. Это прежде всего государство и политические партии. Все остальные многочисленные организации (спортивные, профсоюзные, молодежные, религиозные, женские и др.) не являются политическими организациями, так как политика непосредственно не входит в сферу их деятельности, хотя она их, безусловно, касается. Политические партии в строгом смысле слова, т.е. партии профессионально и постоянно занимающиеся политической деятельностью и структурно оформленные как политические партии со своими учреждениями, возникли в эпоху капитализма. В докапиталистических классовых обществах роль таких партий осуществляли различные группировки, которые после выполнения определенных задач, как правило, распадались. В условиях буржуазных общественных отношений, когда власть разделилась на представительную (законодательную), исполнительную и судебную, когда усложнились классовые взаимоотношения и внутриклассовые различия, объективно возникла необходимость в существовании политических партий, выражающих интересы различных классов, слоев и соци-

альных групп. Один и тот же класс может иметь множество политических партий. Это связано с тем, что сами классы очень гетерогенны, и слои, находящиеся внутри класса, имеют не только общие, но и частные интересы, выразителями которых выступают партии.

Политические интересы и идеи. Каждый класс имеет свои интересы, реализация которых требует определенного теоретического обоснования. Этим занимаются политические партии и идеологии. Они разрабатывают политические программы, в которых излагаются цели и задачи партии, а также средства их достижения. Идеологи партии в научном или псевдонаучном духе, хотя идеология и наука несовместимы, доказывают, что их партии являются истинными выразителями интересов всего общества. Иначе говоря, они представляют интересы своего класса как интересы всего государства и тем самым пытаются убедить всех граждан в том, что наиболее оптимальным вариантом развития и стабильности государства является реализация политических установок данного класса. В пропаганду этих установок включаются все средства массовой информации — мощнейший механизм обработки общественного мнения. Сама политическая пропаганда выступает как главное средство распространения политических установок партий. Встает вопрос об истинности или ложности самой пропаганды и используемых ею методов и способов распространения политических программ. Трудно выделить критерий истинности пропаганды, но несомненно одно: наряду с истинными утверждениями в пропаганде больше встречаются софистические лозунги, а то и просто обман. И это естественно с точки зрения политики, а не морали, ибо главная задача пропаганды — убедить народные массы в правильности и необходимости принятия тех политических установок, которые выдвигает данная партия. Пропаганда — это игра, но игра опасная, поскольку последствия ее могут оказаться трагическими для общества.

Власть имущие, несомненно, имеют больше возможностей использовать масс-медиа для пропаганды и распространения своих взглядов. Телевидение, радио, газеты и журналы чаще отражают воззрения правящих партий, чем оппозиционных. Это наблюдается в демократических

странах, а в диктаторских пропаганда носит явно односторонний, проправительственный характер. Оппозиции либо нет, либо она находится в подполье.

Обычно средства информации называют четвертой властью.

Первая — представительная (законодательная), вторая — исполнительная, третья — судебная. Средства массовой информации действительно представляют четвертую власть, особенно в современных условиях, ибо играют доминирующую роль в жизни любого государства, и от них многое зависит в проведении той или иной политической линии. Телевидение, например, можно использовать как мощный инструмент дискредитации своих противников и повышения своего авторитета. В развитых демократических странах средства информации нередко идут против тех или иных находящихся у власти обанкротившихся политиков. Они их вынуждают уйти с политической сцены и тем самым очищают почву для других политических деятелей.

Но тем не менее было бы наивно думать, что четвертая власть абсолютно ни от кого не зависит. Средства массовой информации принадлежат определенным лицам, имеющим большой вес в обществе, и чтобы его сохранить, надо выбирать ту или иную политическую позицию. И, как показывает действительность, эта позиция во многом определяется наличием денежного мешка. Чем богаче политические партии и их лидеры, тем больше возможностей у них использовать четвертую власть в своих интересах. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Средства массовой информации могут принадлежать и отдельным олигархам, которые поддерживают власть имущих.

Острейший вопрос политики — ее отношение к морали. Многие мыслители пытались решить этот вопрос. Наиболее рельефно диалектика политики и морали была освещена Макиавелли. В знаменитом труде «Государь», а также во многих других произведениях итальянский ученый изложил виды государства, формы правления и вообще вопросы государственного строительства. В этой связи в центре внимания оказались политические дейст-

вия государя. Проблемы он излагает оригинально, во многом расходится с другими мыслителями и понимает, что его взгляды вызовут критическое отношение. Тем не менее Макиавелли решил, как он выражается, следовать не воображаемой, а действительной правде, «ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»[193].

Оставаясь на почве исторической действительности, Макиавелли пишет, что, как правило, люди замечают в государях разные качества: щедрость и скупость, жестокость и сострадательность, честность и вероломность, снисходительность и надменность и др. Они хотят, чтобы государи имели только хорошие качества, но в жизни это невозможно, и поэтому Макиавелли считает, что для удержания власти государь не может не использовать и те качества, которые у людей вызывают презрение. «Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости... ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица»[194]. Таким образом, итальянский мыслитель советует, что в интересах большинства и государства следует применять насилие, хотя с точки зрения морали оно может вызвать осуждение.

Макиавелли отмечает, что хорошо, когда государь верен своему слову и честен в делах. Но опыт истории говорит о том, что успехов добивались те правители, которые не сдерживали своего слова и в нужный момент меняли позицию. Государь должен походить одновременно на льва и лисицу. Лев — это сила, а лиса — хитрость. Следовательно, государь должен быть и львом, и лисой. И

[193] Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 345.
[194] Там же. С. 345.

ради сохранения государства и своей власти он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить свою политическую позицию, если этого требуют обстоятельства. Люди о нем судят не по его словам, а по делам, и если они идут хорошо, то никто не обратит внимания на слова.

Макиавелли подчеркивает, что государю необходимо избегать ненависти и презрения со стороны подданных, которые вызываются хищничеством, малодушием, легкомыслием и нерешительностью. Он дает советы государю, соблюдение которых должно принести ему славу и почести. Прежде всего государь должен проводить твердую политику, базирующуюся на насилии, как внутри страны, так и за рубежом. Но Макиавелли не против того, чтобы государь использовал кроме силы и другие средства, помогающие ему завоевать уважение подданных. В частности, государь должен оказывать почет и уважение тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве, не мешать заниматься торговлей, земледелием, награждать достойных людей и т.д.

Довольно интересны советы Макиавелли о том, как государю избежать льстецов. Обычно государь пытается внушить мысль подданным о том, что надо говорить только правду, но это может вызвать и презрение, так как не всякая правда нужна правителю. Это, во-первых. Во-вторых, какую бы правду они ни говорили, все равно найдутся люди, которые будут льстить, лицемерить и подхалимничать. Поэтому благоразумный государь поступает так: «Отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных»[195].

[195] Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982 С. 345

Итак, Макиавелли считает, что политика и мораль несовместимы, и для государя важна не мораль, а такая политика, которая бы укрепила его власть, вызывала уважение у подданных, ненависть у врагов и в целом служила бы укреплению государства. Макиавелли-реалист стоит на почве исторической действительности и критика многих его суждений, продолжающаяся на протяжении веков, носит абстрактный и оторванный от реальной жизни характер[196].

В отличие от Макиавелли Кант хотел соединить мораль и политику. Мораль, пишет он, есть «совокупность... безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя». Мораль — это теоретическое правоведение, а политика практическое правоведение. Моральный долг велит людям жить в мире и дружбе, и моральный политик должен совмещать политические принципы с моральными. Поэтому при решении государственных задач он обязан стремиться к тому, чтобы привести государственное устройство или международные отношения в соответствие с естественным правом как идеей разума. Кант осуждает морализирующих политиков или политических моралистов, которые не считаются с моральным долгом. Истинная политика, по его мнению, должна учитывать моральные принципы, ибо от этого она только выиграет.

Макс Вебер тоже не обошел вопросы соотношения политики и морали. Он исключительно важное значение придавал политическим качествам человека. Он считал, что для политика решающими являются три качества:

---

[196] Не все исследователи критически относились к итальянскому мыслителю. Гегель, Маркс и другие высоко оценивали его творческое наследие и политические позиции. Вот что писал Гегель: «Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращено только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти к этому произведению один будущий монарх (имеется в виду прусский канцлер Фридрих II. — *И.Г.*) ...взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли, противопоставив ему моральные хрии, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями...» (Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 154–155).

страсть, чувство ответственности и глазомер. Под страстью Вебер подразумевает, как он выражается, существо дела. Политик должен всецело отдаваться тому делу, которое он избрал. Он не имеет права заниматься политикой спустя рукава. Но политикой страстно можно заниматься лишь в том случае, если политик чувствует свою ответственность, которую немецкий исследователь называет главной путеводной звездой деятельности политика. Политику требуется глазомер, т.е. «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям»[197]. Настоящим политиком Вебер считает того, кто обладает этими качествами.

Вебер полемизирует с теми, кто хочет соединить политику и мораль. Политика, пишет он, связана с насилием, а с точки зрения этики насилие недопустимо. Поэтому нужно проводить политику ненасилия. С этим Вебер должен категорически не согласен. Политик, настаивает Вебер, должен насильственно противостоять злу, иначе за победу зла он будет нести ответственность. Поэтому вопрос не в том, что политик должен руководствоваться моральными принципами, а в том, обладает ли политик качествами, необходимыми для принятия важных политических решений. Этические позиции, твердо убежден Вебер, не должны мешать политику действовать в соответствии с политическими реалиями. Он высмеивает моралистов, которые часто поступаются своими моральным кодексом. «Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность *отвергать всякое* поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент «любовь против насилия», в следующее мгновение призывает к насилию — к *последнему* насилию, которое привело бы к уничтожению *всякого*, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступ-

[197] Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 690.

ление — последнее, оно приведет к победе, и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира»[198].

Важное место вопросы соотношения морали и политики и их взаимодействия занимают в русской философской и общественно-политической мысли. Писатели, публицисты, философы, историки, ученые, журналисты всегда рассматривали политику под углом зрения моральных норм и принципов. При этом им казалось (и кажется до сих пор), что они прекрасно разбираются в сложном механизме политической сферы общественной жизни. Если им нравится политика данного государства, то они ей поют дифирамбы и считают морально оправданной. А если не нравится, то обзывают ее грязной и нечестной игрой политических деятелей.

Соловьев В.С. в работе «Национальный вопрос в России» специально останавливается на проблеме соотношения нравственности и политики. По его мнению, в сфере политики господствует политический эгоизм, исходящий из того, что каждый народ имеет свой интерес и стремится к его удовлетворению. Русский философ полагает, что нравственным долгом народа является отказ от эгоизма, осознание того, что народ представляет собой часть всего мира и поэтому должен проявлять свою солидарность со всеми народами. Нельзя разделить политику и мораль, ибо они находятся в тесном взаимодействии. Как религиозный философ Соловьев В.С. призывает к соблюдению нормы жизни, предполагающей мир и покой между народами и государствами. Он даже утверждает, что лучше отказаться от патриотизма, чем от совести.

Пристальное внимание российских мыслителей к взаимодействию политики и морали, видимо, объясняется тем, что в России политика носила деспотический характер. Она фактически не считалась с правовыми нормами и базировалась на произволе и волюнтаризме. Судьба отдельного человека зависела не от принятых государством юридических законов, а от желания государственных чиновников. Причина этого заключается в том, что государство имело вотчинный характер. Государь

[198] Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 698.

рассматривал государство как свою собственность (вотчину) и не считался ни с какими правовыми нормами и принципами, хотя формально мог апеллировать к ним. Он мог по своему усмотрению наказать или поощрить того или иного вельможу, подарить ему землю или отобрать ее. Он переделывал политические и социальные институты, уже давно сложившиеся реалии. Народ был отчужден от государства. Поэтому граждане его рассматривали не как орган, регулирующий их взаимоотношения, а как чуждую им силу. И они были индифферентны к его делам. «Государство, – писал Ключевский В.О., – как союз народный, не может принадлежать никому, кроме самого народа; а на Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели, как на вотчину княжеской династии, из владений которой оно выросло. В этом вотчинно-династическом взгляде на государство я вижу одну из основных причин Смуты. Указанное сейчас недоразумение было сзязано с общей скудостью и неготовностью политических понятий, далеко отставявших от стихийной работы народной жизни. В общем сознании...Московское государство все еще понималось в первоначальном удельном смысле, как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрепляло в продолжение трех веков... И надобно прибавить, что такой вотчинный взгляд на государство был не династическим притязанием московских государей, а просто категорией тогдашнего политического мышления, унаследованной от удельного времени. Тогда у нас не понимали государство иначе, чем в смысле вотчины, хозяйство государя известной династии, и если тогдашнему заурядному московскому человеку сказали бы, что власть государя есть вместе с тем и его обязанность, должность, что, правя народом, государь служит государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятий, анархией мышления. Отсюда понятно, как московские люди того времени могли представить себе отношение государя и народа к государству. Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были неразделимыми понятиями не го-

сударство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя»[199].

Эта традиция вотчинного отношения к государству сохранилась и в советское время. Очередной Генеральный секретарь ЦК КПСС считал своим долгом все переделать, перестроить, по-своему обустроить свою вотчину. Отождествление власти и собственности происходило на всех уровнях как в дореволюционной России, так и в СССР. Любой чиновник практически не считался с принятыми юридическими нормами и законодательными актами, полагая, что власть ему позволяет обращаться с другими людьми так, как ему хочется, а не так, как требует закон.

Поскольку политики рассматривали государство как свою вотчину и нарушали не только правовые, но и элементарные моральные принципы, то защиту этих принципов брали на себя писатели, философы, ученые, публицисты, журналисты и т.д. Не будучи профессионалами в сфере политики или морали, они не видели никакой разницы между политической сферой и моральными принципами. И, как уже выше отмечалось, они хвалили тех политиков, чья деятельность, с их точки зрения, отвечала моральному кодексу, и, наоборот, критиковали тех, кто, по их утверждению, нарушал этот кодекс.

Чтобы выяснить диалектику морали и политики, необходимо прежде всего четко обозначить их функции, провести, так сказать, между ними **демаркационную** линию. Функции и роль политики в общественной жизни были рассмотрены выше. Поэтому остановимся на проблемах морали.

Мораль в широком смысле слова есть совокупность правил, норм и принципов, которыми руководствуются люди в процессе совместной деятельности и общения. Как и политика, мораль является своего рода регулятором взаимоотношений людей и имеет некоторые общие черты с ней. Но эта общность проявляется совершенно по-разному и в зависимости от конкретных условий, ибо

[199] Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. III. Курс русской истории. М., 1988. С. 48–49.

у морали и политики разные функции. Иначе говоря, они выполняют в обществе разные роли.

Если политика и политическая сфера жизни возникают вместе с появлением государства и социальных классов, то мораль — вместе с возникновением самого общества. Именно моральные принципы и нормы были основными регуляторами отношений первобытных людей. Многие племенные вожди имели гораздо больше авторитета, чем некоторые официальные короли и цари. И этот авторитет они заслужили именно благодаря своим высоким моральным качествам. Но с возникновением классового общества моральные нормы уже не могли выступать в роли универсальных регуляторов общественной жизни. Появляются политические регуляторы, что в конце концов приводит к разграничению сферы политики и сферы морали.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость», «гуманизм» и т.д. Они отражают социальные реалии, отношения людей друг к другу и к обществу. На протяжении тысячелетий выработались такие нормы и принципы морали, без соблюдения которых общество не может нормально функционировать, оно просто-напросто погибнет. Возьмем понятие «совесть». Оно очень объемно и включает, по существу, все моральные принципы. Совесть предполагает справедливость, добро, гуманность, любовь к людям, чувство сострадания и т.д. «На протяжении всей истории люди всегда отстаивали принципы справедливости, любви и правды в противовес всякому давлению, оказывавшемуся с целью заставить людей отказаться от того, что они знали и во что верили»[200]. Совесть — это внутренний судья человека, к голосу которого человек должен прислушиваться постоянно. Человек без совести способен на любое преступление.

Моральные нормы связаны с ценностями. Следует различать ценности и оценки. Оценка, как правило, имеет субъективный характер. Один может оценить тот или иной поступок человека высоко, а другой, наоборот, низко. Но здесь есть некий универсальный критерий,

[200] Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 115.

который выработался в ходе длительной совместной деятельности людей и их совместного общения. Убийство ни в чем не повинного человека вызывает осуждение у всех людей, руководствующихся моральными нормами и принципами. Что касается ценностей, то они имеют объективный характер и не зависят от субъективной оценки индивидов. Скажем, картины Ван Гога представляют собой величайшую ценность, хотя при жизни автора их оценивали невысоко.

Моральные ценности меняются в ходе общественного развития. Если, например, в прошлые времена вызванный на дуэль человек обязан был явиться на место дуэли, то в настоящее время сам термин «дуэль» вызывает лишь улыбку. И тем не менее для всех генераций общества мораль имеет универсальный характер. Совесть в эпоху Аристотеля исполняла те же функции, что и в современную. «Так называемая совесть, — писал Аристотель, — которая позволяет называть людей совестящимися и имеющими совесть, — это правильный суд доброго человека»[201].

В отличие от морали политика исходит не из добра или зла, справедливости или несправедливости, гуманности или антигуманности, а из **интересов**. Интересы могут быть личными и государственными. Настоящий политик стремится к тому, чтобы личные интересы совпадали с государственными. Поэтому мы ведем речь о таких политиках, а не о тех, кто защищает лишь личные интересы. Такие люди, выражаясь словами Вебера, живут за счет политики, а не для политики. Собственно говоря, они и не являются политиками в подлинном смысле этого слова. Подчеркнем еще раз: политик руководствуется интересами, и если он уверен в том, что в данных обстоятельствах интересы его класса или государства **требуют** принятия решения, которое **противоречит моральным принципам**, то он как политик игнорирует эти принципы. Поэтому нельзя требовать от политика принимать политические решения в соответствии с моральным кодексом. Талейран как человек был аморален, но Наполеон его не отстранил от политической деятельности, потому что ценил его политические качества.

---

[201] Аристотель Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 184.

Политик заинтересован в сохранении целого и поэтому жертвует частью. Настоящий политик понимает, что если погибнет целое, то погибнет и часть. Если, скажем, погибнет народ, то погибнет и человек, являющийся частью этого народа. Поэтому политик жертвует человеком во имя сохранения народа. Моралист скажет, что это антигуманно и цинично. Согласен, но в том-то и дело, что политика сама по себе «грязна», «цинична» и безжалостна. Если политик будет заниматься морализаторством, а не решением неотложных государственных задач, то тем самым он объективно погубит тех, чьи интересы обязан защищать.

Политик не писатель и не обязан постоянно думать о той или иной личности. Он должен прежде всего заботиться о целом (обществе), а затем о части (личности). Политик имеет дело с массами, а не с отдельным человеком. Поэтому несерьезными и наивными являются утверждения о том, что в центре политики должен находиться человек. Другое дело писатель. В центре его внимания находится (и не может не находиться) человек со своими заботами и проблемами. Подлинный гуманный писатель, как свидетельствует опыт мировой литературы, всегда выступает на стороне униженных и оскорбленных. Достоевский Ф.М. в своих произведениях показывает людей, которых некому защищать и которые ужасно страдают от нищеты, голода и холода. Писатель призван, руководствуясь моральными принципами и нормами, описывать в образной форме жизнь личности, отдельного человека, выражать ему свои симпатии или антипатии. Политик же, руководствуясь политическими интересами, политическими законами и принципами, защищает либо интересы государства, либо интересы господствующего класса. Поэтому он приносит в жертву интересы отдельной личности, если они противоречат общим интересам. Поэтому политические и моральные принципы не совпадают, даже нередко они противоречат друг другу.

Но политика может способствовать *моральному совершенствованию* общества. Если государственные деятели проводят такую политику, которая направлена на благо большинства людей (абсолютно все члены общества никогда не будут довольны существующими социально-

экономическими и политическими порядками), то и моральные принципы, правила и устои все больше и больше укрепляются. Веком Перикла называли V век до нашей эры, когда правил Афинами Перикл. Как политик он немало сделал для процветания афинских граждан. Если же политика осуществляется в интересах меньшинства, то она приводит к разложению общества, к росту преступности, формированию мафиозных структур, к моральной деградации, что в конечном счете завершается гибелью социума.

Политик как человек. Политик как политик не может и не обязан руководствоваться моральными нормами и принципами. **Но как человек он должен быть высоконравственным, соблюдать и уважать моральные правила, быть примером для своих граждан.** Он обязан каждый свой неполитический шаг обдумывать с точки зрения морального кодекса, быть морально чистоплотным человеком и вести себя в соответствии с общепринятыми нормами, а также должен понимать, что от его морального поведения в частной жизни во многом зависит не только его политическая карьера, но и авторитет вверенного ему государства. Одним словом, **безнравственному человеку нет места в политике.**

Моральные преступления. Если политик как человек нарушает общепринятые моральные нормы и принципы, то он совершает лишь моральные преступления, и его за это следует осуждать лишь с позиции морали. К моральным преступлениям относятся подлость, продажность, предательство друзей и близких, алчность, использование своего высокого политического положения. К такого рода преступлениям относятся и оскорбительные выпады против своего политического оппонента, афиширование его физических недостатков, распространение о нем различных сплетен.

Политические преступления. Они имеют иной характер, поскольку связаны с политическими интересами. Глава государства может быть морально чистым человеком, но может допустить тяжкие политические преступления. Последние совершаются, по крайней мере, в следующих случаях: 1) Когда нарастает внутренняя нестабильность общества, вызванная либо спадом экономики,

либо снижением жизненного уровня населения, либо межэтническими конфликтами, либо иными причинами, а лидер государства ограничивается успокоительными речами, вместо того чтобы действовать смело и решительно. 2) Когда глава государства не выполняет конституцию, нарушает ее и тем самым способствует нарастанию конфликтов в обществе. А если его действия приводят к гибели людей или он предает своих соратников, политическую партию, лидером которой он был, то политические преступления переходят в уголовные, и он несет не только политическую, но и уголовную ответственность. Но здесь надо иметь в виду, что в отличие от преступлений, совершаемых рядовыми гражданами, политико-уголовные преступления главы государства совершаются как бы не одним человеком (монархом, королем, президентом), а целым государственным аппаратом, политическими институтами, поскольку его действия получают одобрение со стороны аппарата и этих институтов. Поэтому очень трудно бывает привлечь к уголовной ответственности такого главу государства. Кроме того, привлечение его к уголовной ответственности во многом зависит от традиций, стабильности и эффективности политических институтов, уровня политической культуры людей, отношения к нему мировых политиков и т.д. 3) Когда интересам государства угрожают внешние силы, но его глава не предпринимает никаких шагов по отражению агрессии, либо принимаемые меры имеют паллиативный характер. 4) Когда открыто предаются интересы государства, что в итоге приводит к его распаду. И в данном случае политические преступления переходят в уголовные. 5) Когда проводится политика, направленная на разжигание межнациональной розни, на физическое уничтожение других рас и народов.

Таким образом, политика и мораль являются двумя автономными сферами общественной жизни. Впервые на это обратил внимание Макиавелли и его величие «как раз заключается в том, что он отделил политику от этики»[202]. Они взаимосвязаны и взаимодействуют, но тем не менее выполняют разные функции, смешение которых может резко отрицательно сказаться как на морали, так и на политике.

---

[202] Грамши А. Тюремные тетради М., 1991. Ч 1. С. 472.

2. Государство и его роль в обществе

Государство занимает центральное место в политической жизни. Оно управляет экономикой либо регулирует хозяйственную деятельность, руководит общественными делами, регулирует классовые, национальные и иные отношения, разрешает социальные и другие конфликты, возникающие в обществе. Не случайно многие философы отводили ему решающую роль в историческом процессе, искали причины его генезиса и формирования. Платон генезис государства связывает с потребностями людей и определяет государство как совместное поселение. Он же является создателем теории идеального государства. А Аристотель считает, что государство представляет собой «общество, состоящее из нескольких селений, ...достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни»[203].

В новое время возникает договорная теория происхождения государства. Гоббс — один из крупнейших представителей этой теории — утверждал, что люди равны от природы и из этого естественного равенства людей вытекают их естественные возможности для достижения одних и тех же целей. Иначе говоря, каждый человек имеет такие же права на те или иные блага общества, что и все остальные. Но такое положение вещей приводит к конфликтной ситуации, которая никогда не прекращается, и люди практически постоянно находятся в состоянии войны друг против друга. Это состояние и вынудило их договориться о создании государства. «*Государство*, — пишет английский философ, — *есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты*»[204]. Таким образом, причина возникновения государства, по Гоббсу, — страх людей и их постоянные конфликты между собой.

---

[203] Аристотель. Соч.: В 4 т. М , 1984. Т. 4 С. 378.
[204] Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2 С. 197.

Важное место проблемы государства занимают в творчестве Гегеля. Уже в ранних работах он проявляет исключительный интерес к теориям, в которых рассматривались вопросы государства. Прежде всего его интересует теория естественного права, которая была в центре внимания многих философов XVII –XVIII веков. Гегель считает, что отношение этих мыслителей к естественному праву носит чисто эмпирический характер. «Эмпиризму недостает прежде всего критерия для определения того, где проходит граница между случайным и необходимым, т.е. что в этом хаосе естественного состояния или в абстракции человека должно остаться и от чего следует отказаться»[205]. В этой связи немецкий философ критикует гоббсовский тезис о войне всех против всех, который, как он считает, базируется на эмпирических данных.

Что касается вопроса о генезисе государства, то Гегель его решает в духе своей идеалистической философии. Он утверждает, что государство мыслится изначально как идея. «...Государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога»[206]. Таким образом, с точки зрения Гегеля философский анализ причин происхождения государства предполагает изначальное существование государства как идеи, как мысли. «Что же касается того, каково же или каково было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т.д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему»[207].

Российские ученые тоже значительное внимание уделяли проблемам генезиса и роли государства в общественной жизни. Коснемся в этой связи воззрений И.А. Иль-

---

[205] Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 195.
[206] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 284.
[207] Там же. С. 280.

ина. «*Государство*, — пишет И.А. Ильин, — *есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти*»[208]. Происхождение государства русский мыслитель связывает с необходимостью защиты собственности. «Государства, — утверждает он, — возникают и упрочиваются с переходом от охотничьего и пастушески-кочевого быта к земледельческому. Община, осевшая на месте со всем своим добром и стадами, связавшая свою участь с засеянным полем и ожидаемым урожаем, естественно, вынуждена отстаивать и защищать свои владения от пришлой орды завоевателей, подвергающей все опустошению. Опасность нашествий рано заставляет провести в жизнь разделение труда между земледельцем, ведущим свое хозяйство, и воином, который сам не обрабатывает землю, но обороняет хозяйство своей общины. Судья, законодатель и жрец получает новое звание — военачальника, и власть его получает новую опору в силе постоянного войска»[209]. Таким образом, И.А. Ильин причины возникновения государства видит в сохранении собственности, а также в установлении внутренней и внешней безопасности. А основами государства считает народ, территорию и власть.

Иначе объясняет генезис государства марксистская философия истории. Руководствуясь материалистическим пониманием истории, она рассматривает исторически происхождение государства как нового социального образования. Оно возникло прежде всего в результате внутреннего развития общества, а не из-за защиты от внешних врагов. Примитивные (первобытные) общества не имели представления о государстве и не нуждались в нем. Но экономическое развитие приводит к расколу общества на антагонистические классы, один из которых эксплуатирует другой, и чтобы их борьба не уничтожила существующие порядки и общество в целом, возникает сила, которая призвана стабилизировать ситуацию. Обобщая идею генезиса государства, Энгельс пишет: «Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не

[208] Ильин И А. Собр соч М., 1994. Т IV. С. 111.
[209] Там же. С. 130

есть также действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание того, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»[210].

На мой взгляд, марксистская концепция генезиса государства является наиболее достоверной, ибо она исходит из самой исторической действительности, показывает исторический процесс в развитии, которое неизбежно и с необходимостью приводит к появлению антагонистических классов и вместе с тем к возникновению специального социального института, регулирующего отношения этих классов. Нельзя не согласиться и с тем, что в классовом обществе государство имеет классовый характер и защищает интересы господствующего класса. Эти теоретические положения вошли в общую теорию государства, и вряд ли их удастся кому-нибудь опровергнуть, если, конечно, стоять на почве науки и объективной реальности.

Но вместе с тем нельзя согласиться с абсолютизацией классовости государства, с утверждением о том, что оно есть лишь машина для подавления одного класса другим. У него есть и другие функции: защита территории, ведение международных дел и т.д.

Государство как новое социальное образование имеет присущие ему признаки: 1) территория; 2) народ; 3) публичная власть; 4) налоги.

Территория. Без строго очерченной фиксированной территории нет единого государства. В первобытном обществе род тоже имел территорию, но она не была четко обозначена и часто менялась, когда переставала давать

[210] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169–170

необходимые средства к существованию. С разложением родового строя территория оставалась, но люди стали более подвижными, так как они уже не были связаны между собой кровнородственными узами, и поэтому те, кто жил на данной территории, объявлялись гражданами безотносительно к роду или племени с предоставлением определенных прав и обязанностей. Территория — это фиксированное и охраняемое политическое и правовое пространство. Территория — это общий дом всех граждан данного государства. Государство обязано защищать и охранять территорию, на которую распространяется его власть. Оно имеет право заставлять подчиняться всех, кто живет постоянно или временно на данной территории, общепринятым нормам и законам. А неподчиняющихся может наказать в соответствии с этими нормами и законами. Вместе с тем оно должно создавать всем, кто живет на его территории, необходимые условия для проявления своих сущностных сил.

Государство должно обустраивать свою территорию, наполнять, если можно так выразиться, материальными и духовными ценностями. Для этого надо создавать промышленность, строить заводы, фабрики, выпускать высококачественные товары и т.д. При этом государство должно защищать свои товары как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Ведь известно, что чем больше товаров продается, тем богаче становится государство, тем выше уровень жизни его граждан. Одновременно государство должно заботиться и о духовном производстве. С этой целью государству необходимо на своей территории создать мощную базу (школы, институты, университеты и т.д.) для того, чтобы его граждане получали соответствующее образование, осваивали духовные ценности не только собственной страны, но и всей мировой цивилизации. Разумеется, нужно давать мощный импульс развитию духовной культуры, создавать необходимые условия для науки. Ведь ни одно современное государство не может рассчитывать на успешное развитие без использования достижений науки и техники.

Государство должно иметь на своей территории собственное информационное пространство. Оно должно заботиться о патриотическом воспитании своих граждан,

без чего немыслимо формирование национального сознания и самосознания. Оно должно иметь рычаги воздействия на средства массовой информации, делать все для того, чтобы они были заинтересованы в распространении и защите национальных материальных и духовных ценностей.

Народ. Излишне говорить о том, что без народа нет и не может быть никакого государства. Понятие «народ» в данном случае используется в политическом, а не в социальном смысле. Народ в государстве выступает как политический субъект. И в этом плане понятия народа и государства как бы совпадают. «Народ как государство есть дух в своей субстанциальности, поэтому он есть абсолютная власть на *земле*; следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому»[211]. Народ без государственного образования не есть политический народ. Поэтому народу очень важно иметь свое собственное политическое образование. Именно в его рамках он может самостоятельно развивать свою культуру, свои традиции и обычаи, короче, быть суверенным политическим субъектом.

Но народ, вопреки расхожему политическому мнению, не есть источник власти. Более того, народ не может быть субъектом власти. В качестве такого субъекта выступают классы, слои, сословия и т.д. Но народ может влиять на функционирование властных структур через своих представителей, т.е. депутатов, которых он избирает в законодательные органы. Разумеется, народ может влиять и на исполнительную власть. Это влияние осуществляется по-разному: через профессиональные союзы, через забастовки, через письма, телевидение и т.д. Словом, у народа есть целый набор возможностей влияния на государственные структуры.

Существенно заметить, что не всякий народ может сформировать свое собственное государство. Во-первых, нужна определенная численность народа. Ведь без людских резервов нет возможности создавать общественное богатство, без которого абсурдно говорить о государстве. Во-вторых, без наличия необходимой численности людей

[211] Гегель Г В Ф. Философия права. М., 1990. С. 365.

нельзя сформировать властные структуры, представляющие собой сложный механизм горизонтальных и вертикальных связей. В-третьих, для гарантии безопасности государства необходимо иметь армию, следовательно, нужны молодые и здоровые люди, которые могут служить и защищать территориальную целостность государства.

Публичная власть. Она включает армию, которая обязана охранять границы и территориальную целостность государства, полицию (милицию), следящую за общественным порядком и безопасностью граждан, государственный аппарат, суд, прокуратуру, тюрьму, жандармерию и т.д.

Налоги. Они необходимы для содержания публичной власти, выполнения тех или иных государственных программ (социальное и медицинское обслуживание населения, пенсии, дотации на образование, программы по восстановлению экологической среды и т.д.).

Таким образом, **государство есть общность людей объединенных общей территорией, общими правовыми законами и публичной властью, а также налогами.** Эта дефиниция государства не претендует на истину в последней инстанции, по крайней мере, указывает на его сущностные характеристики.

Формы государства с момента его возникновения отличались разнообразием. Уже в древности были республиканская, демократическая, монархическая, аристократическая формы правления. Для эпохи феодализма характерна монархия. По-видимому, это было связано с тем, что феодальные государства были раздроблены на мелкие удельные княжества и фактически были независимы друг от друга. Поэтому их должен был сплачивать монарх (король, царь), которому они обязаны были подчиняться. Очень дифференцированы современные формы государства. Во многих из них сохранились остатки феодализма; в других наблюдаются республиканские формы правления, в третьих — президентские и т.д. Но все они с теми или иными нюансами имеют демократический характер. Они складывались в зависимости от традиций, обычаев, исторических условий, религиозных убеждений, уровня политической культуры народа и т.д. Каждый народ выбирает ту форму правления, которая ему больше подходит.

В марксистской теории государства утверждалось, что со временем государство отомрет и что наступит эра самоуправления. Энгельс писал: «Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно отмирает»[212].

Этот прогноз Энгельса не оправдался ходом истории. Неверно, что в будущем отпадет управление лицами, так как социальное управление есть имманентное свойство любого общества, необходимое для поддержания данного его состояния и в то же время для его стабильного развития. Поэтому, пока существует человечество, управление будет необходимо, и оно будет осуществляться не любителями на общественных началах, а государственными органами, профессионально занимающимися важнейшими процессами регулирования многосторонних человеческих отношений. Далее, интернационализация мира, становление единого исторического и политического пространства требуют постоянного контакта между государствами, решения кардинальных международных проблем. И всеми этими делами должны заниматься компетентные государственные органы. Причем, думаю, что каждое государство будет иметь свое национальное правительство, а не некое международное правительство, которому якобы все будут подчиняться, свои юридические законы, публичную власть и т.д. Кроме того, пока есть фиксированная территория, должны быть государства со своими атрибутами. А опыт истории свидетельствует, что такие территории будут, по крайней мере в обозримом будущем, существовать.

Таким образом, государство возникло на определенном этапе исторического развития, и оно будет функ-

[212] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 225.

ционировать, пока существует человеческое общество. Более того, по мере усложнения общественной жизни государство будет играть еще большую роль, ибо ему придется брать на себя больше обязанностей как внутри социума, так и за его пределами.

3. Феномен бюрократии

Генезис бюрократии, а следовательно, и бюрократизма связан с возникновением государства со всеми его атрибутами, и прежде всего с публичной властью, когда вследствие дальнейшего разделения труда специально выделяется часть людей для управления государственными делами. Социальное управление получает определенную автономию, оно отделяется от непосредственной действительности и как бы вращается вокруг собственной оси. Бюрократы чувствуют себя людьми, занятыми важными делами, от решения которых зависит собственное существование государства.

В философии истории многие пытались выяснить механизм формирования и функционирования бюрократии как специфического социального института. Гегель, например, исследовал бюрократию, но не дал содержательного анализа ее деятельности, хотя много пишет о чиновниках и государственном аппарате. Маркс тоже уделил феномену бюрократии внимание. Он выделил такие черты бюрократии, как: 1) корпорация; 2) специфические частные интересы; 3) иерархия знаний; 4) тайна; 5) авторитет. Думаю, что к этим чертам можно добавить следующие: 6) боязнь ответственности и ухищренная система приемов уклонения от нее; 7) карьеризм; 8) волюнтаризм.

Корпорация. Бюрократия — это особая социальная группа людей, связанных между собой общностью интересов и целей. Бюрократ не может сам по себе существовать, поскольку его бюрократическая деятельность неразрывно связана с работой других бюрократов. Бюрократы объединяются, действуют сообща, согласованно и целенаправленно, так как понимают, что только спаянность может привести к желаемым результатам. Как корпорация бюрократия работает сплоченно, не забывая в то же время, что каждый бюрократ имеет свои эгоистические

интересы, и если представится возможность, то прежде всего их следует удовлетворить. Однако если отдельному бюрократу угрожает какая-либо опасность, то он без особых угрызений совести выдает всех своих коллег-бюрократов. Поэтому корпоративный дух бюрократии чем-то напоминает сговор преступников, где единство всех участников очень относительно, внутренняя же борьба постоянна.

Интересы. Как «замкнутое общество в государстве» (Маркс) бюрократия имеет свой собственный интерес, который может быть политическим, материальным, временным, постоянным и т.д. Бюрократия понимает, что нельзя открыто и прямолинейно защищать свои интересы и что их следует выдавать за интересы всего государства. Для этого она проводит огромную «работу», стремится убедить всех в том, что предлагаемые ею меры по тем или иным экономическим и политическим вопросам чрезвычайно нужны обществу, что без их реализации нельзя гарантировать выполнение важных государственных задач. Это приводит к тому, что «государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»[213]. Бюрократы различных учреждений защищают ведомственные интересы, а не интересы всего государства, хотя они это могут категорически отрицать. Активно защищают бюрократы и свои политические интересы. При этом они выступают как ярые консерваторы, ратуют за сохранение существующих политических структур и социальных институтов, к которым прекрасно приспособились и внутри которых они реализуют себя.

Иерархия знаний. Характерной чертой бюрократии является «распределение» знаний. Каждый бюрократ знает границы своей деятельности и старается не выходить за них. Можно разделить бюрократию на высшие и низшие круги. «Верхи полагаются на низшие круги в том, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»[214].

---

[213] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.
[214] Там же. С. 271–272.

Высокопоставленный бюрократ малокомпетентен не только в общих вопросах, но и в частных. Поэтому он вынужден в своей работе постоянно обращаться к подчиненному бюрократу. Но и последний, кроме правильного оформления бумаг, ничем не может помочь. Впрочем, высшим кругам бюрократов не требуются умные и толковые подчиненные. Что касается низших кругов бюрократов, то они тоже предпочитают таких начальников, которые не обладают большими способностями, плохо ориентируются в существе решаемых вопросов и которых легко ввести в заблуждение. Такое состояние удовлетворяет всех. Низшие круги довольны тем, что с них мало спрашивают, что их компетенция не выходит за пределы тех обязанностей, которые связаны с выполнением данной им работы. Они не стремятся к пополнению своего образования, будучи убежденными в том, что полученных когда-то знаний вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя уверенными за письменным столом.

Высшие круги бюрократов очень самоуверенны и самонадеянны, им кажется, что они представляют силы общества, поскольку занимают высокие должности. Этому во многом способствуют средства массовой информации, находящиеся в их распоряжении и постоянно стремящиеся к тому, чтобы создать привлекательный имидж высших бюрократов. Последние полагают, что являются самыми компетентными людьми, что лучше всех разбираются в общественной жизни, в сложных лабиринтах механизмов управления, что имеют полное право давать руководящие указания по всем сложным и комплексным вопросам общественного развития. Низшие круги знают слабости высших, их невысокий уровень знаний и компетентности, но тем не менее всячески льстят им, угодничают и лицемерят. Высшие круги тоже знают слабости низших кругов, но это их вполне устраивает, так как они понимают, что нужны как раз такие подчиненные, которые малокомпетентны, творчески бесплодны, но в любую минуту готовы к повиновению.

Тайна. Маркс писал, что «всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замк-

нутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляются поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне»[215]. Открытый дух государства бюрократия отвергает, ибо понимает, что может «нормально» функционировать только на базе таинства. Оно придает ее деятельности форму занятости решением больших государственных проблем, хотя на самом деле это зачастую чисто канцелярские задачи.

Бюрократия полагает, что нужно держать в секрете многие важные, а порой неважные вопросы, разглашение которых якобы нанесет непоправимый ущерб государственным интересам. В наибольшей форме иррациональность бюрократии проявляется в этой таинственности. Так как бюрократия не всегда знает, чем действительная государственная тайна отличается от псевдотайн, то предпочитает все хранить в тайне. Эта таинственная деятельность приносит огромный вред обществу, потому что оно как саморегулирующаяся система не может нормально функционировать, если нет объективных и открытых данных о реальных противоречиях, процессах и явлениях. Таинство отчуждает людей от государственных и общественных интересов, порождает политический индифферентизм и социальную апатию. Тайна выгодна как высшим, так и низшим кругам бюрократии. Высшие круги благодаря таинственному характеру их деятельности превращаются в сверхъестественные существа, массы легко верят им, возлагают на них все свои надежды. Низшие круги бюрократии довольны таинственным характером своей деятельности, потому что это позволяет им скрывать свою некомпетентность и невежество.

Авторитет. Чрезвычайно важное значение для бюрократии имеет авторитет. Обоготворение его, писал Маркс, есть образ мысли бюрократии, ее деятельность невозможна без авторитета, так как ссылкой на него снимает с себя всякую ответственность при принятии тех или иных решений. В роли авторитета могут выступать не только личности, но и, так сказать, неодушевленные предметы (инструкции, законодательные акты, указы,

[215] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 272.

постановления и т.д.). Для низших кругов бюрократии непременным авторитетом являются высшие круги. Любое их слово, любая бумага за их подписью — для низших кругов закон, который надо неукоснительно и беспрекословно выполнять, если даже это противоречит интересам государства. Они исходят из того, что начальству все виднее. Они же очень способствуют росту авторитета высших кругов, постоянно подчеркивают, что наверху сидят умные и знающие руководители, принимающие самые рациональные решения по всем проблемам общественной жизни. Чем «авторитетнее» высшие круги, тем вольготнее живется низшим кругам, тем легче им защищать свои эгоистические интересы, удовлетворять свои алчные потребности.

Но если для низших кругов авторитетом служат высшие, то кто же выступает в роли авторитета для последних? Высшие круги бюрократов демагогически используют народ, делают вид, что все их действия подчинены только интересам масс, что вся их работа преследует единственную цель — улучшить благосостояние всех людей. Внутри бюрократической иерархии авторитетом для высших кругов служит низший круг. Бюрократы этого круга снабжают вышестоящих бюрократов необходимой информацией, дают советы и рекомендации. Высший круг им верит, на основе полученных сведений принимаются соответствующие решения, но никто не интересуется тем, насколько объективна информация, исходящая от низших кругов, отражает действительное положение дел.

Боязнь ответственности. Авторитет нужен бюрократу для того, чтобы снять с себя всякую ответственность. Он не желает рисковать своим благополучием, формально все делает правильно, ни разу не отходит от инструкции и предписаний. Бюрократ никогда не берет на себя ответственность, он ее перекладывает либо на других, либо на высшие круги, либо на соответствующие инструкции и законодательные акты. Ему безразлично, что жизнь богаче, чем инструкции, и требует к себе творческого подхода. Но творчество с амплуа бюрократа несовместимо. А.И. Герцен вспоминает, что, находясь под надзором, он был привлечен к работе в губернском управлении.

«Нелепее, глупее, — писал он, — ничего нельзя себе представить; я уверен, что три четверти людей, которые прочтут это, не поверят, а между тем это сущая правда, что я, как советник губернского правления, управляющий вторым отделением, свидетельствовал каждые три месяца рапорт полицмейстера *о самом себе* как о человеке, находившемся под полицейским надзором. Полицмейстер, из учтивости, в графе поведения ничего не писал, а в графе занятий ставил: «Занимается государственной службой». Вот до каких геркулесовых столбов безумия можно доправиться, имея две-три полиции, враждебные друг другу, канцелярские формы вместо законов и фельдфебельские понятия вместо правительственного ума»[216]. Чтобы не брать на себя ответственность, бюрократы могут так распределить между собой обязанности, что в конечном итоге спросить будет не с кого. Короче говоря, они могут похоронить любое дело. Анализируя российскую бюрократию эпохи Николая I, В.О. Ключевский приводит такой пример: «В конце 20-х годов и в начале 30-х производилось одно громадное дело о некоем откупщике; это дело вели 15 для того назначенных секретарей, не считая писцов; дело разрасталось до ужасающих размеров, до нескольких сотен тысяч листов. Один экстракт дела, приготовленный для доклада, изложен был на 15 тыс. листов. Велено было, наконец, эти бумаги собрать и препроводить из Московского департамента в Петербург; наняли несколько десятков подвод и, нагрузив дело, отправили его в Петербург, но оно все до последнего листа пропало без вести, так что никакой исправник, никакой становой не могли ничего сделать, несмотря на строжайший приказ Сената; пропали листы, подводы и извозчики»[217]. Но зато бюрократы сняли с себя всякую ответственность. Они исписали горы бумаг и отправили их в Петербург.

Хотя бюрократы и лишены какого-либо творческого подхода к делу, тем не менее они не игнорируют изменений в общественной жизни. Парадокс состоит в том, что бюрократы очень быстро реагируют на них, но реагируют

[216] Герцен А.И. Былое и думы М., 1962. С. 399–400.
[217] Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 5. Ч. 5. Курс русской истории. 1989. С. 247–248.

по-своему. Они умеют подстраиваться, ловко приспосабливаются к новым условиям и порядкам. Они очень деятельны, хотя их деятельность носит формальный, а не содержательный характер.

Карьеризм. Вся работа бюрократа направлена на делание карьеры, на продвижение по служебной лестнице. Для этого он использует все находящиеся в его распоряжении средства. Он руководствуется принципом «цель оправдывает средства» и полностью забывает о том, что цель, использующая неправые средства, не есть правая цель. Бюрократ знает, как польстить начальнику, какие спеть дифирамбы высшим кругам, как сделать так, чтобы его заметили. Поскольку он полностью абстрагируется от общепринятых норм и принципов морали, он, не задумываясь, предает коллег, не чурается клеветы. Он ждет своего звездного часа и все делает для его приближения. Реальную жизнь бюрократ рассматривает прежде всего как материальную, и поэтому его действия направлены на то, чтобы все жизненные перипетии использовать с наибольшей выгодой для себя.

Волюнтаризм. Деятельность бюрократа базируется на волюнтаризме, как правило, игнорирующем объективный ход общественного развития и придающем определяющее значение воле. Бюрократ не считается с тем, что изменившиеся обстоятельства требуют иного решения тех или иных вопросов, а исходит из хорошо замаскированного инструкцией принципа «что хочу, то и ворочу». Сила бюрократии — это волюнтаризм, вездесущность, стремление во что бы то ни стало делать так, как она желает, вредить другим, препятствовать их творческому развитию, мешать им нормально жить и трудиться. Нельзя не вспомнить в этой связи слова Маркса о прусской бюрократии: «Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступить в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торговое дело, ни учить, ни учиться, ни созвать собрание, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни делать что бы то ни было без obrigkeitliche Erlaubnis — без разрешения властей»[218]. Действуя волюнтаристски, бюрократия полностью игнорирует юридические законы,

[218] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 632.

но делает это таким образом, что создается иллюзия абсолютного исчезновения беззакония.

Я рассмотрел лишь некоторые общие черты бюрократии, свойственные ей в любом государстве. Но черты эти проявляются по-разному в зависимости от социально-экономических и политических особенностей развития общества, от демократических традиций и обычаев, от общего культурного уровня народа и т.д. Бюрократия причиняет огромный вред обществу. С ней боролись во все времена. Но она — неотъемлемая черта любого государства, даже самого демократического и либерального. Поэтому она будет существовать до тех пор, пока есть государство со своим чиновничьим аппаратом. И все же общество должно делать все для того, чтобы ее влияние свести до минимума.

4. Война и политика

Вопросы войны и мира всегда относились к числу жгучих вопросов, волновавших все человечество. Люди хотели знать, почему происходят войны, конфликты между народами и государствами, что мешает всем жить в мире и согласии. Философы тоже желали выяснить истоки войн. Платон, например, утверждал, что все войны происходят из-за богатства. Гоббс же причину войн видел в естественном равенстве людей, которое приводит к войне всех против всех.

Г.Гроций, развивая теорию естественного права, в отличие от Гоббса считал, что результатом равенства должно быть не состояние войны всех против всех, а мир и дружба. Саму войну он квалифицировал как состояние борьбы. Кстати, ему принадлежит первая типологизация войн. По его мнению, они бывают частные, публичные и смешанные. Под частной войной Гроций, по существу, понимает драку между двумя или несколькими людьми. Публичная война ведется органами государственной власти, т.е. это есть война, объявленная одним государством другому государству. Что касается смешанной войны, то она, с одной стороны, носит публичный характер, а с другой — частный.

В свою очередь публичные войны Гроций делит на торжественные (справедливые) и неторжественные. Спра-

ведливая война, пишет он, ведется с целью защиты национального суверенитета или же его восстановления. Защищая такие войны, он тем не менее советует не начинать их, а использовать все мирные средства для решения спорных вопросов. Одновременно Гроций осуждает неторжественные, или, как он выражается, зверские, войны, которые лишены оправдательных и побудительных причин.

Швейцарский ученый Эмер де Ваттель делит войны на оборонительные и наступательные. «Война, — пишет он, — может быть оборонительной или наступательной. Тот, кто берется за оружие для отражения нападающего врага, ведет оборонительную войну. Тот, кто берется за оружие первым и нападает на нацию, которая жила с ним в мире, ведет наступательную»[219]. Э.Ваттель пишет, что нельзя отождествлять справедливую войну с оборонительной, а наступательную с захватнической. Оборонительная война справедлива, отмечает он, если она ведется против государства, преследующего агрессивные цели. А наступательная война имеет справедливый характер, если наступающий защищает свой суверенитет. Но война не может быть справедливой для обеих воюющих сторон, ибо кто-то из них ведет несправедливую войну. Государства, не получившие никакой обиды и тем не менее начавшие войну, ведут несправедливую войну, целью которой является захват чужих территорий и порабощение народов. Швейцарский мыслитель, хорошо осознавая пагубные последствия войны, предостерегал все государства не начинать войн, использовать все средства для их предотвращения и решения спорных вопросов мирным путем.

Гольбах резко осуждал войны, утверждал, что они приносят одни бедствия воюющим народам. Но причины их развязывания он приписывал государям, которые ради своих корыстных целей готовы жертвовать жизнью других людей. Интересно, что французский философ осуждал тех поэтов и писателей, которые восхваляли походы полководцев, вместо того чтобы критиковать и изобличать их действия и поступки. Побудительные мотивы за-

[219] Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М , 1960. С 427.

воевателей Гольбах видел в лености, неспособности и невежестве в управлении делами государства. Хороший и способный государь, с его точки зрения, думает не о завоеваниях, а о том, как бы превратить свою страну в цветущий край. Осуждая войны, Гольбах в то же время защищал справедливые войны, целью которых является оборона государства, защита его суверенитета и территориальной целостности.

Много внимания теоретическим проблемам войны и мира уделял Кант. Он мечтал о вечном мире между государствами. Но прежде всего он решил исследовать причины ненависти народов и государств друг к другу. По его мнению, война и ненависть людей не содержат какую-нибудь разумную собственную цель и поэтому нужно «попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы»[220]. Исходя из этого, Кант стремится объяснить природу человека, его физиологические и психологические особенности. Он утверждает, что все задатки любого живого существа предназначены для целесообразного развития, а если такого развития нет, то имеется не закономерная, а бесцельно действующая природа, что противоречит телеологическому учению. Природные задатки человека, обладающего разумом, получают свое развитие, считает Кант, не в индивиде, а в роде. Для их развития природа использует такое средство, как антагонизм: человек, с одной стороны, не может жить без общения, а с другой — стремится к уединению. Поэтому он ожидает, что встретит сопротивление со стороны других, и именно это заставляет его действовать. Иначе говоря, согласно Канту, там, где нет противоречий и взаимных столкновений, нет развития ни самого человека, ни его культуры. Кант считает, что причины войн проистекают из стремления создать новые отношения между государствами, но через некоторое время эти отношения снова приводят к военным столкновениям. Поэтому необходимо основать международный союз государств, в котором

[220] Кант И. Соч. Т. 6. С. 8.

каждое государство чувствовало бы себя свободным и в то же время не мешало бы другим успешно развиваться.

В своем учении о войне и мире Кант исходит из выдвинутого им категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»[221]. Он полагает, что каждое государство должно поступать так, чтобы не причинять другому ущерба и не задевать его интересов. Как и многие другие мыслители, Кант важное значение придавал разработке международного права, регулирующего государственные отношения и запрещающего вмешательство во внутренние дела других государств. По его утверждению, государства от природы находятся в неправовом состоянии, т.е. в состоянии войны (право более сильного мешать более слабому, не давать ему спокойно и самостоятельно решать свои проблемы). И поэтому для исключения войн из жизни общества необходим международный мирный договор. В работе «К вечному миру» Кант изложил основные принципы такого мирного договора. Он считает, что в любом мирном договоре не должно быть никаких оснований для будущей войны, ибо этот договор должен уничтожить все причины войны. Каждое государство независимо от размеров имеет право на самостоятельное существование и поэтому оно не может быть захвачено другими государствами. Любопытно, что, по мнению Канта, даже брачные союзы между главами государств недопустимы, поскольку они, как он полагает, представляет собой замаскированный способ расширить свое могущество и укрепить свое влияние на другие государства.

Кант не отвергал тезис Гоббса о войне всех против всех как естественном состоянии человечества. Состояние мира, писал он, должно быть установлено. Однако не всякое государство может установить такое состояние. Кант твердо уверен в том, что только республиканское устройство может обеспечить вечный мир. «Основание для этого следующее. Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса: быть войне или

[221] Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 260.

нет? — требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяжести войны им придется взять на себя — самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной — и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, — никогда (вследствие всегда возможных войн) не исчезающее бремя долгов»[222]. Но для установления вечного мира одного республиканского строя мало. Нужен федерализм или союз свободных государств. Целью такого союза является обеспечение свободы каждого государства. Со временем этот союз должен охватить все государства, что в конечном итоге приведет к вечному миру.

Кантовская концепция вечного мира носит утопический характер, но важно иметь в виду, что родоначальник классической немецкой философии осуждал войны, выступал в защиту гуманизма и установления подлинно мирных отношений между государствами.

Соотечественник Канта и великий диалектик Гегель считал, что война не должна рассматриваться лишь как абсолютное зло или лишь как внешняя случайность. Основания войны он видит в страстях властелинов и народов. Гегель ратовал за сильную государственную власть, отсутствие которой, по его мнению, приводит к разложению общества и государства. Поэтому он утверждал, что война способствует установлению крепкой власти и оздоровлению всего общества. «...Высокое значение войны, — писал Гегель, — состоит в том, что благодаря ей сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»[223]. В мирное время гражданская жизнь расширяется, люди засасываются болотом, утрачиваются их частные особенности, все меньше и меньше проявляются их индивидуальные черты. Общест-

[222] Кант И. Соч. Т. 6. С. 268.
[223] Гегель Г.В Ф. Философия права. М., 1990. С. 360.

во начинает походить на больного человека. Здоровье требует единства тел, но когда части затвердевают, наступает смерть. Удачные войны не дают развития внутренним беспорядкам, укрепляется государственная власть.

Гегелевскую концепцию войны не следует упрощать, ибо это может привести к тому, что Гегель превратится в апологета войны, что, конечно, неверно. На самом деле вопрос гораздо сложнее. Эту концепцию надо связывать с гегелевским учением о противоречии как источнике развития. Гегель писал, что «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»[224]. Не следует упускать из виду и конкретно-исторические обстоятельства, связанные с жизнью великого философа и с его эпохой. Гегель живо интересовался политической ситуацией своей страны, и поэтому его высказывания часто отражали эту ситуацию. Он сильно переживал кризисную ситуацию своей страны, отмечал, что Германия даже не в состоянии защитить свой суверенитет. Главную причину кризиса своего отечества Гегель видел в отсутствии единой и нераздельной Германии с сильной централизованной властью. Слабость государства сразу же обнаруживается во время войны, ибо война требует концентрации всех сил. Она показывает его слабые, уязвимые места и в то же время вызывает необходимость его совершенствования.

Соотечественник Гегеля Клаузевиц был одним из создателей теории войны. Война, пишет он, не возникает внезапно, а готовится очень долго соответствующими правительствами, ведущими между собой определенную политику. Война есть продолжение этой политики, но иными средствами. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств»[225].

Нельзя думать, что после начала войны прекращаются политические отношения, ибо последние выступают как целое, а война есть часть этого целого. Война обладает теми свойствами, которые имеет политика. Именно по-

[224] Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. V. М., 1937. С. 520.
[225] Клаузевиц О войне. III. М., 1933. С. 98.

литика порождает войну, а не наоборот. Объявившее войну правительство до ее начала ведет определенную политику, направленную на удовлетворение своих интересов, и когда она не дает желаемых результатов, то переходит к другой форме политики — к войне. Ее целью является сокрушение политики противника военными средствами. Поэтому «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»[226]. Нельзя налагать на войну какие-либо ограничения, поскольку акт насилия не предполагает ограничений, а использует все средства. Клаузевиц считает, что, чем сильнее мотивы войны и чем хуже отношения между государствами, тем больше оснований заключить, что война и политика полностью совпадают и что поэтому война как бы носит чисто военный характер и не имеет никакого отношения к политике, И, наоборот, чем меньше мотивов, тем больше расхождений между войной и политикой. Но на самом деле война и политика неразделимы, и все войны следует рассматривать как политические действия, как оружие политики. С заключением мира цель войны достигается, но политика не прекращается, хотя и приобретает иные формы.

Клаузевиц ближе всех подошел к философско-политической характеристике войны, определив ее как продолжение политики насильственными средствами. Но Клаузевицу не удалось все же выяснить причины генезиса войны. Раскрытие этих причин требует исследования экономических условий жизни людей, концентрированным выражением которых является политика. Война — это насилие, а проведение насильственной политики во многом зависит от экономической мощи государства. Производитель более совершенного оружия побеждает производителя менее совершенного оружия при всех прочих равных условиях. Но выпуск более мощного оружия зависит от уровня экономики, от уровня развития производительных сил. Стало быть, насилие детерминировано материальными отношениями, и поэтому каждый раз оно должно быть объяснено из этих отношений, а не наоборот, что, конечно, не исключает влияния других сфер общественной жизни.

---

[226] Клаузевиц. О войне. I. М.-Л., 1932. С. 3.

Война как форма насилия относится не к сфере экономического базиса, а к надстройке, к политике, и причины ее генезиса нужно искать в материальных общественных отношениях. Государство-агрессор начинает войну прежде всего потому, что стремится расширить сферу своего экономического влияния, использовать богатства побежденного народа в своих интересах. Разумеется, цель войны этим не ограничивается, ибо она преследует не только экономические, но и политические, духовные, геополитические и иные интересы.

Таким образом, вслед за Клаузевицем можно сказать, что война есть продолжение политики другими средствами. Но это теоретическое положение, имеющее фундаментальное методологическое значение для раскрытия сущности войны как специфического социального явления, подвергается критике на том основании, что в ядерной войне не будет ни победителей, ни побежденных и что начатую политику некому будет продолжить.

Однако этот аргумент не очень обоснован, ибо, во-первых, кроме ядерной войны, которой пока никогда не было и, надеемся, никогда не будет, есть неядерные войны, которые являются продолжением доядерной политики. Во-вторых, и ядерная война может быть превращена в продолжение политики, если, допустим, государство, обладающее ядерным оружием, терпит поражение, то оно может использовать атомную бомбу, руководствуясь принципом «после нас хоть потоп». Поэтому необходимо бороться против любой, в том числе ядерной, войны, нужно осознать, что в нашу эпоху любая мировая война — ядерная или неядерная может привести к гибели человечества. И надо проводить такую политику, которая исключала бы всякую войну и все спорные вопросы между государствами решала бы только мирным путем.

5. Политика и предвидение

Важное место в философско-историческом анализе политики занимают вопросы предвидения. Политика — это такая сфера человеческой деятельности, в которой предвидение играет исключительную роль. Ведь политика касается судеб миллионов и миллионов людей. Преж-

де чем принимать то или иное политическое решение, необходимо приблизительно представить себе последствия реализации принятых политических решений.

Прежде чем коснуться проблем политического предвидения, дадим вкратце общую характеристику предвидения. Условно предвидение можно определить как *возможность предсказать будущие события, а также последствия тех или иных происшествий, процессов и явлений объективного мира.* Оно связано с причинно-следственными отношениями, на базе которых можно приблизительно предсказать то, что должно произойти после реализаций принятых решений. Событие А является причиной следствий Б, потому что если бы не было А, то не было бы и Б. Разумеется, предвидение предполагает знание этих причинно-следственных отношений и связей. Физик-профессионал может предсказать то, что не в состоянии сделать неспециалист в области физической науки.

Следует подчеркнуть, что нет **строго однозначной детерминированности одного события другим.** Одно и то же следствие может быть вызвано разными причинами. Поэтому нужно учитывать плюралистичность причин и плюралистичность следствий.

Принято считать, что предвидение основывается на религиозной вере, знании астрологии, жизненном опыте и научных данных. *Главное в религии, как известно, — вера в сверхъестественные силы* (следует отличать религиозную веру от обычной веры, которая присуща любому нормальному человеку). Этот тезис ныне многие пытаются опровергнуть. Они даже утверждают, что в современную эпоху религия якобы утратила свои прежние функции и наряду с наукой должна играть ведущую роль в духовной жизни людей, в формировании их мировоззрения. При этом забываются исторические факты, когда религия в лице своих церковных институтов жестоко карала ученых за свои научные открытия и воззрения. Достаточно вспомнить имена Джордано Бруно и Галилео Галилея. И в нашу эпоху многие религиозные течения и движения играют реакционную роль в общественной жизни, во взаимоотношениях народов и государств.

Религия **иррациональна**, наука же есть **рациональная** форма духовного освоения объективной действительно-

сти. Она использует определенный логический аппарат, определенные категории как инструмент познания и исследует мир природных и социальных явлений. Она, в отличие от религии, для которой догмы превыше всего, все подвергает сомнению и легко расстается с прежними теоретическими выводами, если они уже не соответствуют новым данным. «Религиозная вера, — пишет крупнейший английский философ двадцатого века Б. Рассел, — тем и отличается от научной теории, что хочет возвестить вечную и абсолютно достоверную истину, в то время как наука всегда предположительная — она признает, что изменение существующих на данный момент теорий рано или поздно окажется необходимым: сам ее метод не допускает полного и окончательного доказательства»[227]. Поэтому наука и религия во все времена были антиподами и остаются ими.

В прежние времена слишком примитивно представляли место религии в обществе. Так, например, утверждалось, что с изменением общественных отношений, с улучшением жизненных условий люди перестанут верить в Бога, в то, что какие-то таинственные силы помогут им обрести покой и счастье. Конечно, от материального положения людей, от их жизненного благополучия во многом зависит влияние религии и религиозного миросозерцания. Человек, постоянно озабоченный поисками пищи и крыши над головой, сравнительно быстро поддается влиянию религии, легко верит хиромантам, гадалкам и т.д., так как надеется, что Бог ему в конечном счете поможет. Кроме того, влияние религии усиливается в смутные времена, когда общество переживает глубочайший кризис и когда неизвестно, как выйти из него. Но если даже всех людей сделать зажиточными и богатыми, все равно религиозное сознание не исчезнет. Более того, оно не исчезнет и в том случае, если бы все граждане получили высшее образование. Поэтому, как это принято во многих государствах в настоящее время, религиозное дело должно быть частным делом каждого человека.

Существенно подчеркнуть и то, что человек — единственное животное, осознающее конечность своего бытия,

[227] Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 135.

свою смерть. Б.Рассел писал, что инстинкт страха перед смертью является наиболее важной человеческой эмоцией. Рано или поздно человек должен уйти в мир иной, и ему хочется верить в загробную жизнь, предвидеть, так сказать, свое инобытие. А такую веру и представление об этом инобытии обеспечивает ему религия. «Я слышал еще мальчиком, — пишет Аврелий Августин, — о вечной жизни, обещанной нам через уничижение Господа нашего, нисшедшего к гордости нашей»[228]. В критические минуты человек верующий обращается к знахарям и гадалкам, которые ему предсказывают его будущее.

Что касается *астрологии*, возникшей еще в древности, то трудно определить, к какому жанру предвидения ее отнести. Но ясно одно: в современном мире место жрецов и прорицателей занимают астрологи, которые в зависимости от расположения небесных светил предсказывают судьбу человека, неизбежность тех или иных исторических событий, будущее народов и государств и т.д. Многие специалисты в области астрологии доказывают ее важность и даже необходимость для предсказания будущего. Вронский С.А. в книге «Астрология: суеверие или наука?» правильно пишет, что все в мире взаимосвязано, «что основа человеческой личности и судьбы определяется геокосмическими факторами, то есть всеобщими законами природы и Космоса, биологическими условиями, местом рождения и постоянного пребывания, окружающей среды и т.д. Сюда также относятся и происхождение человека, его наследственные признаки, воспитание и образование, социальная принадлежность, профессия и деятельность, нрав и дух времени и отношение к нему, убеждения и мировоззрения, то есть все, что в той или иной степени может подействовать на физическое и психическое развитие данного человека, его мораль и этику, его образ жизни»[229]. Все это верно, но имеет ли отношение к гороскопу? Конечно, нет. Невозможно представить себе, чтобы с помощью астрологических данных можно было предсказать то или иное событие, скажем, войну или революцию, экономические и финан-

---

[228] Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991. С. 63.

[229] Вронский С.А. Астрология: суеверие или наука? М., 1991. С. 31.

совые кризисы или межнациональные конфликты. Астрология, на мой взгляд, представляет собой псевдонаучную попытку прогнозирования тех или иных событий и фактов. Это не наука, а шарлатанство, рассчитанное на обывателей, среди которых могут быть и образованные люди, и политики.

Предвидение, связанное с *жизненным опытом*, предполагает учет жизненных перипетий, с которыми сталкивается каждый человек. Если, допустим, те или иные действия привели к нежелательным для меня последствиям, то я должен избегать повторного совершения этих действий. Но надо иметь в виду, что человек часто преследует одну цель, а полученный результат оказывается нежелательным. Иначе говоря, трудно предвидеть те последствия, которые вызываются данными поступками. И все же не следует пренебрегать жизненным опытом. Он приходит с годами, и чем старше человек, тем больше у него жизненного опыта. Поэтому очень важно прислушиваться к советам старших, учиться у них при принятии тех или иных решений, вообще жизни[230].

Научное предвидение представляет собой такую форму прогноза, которая строго базируется на научных данных, на всестороннем учете всех обстоятельств. Задача науки — открывать закономерности развития объективного мира, выяснять его имманентную логику, механизмы взаимодействия процессов и феноменов. Задача науки вместе с тем состоит в том, чтобы делать какие-то прогнозы, предсказывать возможные последствия тех или иных событий и действий в обществе и природе.

Принято считать, что научное предвидение связано с динамическими и статистическими закономерностями объективной действительности. Под первыми обычно подразумевают такие причинные связи и отношения, когда данное состояние обязательно имеет четко определенные последствия. Поэтому если известны начальные

---

[230] Известный французский писатель двадцатого века А.Моруа дает такие советы молодому человеку: 1) Нельзя жить для себя. 2) Надо постоянно действовать. Не жаловаться нужно на жизнь, а стремиться к ее изменению. 3) Надо верить в силу воли. 4) Надо хранить верность слову. // Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 309, 310.

условия, то можно предсказать результат. Если, например, известно, что поезд из Москвы отправляется в Псков и что в нем находится пассажир Сидоров, то можно предсказать, что Сидоров прибудет в Псков. Под вторыми подразумеваются такие состояния, которые гетерогенны, и уже в силу этого нельзя однозначно предсказать их последствия. Статистические закономерности — это закономерности массовых явлений.

В сущности, все закономерности носят статистический характер, так как окружающий нас мир сложен и многообразен и никакие динамические законы не могут его охватить. Если взять, например, общество, то оно очень сильно гетерогенно. Люди индивидуальны и очень уникальны. Невозможно проникнуть в их внутренний мир и трудно предсказать, какие поступки они намерены совершить. Так, пассажир Сидоров может и не попасть в Псков, ибо он может сойти на какой-либо станции, заболеть в поезде и т.д.

Научное предвидение общественных процессов базируется на данных истории, социологии, статистики, демографии, философии, этнологии и других наук. Отсюда и сложность социального предвидения, отсюда и нередко появление утопических теорий и концепций. «Город Солнца» итальянского мыслителя Кампанеллы читается с большим интересом, но изложенная в нем теория носит утопический характер. Утопическими были и воззрения Сен-Симона, Фурье, Оуэна и многих других социальных мыслителей, потому что они не основывались на строго научном анализе общественных феноменов и процессов. Но можно привести пример научного прогноза, оказавшегося безошибочным. Речь идет о научном предсказании, сделанном Энгельсом. Во введении к брошюре Борнхейма «На память ура-патриотам 1806 — 1807 годов» Энгельс, анализируя положение Пруссии, ее будущее развитие, писал: «... Для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме **всемирной войны** (выделено мною — И.Г.). И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи.

Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемия, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются на мостовой... Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды»[231].

Эти строки Энгельсом были написаны 15 декабря 1887 года. Действительно, ровно через 27 лет была развязана первая мировая война, в которой Германия потерпела сокрушительное поражение. Нельзя не обратить внимания и на то, что многие высказывания Энгельса почти текстуально совпали с событиями этой войны (она длилась четыре года, в нее были вовлечены миллионы людей и т.д.). Это исключительный случай предвидения, который сделал Энгельс на базе изучения законов развития и функционирования буржуазного общества.

В современную эпоху после крушения социализма во многих странах мира нет недостатка в прогностических концепциях. Некоторые утверждают, что пришло время либерализма и что именно либерализму принадлежит будущее. Так, американский социолог Ф.Фукуяма в статье «Конец истории» утверждал: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»[232]. Прошло всего несколько лет после написания этих строк и прогноз Фукуяма абсолютно не оправдался. Либерализм переживает глубочайший кризис, о чем свидетельствуют реалии не только в России, но и в западных странах. Не случайно позицию

[231] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.
[232] Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 291.

Фукуяма подвергли критике многие западные исследователи. Не подтверждается и прогноз его соотечественника Хантингтона о том, что в будущем между собой будут конфликтовать цивилизации. Мы уже указали на неубедительность концепции Хантингтона.

На базе научных данных можно и нужно предсказывать тенденции развития исторического процесса, того или иного общества, той или иной страны и т.д. Но вместе с тем нельзя не отметить, что трудно сейчас делать какие-либо прогнозы относительно будущего общества. Тем не менее ясно одно: в двадцать первом веке должны произойти коренные, качественные изменения общественного строя. Дух наживы, дух культа денег, дух индивидуализма и эгоизма не приведут к разрешению глобальных проблем, а без их разрешения человечество не может рассчитывать на свое дальнейшее существование.

Предвидение в политике, как и в целом в общественной жизни, имеет чрезвычайно важное значение. То, что было сказано в целом о социальном предвидении, касается и политического предвидения. Поэтому я коснусь только роли политика в предвидении. Любой политик должен обладать способностью предвидеть последствия своих политических действий. Политик не может и не имеет права пользоваться методом проб и ошибок. Он отвечает за жизнь миллионов людей, за вверенное ему государство, и он как шахматист до принятия того или иного решения обязан просчитать несколько ходов вперед, тщательно взвесить каждое свое политическое решение и лишь после этого приступить к действиям. Трагедия многих политиков состоит в том, что они, не имея ни малейшего представления ни о внутренних, ни о геополитических интересах своего государства, начинают действовать необдуманно, скоропалительно, что в итоге приводит либо к потере политического влияния, либо даже к распаду самого государства.

Политик должен иметь холодный рассудок и горячее сердце. Ему необходимо исходить не из эмоций и не из абстрактных псевдогуманистических лозунгов, а из сложившейся реальной ситуации. Политик — это *реалист и прагматик*, а не романтик, и свои решения он соизмеряет с суровой действительностью. Это значит, во-первых,

знание ситуации государства, его экономической мощи, расстановки классовых отношений, морального духа народа, его менталитета, образа жизни и т.д. Во-вторых, знание геополитических интересов государства. Великое государство, например, имеет свои геополитические интересы, а малое — совсем другие. Глава карликового государства не может претендовать на то, чтобы решать мировые политические проблемы. Но и глава великого государства, если не в состоянии предвидеть последствия своих политических действий, если не учитывает экономические и иные возможности своей державы, может в конце концов потерять все. Во всех случаях необходимо смотреть вперед и не предпринимать никаких необдуманных шагов.

Политическое предвидение в очень большой степени связано с преемственностью. Стабильное развитие общества во многом зависит от соблюдения традиций, обычаев и т.д. Без передачи от поколения к поколению материальных и духовных ценностей нет стабильности в обществе, а без стабильности нет развития, но без развития нет самого общества. Государство, политические лидеры которого постоянно разрушают все, что создано их предшественниками, критикуют их и заново начинают строить новые политические отношения, не имеют ни истории, ни будущего. Одна из причин стабильности политики США, например, состоит в том, что пришедший к власти новый президент никогда не критикует своего предшественника. Он воздает ему должное, а потом начинает проводить свою политику, которая, по существу, является продолжением политики предыдущего президента, потому что у всех президентов США одна общая цель — защита интересов Соединенных Штатов Америки. Новому президенту нетрудно действовать, принимать те или иные решения в геополитических интересах своего государства.

Предвидение в политике носит тактический и стратегический характер. В тактическом плане политик преследует ближайшие задачи, но в плане стратегии не забывает об отдаленных целях. Поэтому свои политические действия он соизмеряет с теми последствиями, которые они будут иметь для его страны, интересы которой он

обязан всегда ставить выше личных интересов и, разумеется, интересов других стран.

Очень важно в политическом предвидении (и не только в нем) учитывать опыт истории, не повторять собственные ошибки и ошибки своих предшественников. Однако в действительности мало кто учитывает этот опыт и мало кто из него извлекает какой-либо урок.

Таким образом, политика и предвидение неразрывно связаны. Наиболее эффективной является та политика, которая может правильно оценивать настоящее, использовать прошлый опыт, учитывать всю сложность и многогранность социальных, политических и экономических феноменов, предсказывать возможные последствия принимаемых решений. Такая политика способствует стабилизации общества, его поступательному движению по пути социального прогресса.

ГЛАВА 12
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Специфика социального познания

Мир – социальный и природный – многообразен и является объектом как естественных, так и общественных наук. Но его исследование прежде всего предполагает, что он адекватно отражается субъектами, иначе нельзя было бы раскрыть его имманентную логику и закономерности развития. Поэтому можно сказать, что в основе любого познания лежит признание объективности внешнего мира и отражение его субъектом, человеком. Однако социальное познание обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой самого объекта исследования.

Во-первых, в качестве такого объекта выступает общество, которое одновременно является и субъектом. Физик имеет дело с природой, т.е. с таким объектом, который противопоставлен ему и всегда, так сказать, «безропотно подчиняется». Обществовед имеет дело с деятельностью людей, поступающих сознательно и творящих материальные и духовные ценности.

Физик-экспериментатор может повторять свои эксперименты до тех пор, пока окончательно не убедится в правильности полученных им результатов. Обществовед лишен такой возможности, так как в отличие от природы общество меняется быстрее, меняются люди, условия жизни, психологическая атмосфера и т.д. Физик может надеяться на «искренность» природы, раскрытие ее тайн зависит в основном от него самого. Обществовед не может быть полностью уверен в том, что люди на его вопросы отвечают искренне. А если он исследует историю, то вопрос еще больше осложняется, так как прошлое никак нельзя вернуть. Вот почему исследование общества гораздо труднее, чем изучение природных процессов и явлений.

Во-вторых, общественные отношения сложнее природных процессов и явлений. На макроуровне они состоят из материальных, политических, социальных и духовных отношений, которые настолько переплетены между собой, что только в абстракции можно оторвать их друг

от друга. В самом деле, возьмем политическую сферу жизни общества. Она включает в себя самые различные элементы — власть, государство, политические партии, политические и социальные институты и т.д. Но ведь нет государства без экономики, без социальной жизни, без духовного производства. Изучение всего этого комплекса вопросов — дело тонкое и архисложное. Но кроме макроуровня есть еще микроуровень общественной жизни, где связи и отношения различных элементов социума носят еще более запутанный и противоречивый характер, что их раскрытие тоже представляет немало сложностей и трудностей.

В-третьих, социальное отражение имеет не только непосредственный, но и опосредованный характер. Одни явления отражаются непосредственно, а другие — опосредованно. Так, политическое сознание отражает политическую жизнь непосредственно, т.е. оно фиксирует свое внимание только на политической сфере общества и, если можно так выразиться, оно вытекает из него. Что касается такой формы общественного сознания, как философия, то она опосредованно отражает политическую жизнь в том смысле, что политика не является для нее объектом исследования, хотя так или иначе затрагивает те или иные ее аспекты. Искусство и художественная литература полностью связаны с опосредованным отражением общественной жизни.

В-четвертых, социальное познание может осуществляться через ряд опосредствующих звеньев. Это значит, что духовные ценности в виде определенных форм знаний об обществе передаются из поколения в поколение, и каждая генерация их использует при изучении и выяснении тех или иных сторон социума. Современному физику мало что дают физические знания, скажем, XVII века, но ни один историк античности не может проигнорировать исторические труды Геродота и Фукидида. И не только исторические произведения, но и философские работы Платона, Аристотеля и других корифеев древнегреческой философии. Мы верим тому, что писали античные мыслители о своей эпохе, о своем государственном устройстве и экономической жизни, о своих моральных принципах и т.д. И на базе изучения их сочинений у нас созда-

ется свое собственное представление о далеких от нас временах.

В-пятых, субъекты истории не живут изолированно друг от друга. Они творят вместе и создают материальные и духовные блага. Они принадлежат к определенным группам, сословиям и классам. Поэтому у них формируется не только индивидуальное, но и сословное, классовое, кастовое сознание и др., что тоже создает определенные трудности для исследователя. Индивид может и не осознавать свои классовые (даже класс их не всегда осознает) интересы. Поэтому ученому надо найти такие объективные критерии, которые бы позволили ему четко и ясно отделить одни классовые интересы от других, одно мировоззрение от другого.

В-шестых, общество изменяется и развивается быстрее, чем природа, и наши знания о нем быстрее устаревают. Поэтому необходимо их постоянно обновлять и обогащать новым содержанием. Иначе можно отстать от жизни и науки и впоследствии скатиться к догматизму, что крайне опасно для науки.

В-седьмых, социальное познание непосредственно связано с практической деятельностью людей, которые заинтересованы в том, чтобы использовать результаты научных исследований в жизни. Математик может заниматься абстрактными формулами и теориями, не имеющими прямого отношения к жизни. Возможно, его научные изыскания получат практическую реализацию через какое-то время, но это будет потом, пока же он имеет дело с математическими абстракциями. В сфере социального познания вопрос стоит несколько иначе. Такие науки, как социология, юриспруденция, политология имеют непосредственное практическое значение. Они обслуживают общество, предлагают различные модели и схемы совершенствования социальных и политических институтов, законодательных актов, повышения производительности труда и т.д. Даже такая абстрактная дисциплина, как философия, связана с практикой, но не в том смысле, что она помогает, скажем, выращивать арбузы или строить заводы, а в том, что она формирует мировоззрение человека, ориентирует его в сложной сети общественной жизни, помогает ему преодолевать трудности и найти свое место в обществе.

Социальное познание осуществляется на уровне эмпирического и теоретического. *Эмпирический* уровень связан с непосредственной действительностью, с повседневной жизнью человека. В процессе практического освоения мира он вместе с тем познает и изучает его. Человек на уровне эмпирии представляет хорошо, что необходимо считаться с законами объективного мира и строить свою жизнь с учетом их действий. Крестьянин, например, продавая свой товар, прекрасно понимает, что нельзя его продать ниже его стоимости, иначе ему невыгодно будет выращивать сельскохозяйственную продукцию. Эмпирический уровень знаний — это повседневные знания, без которых человек не может ориентироваться в сложном лабиринте жизни. Они накапливаются постепенно и годами, благодаря им человек становится мудрее, осторожнее и более ответственно подходит к жизненным проблемам.

Теоретический уровень есть обобщение эмпирических наблюдений, хотя теория может выходить и за пределы эмпирии. Эмпирия — явление, а теория — сущность. Именно благодаря теоретическим знаниям совершаются открытия в области природных и социальных процессов. Теория — мощный фактор общественного прогресса. Она проникает в сущность изучаемых феноменов, вскрывает их движущие пружины и механизмы функционирования. Оба уровня между собой тесно связаны. Теория без эмпирических фактов трансформируется в оторванные от реальной жизни спекуляции. Но и эмпирия без теоретических обобщений не может обойтись, так как именно на базе таких обобщений удается сделать громадный шаг на пути освоения предметного мира.

Социальное познание *гетерогенно*. Существуют философские, социологические, правовые, политологические, исторические и другие виды социального познания. Философское знание — наиболее абстрактная форма социального познания. Оно имеет дело с универсальными, объективными, повторяющимися, существенными, необходимыми связями действительности. Оно в теоретической форме осуществляется с помощью категорий (материя и сознание, возможность и действительность, сущность и явление, причина и следствие и др.) и опреде-

ленного логического аппарата. Философское знание не есть конкретное знание конкретного предмета, и поэтому нельзя его редуцировать к непосредственной действительности, хотя, безусловно, отражает ее адекватно.

Социологическое знание имеет уже конкретный характер и касается непосредственно тех или иных сторон общественной жизни. Оно помогает человеку глубже изучить социальные, политические, духовные и другие процессы на микроуровне (коллективы, группы, прослойки и т.д.). Оно вооружает человека соответствующими рецептами выздоровления общества, ставит диагнозы, как медицина, и предлагает средства лечения социальных недугов.

Что касается правового знания, то оно связано с освоением правовых норм и принципов, с их использованием в практической жизни. Обладающий знанием в области прав гражданин защищен от произвола властей и бюрократов.

Политологическое знание отражает политическую жизнь общества, теоретически формулирует закономерности политического развития социума, исследует функционирование политических институтов и учреждений.

Методы социального познания. Каждая общественная наука имеет свои собственные методы познания. В социологии, например, важное значение имеют сбор и обработка данных, опросы, наблюдение, интервью, социальные эксперименты, анкетирование и т.д. В политологии тоже существуют свои собственные методы изучения и анализа политической сферы общества. Что касается философии истории, то здесь используются методы, имеющие универсальное значение, то есть методы, которые применимы ко всем сферам общественной жизни. В этой связи, на мой взгляд, в первую очередь следует назвать *диалектический метод* [233], который применяли еще античные философы. Гегель писал, что «диалектика есть... движущая душа всякого научного развертывания

[233] В настоящее время многие обществоведы игнорируют диалектический метод познания. Но тем хуже для них: ведь от того, что кто-то игнорирует, скажем, закон стоимости, не исчезает этот закон. Можно не признавать диалектику как учение о развитии, но от этого не прекратится развитие и изменение объективного мира.

мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным»[234]. Гегель открыл законы диалектики (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество и обратно, закон отрицания отрицания). Но Гегель был идеалист и диалектику он представлял как саморазвитие понятия, а не объективного мира. Маркс преобразовывает гегелевскую диалектику как по форме, так и по содержанию и создает материалистическую диалектику, которая изучает наиболее общие законы развития общества, природы и мышления (выше они были перечислены).

Диалектический метод предполагает изучение природной и социальной действительности в развитии и изменении. «Великая основная мысль, — что мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причем поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в общем виде»[235]. Но развитие с точки зрения диалектики осуществляется путем «борьбы» противоположностей. Объективный мир состоит из противоположных сторон и их постоянная «борьба» в конечном итоге приводит к возникновению чего-то нового. Со временем это новое становится старым, а на его месте появляется опять что-то новое. В результате столкновения между новым и старым опять появляется другое новое. Этот процесс носит бесконечный характер. Поэтому, как писал Ленин, одной из основных черт диалектики является раздвоение единого и познание противоречивых частей его. Кроме того, метод диалектики исходит из того, что все явления и про-

[234] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1.: Наука логики М., 1974. С. 206.
[235] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

цессы находятся во взаимной связи, и поэтому их следует изучать и исследовать с учетом этих связей и отношений.

Диалектический метод включает в себя *принцип историзма.* Невозможно исследовать то или иное социальное явление, если не знать, как и почему оно возникло, какие этапы оно прошло и какие следствия оно вызвало. В исторической науке, например, без принципа историзма нельзя получить какие-нибудь научные результаты. Историк, который пытается с точки зрения современной ему эпохи анализировать те или иные исторические факты и события, не может быть назван объективным исследователем. Каждое явление и каждое событие следует рассматривать в контексте той эпохи, когда оно произошло. Скажем, абсурдно критиковать военную и политическую деятельность Наполеона I. Без соблюдения принципа историзма нет не только исторической науки, но и других общественных наук.

Другим важным средством социального познания является *исторический* и *логический* методы. Эти методы в философии существуют со времен Аристотеля. Но всесторонне они были разработаны Гегелем и Марксом. Логический метод исследования предполагает теоретическое воспроизведение исследуемого объекта. Вместе с тем этот метод «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»[236].

Конечно, отсюда не следует полное тождество логического и исторического методов исследования. В философии истории, например, применяется логический метод, поскольку философия истории теоретически, т.е. логиче-

[236] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

ски воспроизводит исторический процесс. Скажем, в философии истории проблемы цивилизации рассматриваются независимо от конкретных цивилизаций в тех или иных странах, потому что философ истории исследует сущностные черты всех цивилизаций, общие причины их генезиса и гибели. В отличие от философии истории в исторической науке применяется исторический метод исследования, так как задачей историка является конкретное воспроизведение исторического прошлого, причем в хронологическом порядке. Нельзя, скажем, изучая историю России, начинать ее с современной эпохи. В исторической науке цивилизация рассматривается конкретно, изучаются все ее конкретные формы и характеристики.

Важным методом также является метод *восхождения от абстрактного к конкретному*. Он применялся многими исследователями, но наиболее полное воплощение нашел в работах Гегеля и Маркса. В «Капитале» Маркс его блестяще использовал. Суть его сам же Маркс выразил следующим образом: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т.д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т.д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т.д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к бога-

той совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь – это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т.д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т.д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего – как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость – к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении... Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовное конкретное»[237]. Маркс анализ буржуазного общества начинает с самого абстрактного понятия – с товара и завершает самым конкретным понятием – понятием класса.

В социальном познании используется также *герменевтический* метод. Крупнейший современный французский философ П.Рикёр герменевтику определяет как «теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово «герменевтика» означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации»[238]. Истоки герменевтики восходят к античной эпохе, когда возникла необходимость истолкования письменных текстов, хотя интерпретация касается не только письменных источников, но и устной речи. Поэтому основоположник философской герменевтики Ф.Шлейермахер был прав, когда писал, что главное в герменевтике – язык.

В социальном познании речь идет, разумеется, о письменных источниках, выраженных в той или иной языковой форме. Истолкования тех или иных текстов требует соблюдения, по крайней мере, следующих мини-

[237] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 726–727.
[238] Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М , 1995. С. 3.

мальных условий: 1) необходимо знать язык, на котором написан текст. При этом всегда следует помнить, что перевод с этого языка на другой никогда не похож на оригинал. «Всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала. Даже если он представляет собой мастерское подражание оригиналу, какие-то оттенки и полутона неизбежно в нем пропадают»[239]. 2) Нужно быть специалистом в той области, в которой работал автор того или иного сочинения. Абсурдно, например, неспециалисту в области античной философии заниматься интерпретацией произведений Платона. 3) Нужно знать эпоху появления того или иного интерпретируемого письменного источника. Необходимо представить себе, в связи с чем данный текст появился, что хотел сказать его автор, каких мировоззренческих позиций он придерживался. 4) Не истолковывать исторические источники с точки зрения современности, а рассматривать их в контексте изучаемой эпохи. 5) Всячески избегать оценочного подхода, стремиться к максимально объективной интерпретации текстов.

2. Историческое познание – разновидность социального знания

Являясь разновидностью социального знания, историческое познание вместе с тем имеет свою специфику, выражающуюся в том, что исследуемый объект принадлежит прошлому, в то время как его нужно «перевести» в систему современных понятий и языковых средств. Но тем не менее отсюда вовсе не следует, что нужно отказаться от изучения исторического прошлого. Современные средства познания позволяют реконструировать историческую действительность, создать ее теоретическую картину и дать возможность людям иметь о ней верное представление.

Как уже отмечалось, любое познание предполагает прежде всего признание объективного мира и отражение его в человеческой голове. Однако отражение в историческом познании носит несколько иной характер, чем

[239] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М , 1988. С. 449.

отражение настоящего, ибо настоящее наличествует, тогда как прошлое отсутствует. Правда, отсутствие прошлого не означает, что оно «сведено» к нулю. Прошлое ведь сохранилось в виде материальных и духовных ценностей, унаследованных последующими поколениями. Как писали Маркс и Энгельс, «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»[240]. Вследствие этого создается единый исторический процесс, а унаследованные материальные и духовные ценности свидетельствуют о существовании тех или иных особенностей эпохи, об укладе жизни, взаимоотношениях людей и т.д. Так, благодаря памятникам архитектуры мы можем судить о достижениях древних греков в области градостроительства. Политические произведения Платона, Аристотеля и других корифеев античной философии дают нам представление о классовом и государственном устройстве Греции эпохи рабства. Таким образом, нельзя сомневаться в возможности познания исторического прошлого.

Но в настоящее время такого рода сомнения все чаще и чаще звучат из уст многих исследователей. Особенно выделяются в этом отношении постмодернисты. Они отрицают объективный характер исторического прошлого, представляют его как искусственную конструкцию с помощью языка. «...Постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии: 1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности ис-

[240] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44–45.

точника (размыв границу между фактом и вымыслом) и, наконец, 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»[241]. Эти «священные коровы» являются ничем иным, как фундаментальными принципами исторической науки.

Постмодернисты понимают трудности социального, в том числе исторического познания, связанные прежде всего с самим объектом познания, т.е. с обществом, являющемся продуктом взаимодействия людей, наделенных сознанием и действующих сознательно. В социально-историческом познании наиболее рельефно проявляются мировоззренческие позиции исследователя, изучающего деятельность людей, имеющих собственные интересы, цели и намерения. Волей-неволей обществоведы, особенно историки, привносят в исследование свои симпатии и антипатии, что в какой-то степени искажает реальную социальную картину. Но нельзя на этом основании все гуманитарные науки превратить в дискурс, в лингвистические схемы, не имеющие ничего общего с социальной реальностью. «Текст историка, — утверждают постмодернисты, — это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые обнаруживаются в художественной литературе... Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смещать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником, и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной им, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию»[242]. Постмодернисты разрушают вышеперечисленные фундаментальные принципы исторической науки, без которых историческое познание немыслимо. Но надо быть оптимистами и надо надеяться, что наука об истории, как и раньше, будет занимать важное место в обществознании и будет помогать людям изучать собст-

[241] Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. С. 26.
[242] Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. 1996. С. 7.

венную историю, делать из нее соответствующие выводы и обобщения.

С чего начинается историческое познание? Чем определяется его актуальность и какую пользу оно приносит? Начнем с ответа на второй вопрос и прежде всего обратимся к работе Ницше «О пользе и вреде истории для жизни». Немецкий философ пишет, что человек имеет историю, потому что у него есть память в отличие от животных. Он помнит то, что было вчера, позавчера, тогда как животное все тут же забывает. Способность забвения есть неисторическое чувство, а память — историческое. И хорошо, что человек забывает многое в своей жизни, иначе бы он просто не смог жить. Всякая деятельность нуждается в забвении и «человек, который пожелал бы переживать все только исторически, был бы похож на того, кто вынужден воздерживаться от сна, или же на животное, осужденное жить только все новым и новым пережевыванием одной и той же жвачки»[243]. Таким образом, можно совершенно спокойно жить без воспоминаний, но абсолютно немыслимо жить без возможности забвения.

По мысли Ницше, существуют определенные границы, за пределами которых прошлое необходимо забыть, иначе оно, как выражается мыслитель, может стать могильщиком настоящего. Он предлагает не все забывать, но и не все помнить: «*...Историческое и неисторическое одинаково необходимы для здоровья отдельного человека, народа и культуры*»[244]. В известных пределах неисторическое более важно для народа, чем историческое, ибо оно есть своего рода фундамент для построения подлинно человеческого общества, хотя, с другой стороны, только благодаря использованию опыта прошлого человек становится человеком.

Ницше все время настаивает, чтобы всегда учитывались границы исторического и неисторического. Неисторическое отношение к жизни, пишет немецкий философ, позволяет совершать такие события, которые играют чрезвычайно важную роль в жизни человеческого обще-

[243] Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 162.
[244] Там же. С. 164.

ства. Историческими людьми он называет тех, кто стремится к будущему и надеется на лучшую жизнь. «Эти исторические люди верят, что смысл существования будет все более раскрываться в течение *процесса* существования, они оглядываются назад только затем, чтобы путем изучения предшествующих стадий процесса понять его настоящее и научиться энергичнее желать будущего; они не знают вовсе, насколько неисторически они мыслят и действуют, несмотря на весь свой историзм, и в какой степени их занятия историей являются служением не чистому познанию, но жизни»[245].

Ницше вводит понятие над-исторических людей, для которых нет процесса, но нет и абсолютного забвения. Для них мир и каждое отдельное мгновение представляются законченными и остановившимися, они никогда не думают о том, в чем состоит смысл исторического поучения — то ли в счастье, то ли в добродетели, то ли в покаянии. С их точки зрения, прошлое и настоящее одно и то же, хотя имеется едва различимое разнообразие. Сам Ницше поддерживает исторических людей и считает, что историю надо изучать. И поскольку она непосредственно связана с жизнью, то не может быть, как, скажем, математика, чистой наукой. «История принадлежит живущему в трояком отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать *монументальный, антикварный и критический* род истории»[246].

Суть *монументальной* истории Ницше выражает так: «Что великие моменты в борьбе единиц образуют одну цепь, что эти моменты, соединяясь в одно целое, знаменуют подъем человечества на вершины развития в ходе тысячелетий, что для меня подобного давно минувшего момента сохраняется во всей своей живости, яркости и величии, — в этом именно и находит свое выражение основная мысль той веры в человечество, которая вызывает

[245] Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 166.
[246] Там же. С. 168.

требование *монументальной* истории»[247]. Ницше имеет в виду извлечение определенных уроков из прошлого. Тот, кто ведет постоянную борьбу за свои идеалы и принципы, нуждается в учителях, которых он находит не среди своих современников, а в истории, богатой великими историческими событиями и личностями. Такого человека немецкий философ называет деятельным человеком, борющимся если не за собственное счастье, то за счастье целого народа или же всего человечества. Такого человека ждет не награда, а, возможно, слава и место в истории, где для будущих поколений он тоже окажется учителем.

Ницше пишет, что идет борьба против монументального, ибо люди хотят жить в настоящем, а не бороться за будущее и приносить себя в жертву во имя призрачного счастья в этом будущем. Но тем не менее снова появляются деятельные люди, которые ссылаются на великие подвиги прошлых поколений и призывают брать с них пример. Великие деятели умирают, но остается их слава, которую Ницше очень высоко ценит. Он считает, что современному человеку очень полезно монументальное воззрение, ибо «он научается понимать, что то великое, которое некогда существовало, было во всяком случае хоть раз *возможно*, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз; он совершает свой путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществимости его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы»[248]. Тем не менее Ницше выражает сомнение в том, что можно использовать монументальную историю, извлечь определенные уроки из нее. Дело в том, что история не повторяется, и нельзя вернуть прошлые события и прокрутить их заново. И не случайно монументальное воззрение на историю вынуждено огрублять ее, тушевать различия и главное внимание обращать на общее.

Не отрицая в целом значения монументального взгляда на историю, Ницше вместе с тем предупреждает против его абсолютизации. Он пишет, что «монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий:

---

[247] Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 169.
[248] Там же. С. 170–171.

мужественных она путем соблазнительных параллелей воодушевляет на подвиги отчаянной смелости, а одушевление превращает в фанатизм; когда такого рода история западает в головы способных эгоистов и мечтательных злодеев, то в результате подвергаются разрушению царства, убиваются властители, возникают войны и революции и число исторических эффектов в себе, т.е. следствий без достаточных причин, снова увеличивается. До сих пор шла речь о бедах, которые может натворить монументальная история в среде могучих и деятельных натур, безразлично, будут ли эти последние добрыми или злыми; но можно себе представить, каким окажется ее влияние, если ею завладеют и постараются ее использовать бессильные и малодеятельные натуры»[249].

Антикварная история. Она «принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть; этим благоговейным отношением он как бы погашает долг благодарности за самый факт своего существования»[250]. Антиквар предается сладостным воспоминаниям о прошлом, стремится сохранить все прошлое в нетронутом виде для будущих поколений. Он абсолютизирует прошлое и живет им, а не настоящим, он его так идеализирует, что ничего не хочет переделывать, ничего не хочет менять и сильно огорчается, когда все-таки такие изменения совершаются. Ницше подчеркивает, что если антикварную жизнь не одухотворяет современность, то она в конце концов вырождается. Она способна сохранить старое, но не породить новую жизнь, и поэтому всегда сопротивляется новому, не хочет его и ненавидит. В целом Ницше критически относится к такого рода истории, хотя не отрицает ее необходимость и даже пользу.

Критическая история. Суть ее: «Человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше; этой цели достигает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому

---

[249] Ницше Ф. Соч Т. 1. С. 172.
[250] Там же. С. 174.

тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор; но всякое прошлое достойно того, чтобы быть осужденным — ибо таковы уже все человеческие дела: всегда в них мощно сказывались человеческая сила и человеческая слабость»[251]. Критика прошлого вовсе не значит, что побеждает справедливость. Просто жизнь требует критического отношения к истории, иначе она сама задохнется. Нужно строить новую жизнь, а не оглядываться постоянно назад, необходимо забыть то, что было, и исходить из того, что есть. А прошлое надо беспощадно критиковать тогда, когда видно, сколько в нем было несправедливостей, жестокости и лжи. Ницше предостерегает от такого отношения к прошлому. Беспощадная и несправедливая критика прошлого, подчеркивает немецкий философ, «очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т.е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи»[252]. И как бы мы ни пытались избавиться от ошибок прошлого, нам это не удастся, ибо мы сами вышли оттуда.

Общий вывод Ницше о трех родах истории: «...Каждый человек и каждый народ нуждается, смотря по его целям, силам и потребностям, в известном знакомстве с прошлым, в форме то монументальной, то антикварной, то критической истории, но нуждается в этом не как сборище чистых мыслителей, ограничивающихся одним созерцанием жизни, и даже не как отдельные единицы, которые в жажде познания могут удовлетвориться только познанием и для которых расширение этого последнего является самоцелью, но всегда в виду жизни, а следовательно, всегда под властью и верховным руководством этой жизни»[253]. Нельзя не согласиться с этим выводом немецкого мыслителя. Действительно, исследование ис-

[251] Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 178.
[252] Там же. С. 178.
[253] Там же. С. 179.

торического прошлого не носит произвольный характер, а обусловливается прежде всего потребностями общества. Люди всегда обращаются к прошлому для того, чтобы легче было изучить современность, сохранить в памяти все ценное и положительное и вместе с тем извлечь определенные уроки для будущего[254]. Конечно, отсюда не следует, что прошлое может полностью объяснить настоящее, ибо, несмотря на неразрывную связь между ними, настоящее существует, так сказать, живет, но в других обстоятельствах.

Историк не просто удовлетворяет свое любопытство. Он обязан показать, каким образом объект исследования (то или иное историческое событие или исторический факт) влияет на ход всей мировой истории, каково место этого события среди других.

Безусловно, он должен проявлять личную заинтересованность в разработке выбранной им темы, поскольку без этого ни о каких исследованиях не может идти речь. Но, повторяю, актуальность исторического познания диктуется прежде всего практическими потребностями настоящего. Чтобы лучше знать настоящее, необходимо изучить прошлое, о чем еще задолго до Ницше писал Кант: «Знание естественных вещей — какие они *есть теперь* — всегда заставляет желать еще и знания того, чем были прежде, а также через какой ряд изменений они прошли, чтобы в каждом данном месте достигнуть своего настоящего состояния»[255].

Анализ прошлого позволяет нам исследовать закономерности настоящего и наметить пути развития будуще-

---

[254] Честерфилд Филип Дормер Стенхон, английский писатель и государственный деятель XVIII века, в письме к сыну подчеркивает важность знания исторического прошлого. «Ты занят историей Рима, надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надо сделать собственные выводы. История побуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния, она показывает нам, как во все времена чтили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какою славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней» // Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 114.

[255] Кант И. Соч. Т. 6. С. 462

го. Без этого немыслимо научное объяснение исторического процесса. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что логика самой исторической науки требует постоянного обращения к тем или иным историческим темам. Всякая наука носит творческий характер, т.е. развивается и обогащается новыми теоретическими положениями. То же самое касается исторической науки. На каждом этапе ее развития перед ней встают новые проблемы, которые она должна решить. Между практическими потребностями общества и логикой развития самой науки существует объективная связь, и больше в конечном итоге степень развития науки зависит от уровня развития общества, от его культуры и интеллектуальных возможностей.

Отвечая на первый вопрос, прежде всего изложу концепцию крупнейшего французского историка и философа, сыгравшего важнейшую роль в исследовании исторического познания, А.Мару. Он пишет, что историческое познание начинается с анализа источников, с документов. Историческая наука не имеет, считает Мару, как, например, физика, возможности соприкасаться непосредственно со своим объектом исследования. Поэтому она является познанием по следам, по документам. Имея их большое количество, ученый ставит вопросы, которые его интересуют и на которые на базе документов он должен дать ответ. Однако бывают случаи, когда документы не могут ответить на поставленные вопросы и, наоборот, бывают случаи, когда скапливается много источников. Тогда ученому приходится выбирать и все зависит от его таланта и эрудиции.

Мару большое значение придает пониманию документов. Но для того, чтобы их понять, нужно знать настроения людей, которых они касаются. Но эти люди принадлежат прошлому, их уже нет. Чтобы выйти из тупика, Мару решил связать прошлое с настоящим. Он считает, что с точки зрения логики понимание исторических документов ничем не отличается от тех форм знания, которые нам дают возможность понимать современного человека. «Идет ли речь, — утверждает французский историк, — о современном тексте, представляющем различные специфические трудности, или об историческом документе, — ме-

ханизм понимания совершенно одинаков»[256]. Для того чтобы я мог понять какой-нибудь документ, вообще другого человека, необходимо, чтобы этот другой имел со мной что-то общее — в психологии, в общении, во внешних выражениях, в жестах и т.д. Но этого недостаточно, нужна еще моя заинтересованность в общении с этим другим человеком.

Направившись навстречу к другому и слушая его, я начинаю понимать, что в том, что он говорит, имеются целые фразы, слова, которые я хорошо знаю и сам бы употребил при разговоре. Эти выражения и слова во мне вызывают ощущения, впечатления, которые очень знакомы. Этот другой так похож на меня, что мы как бы составляем единое целое. А если мне не все понятно, то имеется много общих элементов, похожих на мой личный приобретенный опыт, что мне позволяет сконструировать по аналогии гипотезу о том, что могли бы означать эти фразы и выражения. При разговоре с другим я верифицирую свою гипотезу.

Мару утверждает, что в повседневной жизни мы часто встречаемся с подобного рода случаями. Например, часто мы, когда не совсем понимаем своего собеседника, обращаемся к нему с дополнительными вопросами, заключающими в себе какие-то гипотезы. Но это познание, продолжает Мару, отличается от исторического познания, потому что в последнем случае у нас нет возможности спрашивать у людей, действия и поступки которых мы исследуем, но которые уже физически не существуют. Однако, с его точки зрения, и в данном случае специфика исторического понимания не отличается от механизма понимания вообще. Например, древнеримский текст, написанный на латыни, я понимаю, потому что на этом языке написана огромная литература, которую преподают в школах и которую я изучал. Чувства и мысли, выраженные в этой литературе, знакомы мне, потому что их мог бы выразить один из моих современников.

В познании исторического прошлого французский историк выделяет такие моменты:

---

[256] Marrou H.-Y. De la connaissance historique. Paris, 1973. P. 93.

1. Часто объект исторического познания — прошлое — не отличается от самого исследуемого документа. Такое положение, по утверждению Мару, было в истории философии и истории искусства. В этом случае вся работа исследователя сводится к тому, чтобы понять этот документ. Например, в «Законах» Платона имеется непосредственное познание прошлого, и только от способностей историка зависит понять этот труд Платона.

2. Исследование ведется в постановке сугубо исторических вопросов. Например, вместо вопроса: «Какова собственная красота этой картины?», задается вопрос: «Что хотел сказать художник, поняв эту красоту?». Или вместо вопроса: «Что означает сам по себе этот диалог Платона?» — вопрос: «Что здесь Платон хотел сказать?»

3. Постепенно историк начинает ставить вопросы о реальности событий.

В процессе исторического исследования, продолжает Мару, накапливается огромное количество источников, подлинность которых очень трудно проверить. Самое большее, что мы можем сделать, – это составить вероятностное суждение. Историческое познание, заключает Мару, опирается на акт веры. Иными словами, просто-напросто нужно верить тому, что написано в документах.

На мой взгляд, историческое познание включает три этапа. *Первый* этап связан со сбором материала по интересующему исследователя вопросу. Чем больше материала, тем больше оснований надеяться на то, что получим какие-то новые знания об историческом прошлом. Если мы, например, ставим перед собой задачу изучить войны Александра Македонского, то начинаем собирать необходимые источники по данной теме. В качестве источника может выступать все, что относится к теме и содержит об исследуемом объекте какую-то информацию (летописи, военные указы, художественная, историческая и философская литература, данные археографии, этнологии и т.д.). Источник можно охарактеризовать как *единство объективного и субъективного*. Под объективным подразумевается независимое от человека существование источника, и неважно, в состоянии мы его расшифровать или нет. Он содержит объективную (но вовсе не обязательно

правдивую) информацию об исторических событиях или явлениях. Под субъективным же понимается то, что источник есть продукт, результат труда, в котором объединены чувства и эмоции его создателя. По источнику можно определить стиль его автора, степень одаренности или уровень понимания описываемых им событий. Освещение одних и тех же явлений во многом зависит от интеллектуальных возможностей авторов источников. Кстати, от этого зависит и количество использованных источников.

Второй этап исторического познания связан с отбором и классификацией источников. Чрезвычайно важно их правильно классифицировать, отбирать наиболее интересные и содержательные. Здесь, бесспорно, существенную роль играет сам ученый. Эрудированному исследователю легко определить, какие источники содержат правдивую информацию. Некоторые источники, как выражается М.Блок, просто-напросто лживы. Их авторы сознательно вводят в заблуждение не только своих современников, но и будущие поколения. Поэтому многое зависит от квалификации, профессионализма и эрудиции историка — словом, от общего уровня его культуры. Именно он сортирует материал, отбирает наиболее ценные, с его точки зрения, источники. На первый взгляд отбор и классификация источников носит чисто произвольный характер. Но это заблуждение. Данная процедура осуществляется исследователем, но он живет в обществе и, следовательно, его взгляды формируются под влиянием определенных социальных условий, и поэтому классификацию источников он осуществляет в зависимости от своих мировоззренческих и социальных позиций. Он может абсолютизировать значение одних источников и принижать другие.

На *третьем* этапе исторического познания исследователь подводит итоги и делает теоретические обобщения материала. Вначале он совершает реконструкцию прошлого, создает его теоретическую модель с помощью логического аппарата и соответствующих инструментов познания. В конечном итоге он получает какие-то новые знания об историческом прошлом, о том, как люди жили и действовали, как осваивали окружающий природный мир, как приумножали общественное богатство цивилизации.

ГЛАВА 13
ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ИХ ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Аспекты исследования исторических фактов

Одной из центральных задач исторического познания является установление подлинности исторических фактов и событий, открытие новых, не известных до сих пор фактов. Но что такое факт? Ответить на этот вопрос не так легко, как может показаться на первый взгляд. В обыденном языке мы часто оперируем термином «факт», но не задумываемся над его содержанием. Между тем в науке часто идут острые дискуссии относительно этого термина.

Можно сказать, что понятие факта употребляется по крайней мере в двух смыслах. В первом смысле оно применяется для обозначения самих исторических фактов, событий и явлений. В этом смысле Великая Отечественная война 1941–1945 годов, несомненно, есть исторический факт, поскольку существует объективно, т.е. независимо от нас. Во втором смысле понятие факта употребляется для обозначения источников, отражающих исторические факты. Так, работа Фукидида «Пелопоннесская война» есть факт, отражающий эту войну, поскольку в ней излагаются военные действия Спарты и Афин.

Таким образом, следует строго различать факты объективной реальности и факты, отражающие эту реальность. Первые существуют объективно, вторые — продукт нашей деятельности, поскольку мы составляем различного рода статистические данные, сведения, пишем исторические и философские труды и т.д. Все это представляет собой познавательный образ, отражающий факты исторической действительности. Конечно, отражение носит приблизительный характер, ибо исторические факты и события настолько сложны и многогранны, что невозможно дать их исчерпывающее описание.

В структуре исторических фактов можно выделить простые и сложные факты. К простым относятся те факты, которые в самом себе не содержат других фактов или

подфактов. Например, факт смерти Наполеона 5 мая 1821 года есть простой факт, так как речь просто идет о констатации смерти бывшего французского императора. К сложным фактам относятся те, которые внутри себя содержат еще множество других фактов. Так, война 1941—1945 годов является таким сложным фактом.

Для чего нужно исследование исторических фактов? Зачем нам знать, что происходило в античном мире, почему убили Юлия Цезаря? Мы изучаем историю не ради чистого любопытства, а для того, чтобы выяснить закономерности ее развития. Анализ исторических фактов и событий позволяет нам представить всю мировую историю как единый процесс и вскрыть движущие причины этого процесса. И когда мы открываем тот или иной исторический факт, то тем самым устанавливаем определенную закономерную связь в поступательном движении человечества. Вот Юлий Цезарь нам в своих «Записках» о Галльской войне рассказал о многих фактах, имеющих важное значение для изучения истории современной Европы. Ведь факт существует не изолированно, он связан с другими фактами, составляющими единую цепь социального развития. И наша задача заключается в том, чтобы, исследуя тот или иной исторический факт, показать его место среди других фактов, его роль и функции.

Конечно, при этом не следует забывать, что исследование исторических фактов представляет определенные трудности, вытекающие из специфики самого объекта исследования. Во-первых, при изучении фактов и установлении их подлинности могут отсутствовать нужные нам источники, особенно если мы изучаем далекое историческое прошлое. Во-вторых, многие источники могут содержать неверную информацию о тех или иных исторических фактах. Вот почему требуется скрупулезный анализ соответствующих источников: отбор, сопоставление, сравнение и т.д. Кроме того, очень важно помнить, что исследуемая проблема связана не с одним фактом, а с совокупностью фактов, и поэтому необходимо брать во внимание многие другие факты — экономические, социальные, политические и др. Именно комплексный подход дает возможность создать верное представление о том или ином социальном явлении.

Но совокупность фактов тоже не есть нечто изолированное от других фактов и явлений. История — не просто «роман фактов» (Гельвеций), а объективный процесс, в котором факты взаимосвязаны и взаимообусловлены. При их изучении можно выделить три аспекта: *онтологический, гносеологический* и *аксиологический.*

Онтологический аспект предполагает признание исторического факта как элемента объективной действительности, связанного с другими ее элементами. Факт истории, как уже отмечалось, не изолирован от других фактов, и если мы хотим изучить бытие исторического процесса, то должны связать все факты друг с другом и раскрыть их имманентную логику. А этого можно добиться лишь при условии, что бытие фактов рассматривается в их единстве с другими фактами, выявляется его место в историческом процессе и его влияние на дальнейший ход общества.

Факт — это то или иное конкретное событие, требующее своего объяснения и осмысления в связи с широким социальным контекстом эпохи. Кто, например, изучает период правления Цезаря, тот неизбежно заинтересуется причинами его прихода к власти и в этой связи обратит внимание на такой факт, как переход Цезаря через Рубикон. Вот как описывает это событие Плутарх: «Когда он (Цезарь — И.Г.) приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимал то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствующими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!» — и двинулся к переходу»[257].

[257] Плутарх Соч. М., 1983. С. 139–140.

Если брать этот исторический факт изолированно от других фактов (социального, экономического и политического положения Рима), то мы не сможем раскрыть его содержание. Ведь Рубикон переходили до Цезаря многие люди, в том числе римские государственные деятели, но цезаревский переход означал начало гражданской войны в Италии, что привело к крушению республиканского строя и установлению принципата. Цезарь стал единоличным правителем Римского государства. Кстати, многие историки очень высоко ценили Цезаря как государственного деятеля, способствовавшего дальнейшему развитию Рима. Так, крупнейший немецкий историк прошлого века Т.Моммзен писал, что «Цезарь был прирожденный государственный деятель. Он начал свою деятельность в партии, которая боролась против существующего правительства, и потому долго как бы подкрадывался к своей цели, затем он играл видную роль в Риме, потом выступил на военном поприще и занял место в ряду величайших полководцев — не только потому, что одерживал блестящие победы, но и потому, что он один из первых умел достигать успеха не огромным перевесом сил, а необычайно напряженною деятельностью, когда это было необходимо, искусным сосредоточением всех своих сил и невиданною быстротой движений»[258].

Гносеологический аспект рассмотрения фактов подразумевает их анализ с точки зрения познавательной функции. Если онтологический аспект непосредственно не учитывает субъективные моменты в историческом процессе (хотя, конечно, совершенно ясно, что исторический процесс не существует без деятельности людей), то гносеологический анализ факта имеет в виду эти моменты. При реконструкции исторического прошлого нельзя абстрагироваться от действий субъектов истории, от их общего культурного уровня и способности творить собственную историю. Насыщенность факта определяется деятельностью людей, их способностью быстро изменять ход исторического процесса, совершать революционные действия и ускорять общественное развитие.

Исследование фактов в гносеологическом аспекте помогает глубже понимать то или иное историческое собы-

[258] Моммзен Т. История Рима. СПб, 1993. С. 237–238.

тие, определить место субъективного фактора в обществе, выяснить психологический настрой людей, их переживания, эмоциональное состояние. Этот аспект предполагает также учет всевозможных ситуаций для полного воспроизведения прошлого и требует, таким образом, дифференцированного подхода. Например, при изучении битвы при Ватерлоо нужно учитывать различные ситуации, связанные с ней, в том числе моральный дух войск, состояние здоровья Наполеона[259] и т.д. Это нам поможет глубже узнать причины поражения французских войск.

Аксиологический аспект, как явствует из формулировки этого термина, связан с оценкой исторических фактов и событий.

Из всех аспектов этот, пожалуй, самый трудный и самый сложный, ибо надо объективно, независимо от собственных симпатий и антипатий оценивать исторические факты. Вебер, например, размышляя над этими проблемами, предлагал строго научно, без политических пристрастий оценивать любые социально-политические и иные явления. Он исходил из того, что «установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, с одной стороны, а с другой — ответ на вопросы о ценности культуры и ее отдельных образований и соответственно ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов — две совершенно разные вещи»[260]. Поэтому ученый должен строго научно и без всяких оценок излагать факты и только факты. А «там, где человек науки приходит со своими собственными ценностными суждениями, уже нет места полному пониманию фактов»[261]. Нельзя не согласиться с Вебером в том, что конъюнктурный ученый, исходя из конъюнктурных соображений и всякий

---

[259] Как пишут Вейдер Б. и Хэпгуд Д., длительное время Наполеона отравляли мышьяком. Последствия этого особенно сильно сказались во время битвы при Ватерлоо. «Но тут начинается череда ошибок. Изнуренный, с симптомами отравления мышьяком, Наполеон засыпает на час в ожидании, пока не подсохнет грязь и не подойдет Груши». // Вейдер Б. Блистательный Наполеон / Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992. С. 127.

[260] Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 722.

[261] Там же. С. 723.

раз приспосабливающийся к политической ситуации, по-своему интерпретирует исторические факты и события. Совершенно ясно, что его толкование фактов и вообще исторического процесса лишены всякой объективности и никакого отношения не имеют к научным изысканиям. Если, например, вчера давалась одна оценка тех или иных исторических событий, а сегодня другая, то такой подход ничего общего не имеет с наукой, которая должна говорить правду и ничего, кроме правды.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что всякий исследователь имеет определенные мировоззренческие позиции. Он живет в обществе, окружен различными социальными слоями, классами, получает соответствующее образование, в котором ценностный подход играет важнейшую роль, ибо любое государство прекрасно понимает, что подрастающее поколение нужно воспитывать в определенном духе, что оно должно ценить богатства, созданные его предшественниками. Кроме того, в обществе, в силу его классовой дифференцированности, а также в силу того, что источником его развития являются внутренние противоречия, имеют место разные подходы к тем или иным историческим событиям. И хотя исследователь должен быть объективным и беспристрастным, тем не менее он еще человек и гражданин, и ему вовсе не безразлично, что происходит в обществе, в котором он живет. Одним он сочувствует, других презирает, третьих старается не замечать. Так устроен человек, и ничего с этим не поделаешь. У него есть эмоции, чувства, которые не могут не сказываться и на научной деятельности.

Исследователь не просто изучает историческую действительность, но и волей-неволей оценивает те или иные исторические факты и события. Ведь они же есть не что иное, как результат деятельности прошлых поколений. Возьмем, к примеру, Великую французскую революцию XVIII века. До сих пор одни оценивают ее позитивно, а другие негативно. Почему? Потому что у них разные мировоззренческие позиции. Те, кто сочувствует третьему сословию, крестьянам, бедным слоям французского общества, очень высоко ценят революцию. Один из ее приверженцев П.А. Кропоткин, анализируя причины революции, описал бедственное положение французских кре-

стьян и крестьянские бунты между 1775 и 1777 годами. «Это были голодные бунты. Урожай 1774 года был плох, хлеба не хватало. Тогда в апреле 1775 года начались бунты. В Дижоне народ завладел домами скупщиков-хлеботорговцев, разгромил их мебель, разломал их мельницы»[262]. Те же, кто выражает симпатии аристократии и власти Бурбонов, называют революцию кровавой и беспощадной и с презрением говорят о крестьянах-бедняках: «Тогда-то комендант города — один из тех изящных, утонченных господ, о которых говорит с таким восхищением Тэн, — произнес в обращении к народу роковые слова, которые потом столько раз повторялись во время революции против дворян: «Трава уже выросла — ступайте, ешьте ее»[263].

При оценке любых событий важно не переходить грани и не скатываться на позиции либо открытой апологетики, либо абсолютного отрицания. Есть некоторый объективный критерий, который дает возможность строго научно оценить тот или иной исторический факт: рассмотрение этого критерия связано с выяснением роли факта в истории, с его влиянием на последующее развитие общества. Если событие способствовало движению человечества по восходящей линии, демократизации социальных институтов, расширению свобод личности, то такое событие нельзя не оценить положительно. Но если оно (например, агрессивные войны) привело к гибели десятков тысяч людей, к развалу экономики, к деградации личности и общества, то всякий непредубежденный исследователь такое историческое событие оценит негативно.

Все три аспекта изучения исторических фактов взаимосвязаны, и потому их следует рассматривать в диалектическом единстве.

2. Модели объяснения исторических фактов

Исторические факты — это факты прошлого человечества, отражающие действия и поступки людей, и поэтому их следует объяснять, а не просто констатировать, как

---

[262] Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793. М., 1979. С. 22.

[263] Там же. С. 22.

это делают позитивисты. Если мы просто скажем, что восстание декабристов произошло 14 декабря 1825 года и этим ограничимся, то эта констатация мало что дает науке, задача которой состоит в том, чтобы раскрыть содержание фактов истории.

В западной философии истории наиболее распространенными методами или моделями объяснения исторических фактов являются модели американского философа Гемпеля и его канадского коллеги Дрея.

Модель Гемпеля называют еще дедуктивным методом объяснения истории. Она базируется на универсальных или «охватывающих» законах. Ее суть состоит в том, что высказывание о данном событии логически выводится из некоторых высказываний о предшествующих или сопутствующих обстоятельствах и из некоторых эмпирически проверяемых общих законов и теорий. Например, существует физический закон, согласно которому вода замерзает при температуре ниже нуля. Зимой машина была оставлена с водой в моторе. Мотор вышел из строя. Вывод: мотор вышел из строя, потому что температура воды опустилась ниже нуля. Таким образом, вывод дедуцируется из универсального физического закона. Это относится не только к природным, но и к общественным явлениям.

Гемпель считает, что любое конкретное (индивидуальное) событие не может быть полностью описано и объяснено. «Например, различные аспекты убийства Юлия Цезаря включают факт того, что Брут и Кассий составили политический заговор, что Брут и его друзья-заговорщики занимали такую-то и такую-то политическую позицию и стремились к тому-то и к тому-то, что Цезарь получил такие-то и такие-то раны, что, если можно положиться на мнение, с которым я столкнулся несколько лет тому назад и которое могло бы быть поддержано физикой, с каждым вдохом мы вдыхаем те молекулы кислорода и азота, которые были выдохнуты Цезарем в его последнюю минуту. Очевидно, полная характеристика индивидуального события, не говоря уже об объяснении, в этом смысле слова невозможна»[264].

[264] Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология науки. М., 1977. С. 80.

Дрей подвергает критике модель Гемпеля, экстраполирующего свой метод объяснения на все науки — как на естественные, так и общественные. Он выступает против такой экстраполяции, ибо, по его мнению, модель Гемпеля совершенно неприемлема в исторической науке, имеющей свою специфику, связанную со спецификой ее объекта исследования.

Модель Гемпеля резонно критикует также Арон. С его точки зрения, она не отвечает на вопросы: каковы те общие предложения, из которых выводится единичная связь. Не ясно, идет ли речь просто об универсальных законах или об эмпирической повторяемости. Не ясно также, чем причины отличаются от антецедентов? Главный недостаток модели Гемпеля Арон, как и Дрей, видит в том, что она не учитывает специфику исторического познания, связанного в отличие от познания природных процессов и явлений с изучением жизни людей, которые мыслили, творили, воспитывали детей, приумножали богатства и т.д. и т.п.

Нельзя не согласиться с Ароном. Действительно, необходимо учитывать разницу между историческим познанием и познанием природных фактов. Гемпель, например, пишет, что убийство Цезаря нельзя объяснить полностью. Видимо, абсолютно объяснить и истолковать ничего невозможно, но относительно это можно сделать. С точки зрения физики смерть Цезаря легко объяснить, так как известно, что после получения определенного количества ран человек умирает. Цезарь получил множество ран и поэтому он скончался. Но исследователю важно знать не столько физическую смерть римского диктатора, сколько причины его убийства, а это уже никакими законами физики не объяснить, ибо здесь уже действуют законы истории.

Модель Дрея называют еще рациональным объяснением исторических фактов и событий. Исследователь при изучении действий и поступков людей сталкивается с определенными трудностями, так как он не знает мотивов, лежащих в основе этих действий. Объясняя убийство Цезаря, надо знать мотивы его убийц. Плутарх, например, их объясняет стремлением Цезаря к царской власти, что, конечно, верно, но недостаточно. Вот почему для

понимания фактов необходимо иметь информацию о том, как люди оценивали свое положение и чего они хотели добиться, когда совершали свои действия. Историк начинает понимать поступки человека лишь тогда, когда он устанавливает их разумность.

Дрей пишет, что «при подобном подходе к объяснению имеется прямая связь между пониманием поступка человека и осознанием его рациональности»[265]. Он отмечает, что его модель объяснения исторических фактов и событий не признает никаких универсальных законов, потому что им не подчиняются действия субъектов истории, которые в одних случаях могут поступить так, а в других — иначе. Все зависит не от законов, а от сложившихся обстоятельств. Поэтому в историческом познании дедуктивное объяснение неуместно. Задача модели Дрея, как он сам пишет, состоит в том, чтобы показать, что поступки исторических деятелей с их собственной точки зрения были разумными.

Арон выразил свое отношение и к модели Дрея. Он считает, что она более плодотворна, чем модель Гемпеля, так как учитывает специфику исторического познания и включает в себя категорию понимания, без которой всякое исследование прошлого человеческого общества исключается. Плодотворность модели Дрея Арон иллюстрирует на примере франко-прусской войны 1870–1871 годов. Чтобы выяснить причины этой войны, пишет он, нужно знать цели и намерения немецкого канцлера Бисмарка. Как свидетельствует многочисленные факты, Бисмарк стремился к тому, чтобы спровоцировать войну между Францией и Пруссией, но хотел в глазах мировой общественности представить Францию в роли агрессора. В июле 1870 года во время совещания у Бисмарка к нему на подпись принесли текст записи беседы прусского короля с французским дипломатом. Прежде, чем подписать текст, Бисмарк спросил у военного министра и начальника генерального штаба, готова ли прусская армия к войне. Получив утвердительный ответ, он отредактировал текст таким образом, что его появление в печати в виде теле-

[265] Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология науки. М., 1977. С. 41.

граммы вызвало у французов резкий протест и возмущение. Император Франции Наполеон III был оскорблен. 19 июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии и быстро проиграла ее. Бисмарк добился своей цели: разгромив Францию, он объединил Германию. Таким образом, зная мотивы поступка Бисмарка, можно теоретически реконструировать франко-прусскую войну 1870–1871 годов.

Но Арон высказывает ряд критических замечаний в адрес модели Дрея. Он считает, что эта модель допускает фундаментальную ошибку, вытекающую из того, что, по Дрею, рационально объяснимые факты могут базироваться скорее на принципах действия, чем на принципах всеобщих законов. Дрей четко различает принцип действия и всеобщие, или универсальные, законы. Но принцип действия, по мнению Арона, вызывает споры, так как указание на то, что действие было рациональным, еще не означает, что мы можем объяснить поведение людей. Объяснение через принцип действия или здравого смысла не есть объяснение, потому что здравый смысл есть просто здравый смысл. Исследователь не должен приписывать субъекту истории свои собственные цели. Его задача заключается в том, чтобы попытаться выяснить, как исторические личности видели мир и как с учетом этого видения они принимали то или иное решение.

Тем не менее Арону больше импонирует модель Дрея, которая близка к герменевтике. Арон пишет, что герменевтическое понимание есть понимание текста, а также всего того, что может приравняться к тексту. Понимание элемента текста предполагает понимание всего текста и, наоборот, весь текст можно понять лишь тогда, когда поняты составляющие его части. Если мы хотим понять смысл трудов Макиавелли, то мы должны провести двойную работу: с одной стороны, мы должны подробно изучить все, что написал итальянский мыслитель, а с другой — знать смысл, который люди его эпохи придавали различным словам. Макиавелли можно понять только в его времени, а время можно понять в том числе и через Макиавелли.

Герменевтика, продолжает Арон, в качестве отправной точки берет опыт, являющийся достоянием всех людей. В гомогенном мире они легко понимают друг друга, потому

что у них выработались общие представления, общие нормы поведения, общие коммуникативные черты (жесты, выражения лица и т.д.). Но когда люди попадают в другой мир, то многое им бывает совершенно непонятно. Так, европеец испытывает определенные трудности в Японии, потому что там другие традиции и нормы поведения. Но еще труднее понять людей, живших в далекую эпоху.

Критическая философия истории, по мнению Арона, использует герменевтические методы познания исторического прошлого, исторических фактов и событий. Арон подчеркивает, что задача историка состоит не столько в отборе соответствующих материалов, сколько в понимании и проникновении в психологию людей, с деятельностью которых связаны эти материалы. Для изучения какой-либо войны, продолжает Арон, прежде всего необходимо понять настроение участвовавших в ней людей. Но понять эти настроения очень трудно, ибо битва, пережитая генералом, отличается от битвы, пережитой солдатом. Общий вывод, к которому приходит Арон, состоит в том, что ни одна модель объяснения исторических фактов не может полностью воспроизвести историческую картину мира и создать цельное представление о прошлом.

Сам Арон много внимания уделил историческому познанию, пониманию и объяснению исторических фактов и событий. Он прежде всего вводит понятия познания самого себя и познания другого. Каждый человек считает, что он знает себя лучше, чем другие, хотя, может быть, на самом деле другие его лучше знают. Познание самого себя, отмечает Арон, трудно разрешимо, цель его не совсем ясна. Знать себя, полагает Арон, значит стать историком своего прошлого, психологом своего характера, быть в состоянии открыть свои способности, выбрать свое желание и т.д. Но, по мнению основоположника критической философии истории, это невозможно. Чтобы знать свои прошлые поступки, необходимо выяснить их мотивы. Но это невозможно, ибо, когда принималось решение, у человека было одно состояние, а после принятия решения, особенно если прошло много времени, состояние стало другим. Человек, вспоминая некоторые штрихи из своего детства, начинает стыдиться тех или иных совершенных им поступков. Однако это чувство

стыда не похоже на те чувства, которые были в детстве, ибо это чувство взрослого человека, а не ребенка. Познание самого себя включает всестороннее и полное изучение человека, но это невозможно, пишет Арон, ибо, чем больше мы изучаем события, тем больше вопросов о нашем собственном «я» возникает. К тому же в процессе познания мы меняемся, и поэтому наше знание о самом себе всегда носит релятивистский характер.

От познания самого себя Арон переходит к познанию другого. Речь идет о том, в каких случаях мы знаем, вернее, понимаем другого, какие у нас для этого есть возможности, с помощью каких средств возможно познание другого. Арон рассматривает три формы непосредственного познания другого.

Суть первой формы заключается в том, что с помощью выражения лица схватывается настроение человека. Это экспрессивное познание. Вторая форма является анонимной, она ограничивается интерпретацией жестов или слов, которые сами по себе понятны. Арон отмечает, что эти формы познания другого мы встречаем в повседневной жизни, потому что они — необходимый компонент нашей жизни. Третья форма познания является «познанием по симпатии», по эмоциональной общности.

Познание самого себя и познание другого служат Арону переходным мостиком к историческому познанию. Они проходят в интимной атмосфере, т.е. в обоих случаях мы имеем дело со своими современниками, с которыми у нас много общего. Поэтому наша задача здесь облегчается. В историческом познании, продолжает Арон, нет этой интимной атмосферы, потому что исследователь и люди прошлой эпохи, деятельность которых он изучает, лишены возможности непосредственного общения. Ученый сам конструирует прошлое, воспроизводит его. Поэтому это прошлое зависит от субъекта-исследователя.

Арон исходит из множественности интерпретаций исторического прошлого, что он связывает со сложностью и многообразием самого исторического процесса. Прежде всего французский философ анализирует систему коммуникации между людьми. Для общения между собой люди используют определенные системы знаков, которые они получают извне. Так, например, то или иное слово имеет

определенное зафиксированное значение, но то значение, которое ему придает каждый индивид в данный момент, отличается от общепринятого значения, полученного извне. В обычной беседе, чтобы заполнить интервал между тем, что хотят сказать, и тем, что говорят, вынуждены прибегать к жестикуляции. Но люди понимают друг друга с трудом, потому что не всегда можно понять жесты своего собеседника. Гораздо труднее интерпретировать прошлое. «Когда собеседники отделены друг от друга веками, единственная интерпретация языка заключается в реконструкции использованных систем... но нет никогда уверенности в том, что можно добиться единственно возможной интерпретации...»[266].

В историческое познание Арон вводит два понятия: понятия очевидности и заключения. Под очевидностью он подразумевает совокупность данных, которыми располагает ученый, а под заключением выводы, к которым приходит ученый после исследования данных. Он располагает источниками разного характера и при их анализе прежде всего интересуется, почему произошло то или иное событие, что думали по этому поводу современники, что думали главы правительств и т.д. Но ученый, продолжает Арон, наталкивается на большие трудности, так как он обнаруживает контраст между несвязанностью пережитой истории и рассказанной истории. В качестве примера Арон берет битву при Ватерлоо. «В чем заключается реальность этой битвы? Тысячи и тысячи людей мыслили, действовали, жили, сражались, гибли. Состоит ли реальность из движений индивидов? Но эти движения, если наблюдать со стороны, не имеют смысла... реальность слагается из этих движений и из состояний сознания. Последние придают смысл движению. Но что создает единство этих бесчисленных мыслей и движений? Материальным единством является место и время: битва началась в определенный час дня, в определенном месте и закончилась в определенное время и на определенном месте. Но это пространственно-временное единство является строго материальным... Состояния сознания являются составной частью реальности. Они множественны

[266] Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Paris, 1948. P. 91.

и бесчисленны. Откуда происходит их единство? Единство, которое называют битвой при Ватерлоо? Ответ следующий: историческое единство сконструировано, но не пережито»[267].

Основоположник критической философии истории правильно обращает внимание на трудности исследования исторических фактов и событий, но он отвергает их объективность, т.е. независимое существование от исследователя, тем самым лишая историческое познание возможности адекватно отражать происшедшие события.

Модели Гемпеля и Дрея, на мой взгляд, нельзя противопоставлять друг другу, поскольку одна дополняет другую. Поэтому обе модели можно использовать в исторических исследованиях. Но нельзя отказываться и от традиционных методов изучения общества. Здесь прежде всего следует сказать о диалектическом методе как универсальном средстве изучения объективного мира, требующем всестороннего рассмотрения исследуемого объекта. Этот объект должен быть изучен в становлении, в связи с другими объектами. Если, например, исследуется поход Наполеона на Россию, то нельзя ограничиться простой констатацией того факта, что в 1812 году французская армия вторглась на территорию России. Надо объяснить, почему Наполеон решил воевать с Россией. А для этого следует обратиться к экономическим, политическим, социальным и другим вопросам тогдашней Европы. Нужно выяснить, какие экономические и политические цели преследовал французский император, каковы были его отношения с европейскими государствами, какие противоречия между ними существовали и т.д.

Очень плодотворен *компаративный* (сравнительный) метод, суть которого заключается в сравнении сходных социальных явлений и выводов новых знаний. Если в распоряжении ученого оказывается недостаточное количество материалов по исследуемому историческому факту, то путем сопоставления со сходным фактом он может получить необходимые знания о данном факте. При этом допускается сравнение близких по времени и пространственному расположению событий и фактов, а не вообще

[267] Aron R. Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961. P. 75–76.

любых фактов. Так, медиевист, изучающий историю Франции средних веков, легко может применить сравнительный метод при выяснении тех или иных вопросов, касающихся Франции. Он может обратиться, например, к истории Великобритании, которая, как и Франция, переживала аналогичные процессы.

Компаративный метод можно использовать и для уточнения тех или иных фактов. Берутся разные источники, освещающие одно и то же событие, и сопоставляются. Если в целом в них одинаково описывается факт, то появляется больше уверенности в том, что этот факт действительно имел место и что его содержание передано верно. Возьмем, например, убийство Юлия Цезаря и сравним его описания, сделанные Плутархом и Гаем Светонием Транквиллом. Плутарх пишет, что Цезарь пришел в сенат, сел в кресло, часть заговорщиков пристала к нему с просьбами, но он выразил каждому свое неудовольствие. Далее приведем полностью Плутарха: «Тут Туллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, что было знаком к нападению. Каска первым нанес удар в затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна: Каска, по-видимому, вначале был смущен дерзновенностью своего ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь по-латыни — «Негодяй, Каска, что ты делаешь?», а Каска по-гречески, обращаясь к брату, — «Брат, помоги!». Непосвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось слу-

чайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщения своему противнику, распростертому у его ног, покрытого ранами и еще содрогавшемуся. Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны»[268]. Гай Светоний Транквилл: «Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знаком подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла. Цезарь хватает Каску за руку, прокалывает ее грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами...»[269]. Авторы, за исключением некоторых незначительных расхождений, одиноко излагают убийство римского диктатора Ю.Цезаря, что дает нам основание сказать, что до нас дошло верное представление об окружении Цезаря и о последних часах его жизни.

Вообще сравнительный метод полезен, ибо он доказывает единство мировой истории, относительную повторяемость в историческом процессе. Но вместе с тем нельзя абсолютизировать роль этого метода, поскольку история постоянно изменяется и развивается. Если даже два явления чем-то схожи, то отсюда вовсе не следует, что они абсолютно тождественны. Каждое явление имеет свои собственные причины возникновения, оно появляется в определенное время и на определенном месте. Когда мы говорим о повторяемости, то имеем в виду повторяемость *не по форме, а по содержанию.*

Широко применяется в историческом познании и такой метод как *гипотеза.* Историк имеет дело с прошлым и, пожалуй, ему чаще всего приходится прибегать к гипотетическим суждениям, поскольку перед ним возника-

[268] Плутарх. Соч. М., 1983. С. 163.
[269] Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 47.

ют проблемы, которые с ходу решить нельзя. Поэтому он выдвигает различные гипотезы, которые не лишены научной достоверности. Другими словами, основу гипотез составляют уже апробированные достоверные знания. Выдвижение той или иной гипотезы не носит произвольный характер, а базируется на законах познания объективного мира.

В историческом познании гипотеза основывается на диалектическом подходе к исследованию исторического прошлого, требующего рассмотрения фактов в их взаимной связи и развитии. Гипотеза играет важную эвристическую функцию. Она позволяет легче ориентироваться в анализируемом материале, строить различного рода догадки и выводы и т.д. С ее помощью мы пытаемся выйти за пределы существующих знаний и предложить наличие таких знаний, которых еще не было. В процессе дальнейших поисков многие гипотезы либо подтверждаются, либо опровергаются.

Таким образом, существуют различные методы и модели исследования исторического прошлого, исторических фактов и событий, рациональное применение которых дает хорошие научные результаты. В настоящее время в распоряжении историков находятся кибернетика; электронно-вычислительные машины, позволяющие быстро и безошибочно решать те или иные задачи исторического познания.

ГЛАВА 14
ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

1. Истина и заблуждение

Основной задачей науки является получение таких результатов, которые должны адекватно отражать сущность исследуемого объекта. Иначе говоря, они должны быть истинными. Кропотливый труд ученого-историка посвящен также установлению истинности исторических фактов и событий. На базе его работ у людей формируется реальное представление о своем прошлом, что помогает им в практической деятельности, в освоении ценностей, унаследованных от прошлых поколений.

Но процесс получения истинных знаний, адекватно отражающих объективный мир, сложен, противоречив и длителен. Сама истина в отличие от правды есть процесс. Понятие правды связано с явлением, понятие истины с сущностью. Они не всегда совпадают по содержанию. Не всякая правда есть истина, тогда как всякая истина имеет правдивый характер. Правда есть констатация факта, события, явления, а истина — поиск, проникновение в глубь фактов и событий. Поэтому наука оперирует не понятием правды, а понятием истины.

Получение истинных знаний — процесс чрезвычайно трудный, но еще сложнее это делать в исторической науке. Нелегко, например, приходится тем, кто исследует античный мир. С одной стороны, не всегда хватает соответствующих источников, да и расшифровка многих из них порою сталкивается с непреодолимыми препятствиями, хотя современный исследователь имеет в своем распоряжении более мощные средства познания, чем его коллеги прошлых времен. Нелегко и специалисту современной, новейшей, истории, так как изучаемые факты еще не ушли, так сказать, в «чистую» историю и оказывают влияние на ход текущих процессов. В этих условиях ему приходится приспосабливаться и часто во имя конъюнктуры поступаться истиной. Тем не менее надо заниматься поисками истин, ибо в науке требуется не меньше смелости и храбрости, чем на поле боя.

Трудности установления истины в творческой науке, как уже отмечалось, связаны с самим объектом исследования. Прежде всего — это прошлое и спросить не у кого. Историки имеют дело только с «немыми» источниками, документами, сведениями, летописями и т.д. Часто они противоречат друг другу и содержат взаимоисключающую информацию об одном и том же событии. Еще труднее изучать эпоху первобытного общества, не оставившего письменных источников.

Неудивительно поэтому, что ученый может заблуждаться, хотя, как писал Гегель, заблуждение свойственно любому человеку. А заблуждение противоположно истине. Однако это такая противоположность, которая полностью не отрицает ту или иную сторону истины. Иначе говоря, противоречие между заблуждением и истиной носит диалектический, а не формальный характер. И поэтому заблуждение не есть нечто такое, что с ходу нужно отбросить. Ведь оно связано с нахождением истины, с получением подлинных знаний.

Заблуждение — ступень на пути нахождения истины. Оно может в определенных условиях стимулировать научную деятельность, побуждать к новым поискам. Но оно может и тормозить научные исследования и в конце концов вынудить ученого бросить науку. Нельзя путать заблуждение с ошибочным теоретическим положением, хотя они близки по содержанию. Заблуждение есть нечто, имеющее рациональное зерно. Более того, заблуждение совершенно неожиданно может привести к новым научным открытиям. Само собой разумеется, что заблуждение базируется на определенных научных принципах и средствах познания истины. И, как отмечал Гегель, из «заблуждения рождается истина, и в этом заключается примирение с заблуждением и с конечностью. Инобытие, или заблуждение как снятое, само есть необходимый момент истины, которая существует лишь тогда, когда она делает себя своим собственным результатом»[270].

Вопросы истины в историческом познании находятся в центре внимания критической философии истории. Но

[270] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 399.

она их интерпретирует с позиции субъективизма и релятивизма. Ее сторонники считают, что историческое прошлое состоит из отдельных кусков и частей, что история есть наука об единичном, что всякое событие уникально и неповторимо и поэтому нет общезначимых истин, т.е. таких, которые признавались бы всеми исследователями. Каждый из них по-своему познает исторические факты и устанавливает собственную истину.

Историк работает не для того, чтобы удовлетворить потребности людей, желающих знать исторические события и явления. Нет, он стремится прежде всего к тому, чтобы убедить себя в истинности своего понимания предмета исследования. Мару, например, утверждает, что «историк работает не для публики, а для себя самого, и истина результатов его исследований будет выделена и найдена тем быстрее, чем быстрее рассматриваемая проблема станет его проблемой, от которой в конце концов зависит его собственная персона и смысл его жизни»[271]. Историк не стремится к тому, чтобы угодить всем, он прежде всего должен убедить себя в истинности своего понимания прошлого. А что касается знаний, заключает Мару, то они имеют релятивный характер, ибо не дают нам полного знания об объекте изучения и к тому же быстро устаревают.

Таким образом, по Мару, получается, что истина не имеет объективного характера, не есть адекватное отражение исторической действительности, а есть нечто субъективное, которое истинно для тех ученых, кто использует одни и те же средства познания. Установление истины как адекватного отражения действительности требует признания ее объективности, т.е. признания того, что содержание наших представлений об окружающей действительности не зависит от нас. Так, утверждение о том, что Земля вращается вокруг Солнца, истинно и оно от нас не зависит, потому что отражает объективные природные процессы. Или если кто-то утверждает, что в Москве функционирует метро, то это утверждение истинно, ибо действительно в Москве давно работает метро. И мы не можем не признать истинность этого факта.

---

[271] Marrou A.I. De la connaissance historique. Paris, 1973. P. 220–221.

Объективная истина включает в себя два момента — абсолютную и относительную истины. Наличие этих двух форм истин связано со спецификой процесса познания мира. Познание бесконечно, и в ходе наших исследований мы получаем знания, которые более или менее адекватно отражают историческую действительность. Такого рода истины принято называть абсолютными истинами. Так, никто не сомневается, что Александр Македонский был основателем Греческой империи. Это, так сказать, абсолютная истина, которую следует отличать от «банальной» истины, содержащей в себе лишь какую-то информацию, не подлежащую никакому пересмотру ни в настоящем, ни в будущем. Скажем, человек без пищи не может жить. Это банальная истина, она абсолютна, но в ней нет моментов относительности. Абсолютная же истина содержит такие моменты. Относительные истины неполно отражают объективную действительность.

Обе формы истины находятся в неразрывном единстве. Только в одном случае превалирует абсолютная истина, а в другом — относительная. Возьмем тот же пример: Александр Македонский был основателем Греческой империи. Это абсолютная истина, но вместе с тем она и относительна в том смысле, что констатация того, что Александр основал империю, не раскрывает тех сложных процессов, которые происходили при формировании этой огромной империи. Анализ этих процессов показывает, что многие из них нуждаются в дальнейших исследованиях и в более фундаментальном рассмотрении. Рассуждения о диалектике абсолютной и относительной истины полностью относятся и к историческому познанию. При установлении истинности исторических фактов мы получаем какие-то элементы абсолютной истины, но процесс познания на этом не заканчивается, и в ходе дальнейших наших поисков к этим истинам добавляются новые знания. Если, допустим, мы изучаем нашествие монголов на Россию, то легко устанавливаем, что такое нашествие имело место, что длительное время Россия была оккупирована монгольскими ордами. Это для нас абсолютная истина и никогда не будет опровергнута, но в ходе наших дальнейших исследований мы к ней добавляем новые знания об этом ужасном периоде России.

Что касается релятивизма, то он включается в теорию познания, в том числе исторического познания. Он тем ценен, что выступает против всякого догматизма — злейшего врага науки и закостенелости научных знаний и теорий. Он не останавливается на достигнутом и ищет дальнейших путей научного развития. Он будоражит мысль ученого, наталкивает его на постоянные поиски объективной истины. Но абсолютизация релятивизма опасна, так как это приводит фактически к отрицанию научных результатов, накопленных тысячелетней историей человечества. Поэтому главным постулатом ученого остается единство абсолютной и относительной истины.

2. Критерий истины

Истинность научных знаний и теорий должна быть подтверждена какими-то показателями, иначе они не будут признаны в качестве научных результатов. Но найти критерий истины — дело трудное и весьма сложное. Поиски такого критерия приводили к различным концепциям в науке и философии. Одни объявляли критерием истины взаимное согласие ученых (конвенционализм), т.е. считать критерием истины то, с чем все согласны, другие объявили критерием истины полезность, третьи — деятельность самого исследователя и т.д.

Маркс в качестве основного критерия выдвинул практику. Уже в «Тезисах о Фейербахе» он писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос»[272]. Именно практическая деятельность доказывает истинность или ложность наших знаний.

Понятие практики нельзя ограничивать лишь материальным производством, материальной деятельностью, хотя это главное, но следует включать в него и другие виды деятельности — политическую, государственную,

[272] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1–2.

духовную и т.д. Так, например, относительное тождество содержания источников об одном и том же объекте есть по существу практическая проверка истинности полученных результатов.

Практика есть не только *критерий* истины, но и *основа* познания. Только в процессе практической деятельности по преобразованию мира, по созданию материальных и духовных ценностей человек познает окружающую его природную и социальную действительность. Кажется, Гегель говорил, что тот, кто хочет научиться плавать, должен прыгнуть в воду. Никакие теоретические наставления не сделают юношу футболистом, пока он не будет играть в футбол, а критерием его умения играть выступает практика. Гегель же писал, что «позиция непредубежденного человека проста и состоит в том, что он с доверием и убежденностью придерживается публично признанной истины и строит на этой прочной основе свой образ действий и надежное положение в жизни»[273].

Что касается исторического познания, то в данном случае практика служит критерием истины, хотя встречаются определенные трудности, связанные с предметом исследования. Но здесь надо указать на одну особенность критерия истинности в историческом познании: дело в том, что отбор источников, их сравнение и сопоставление, их классификация и скрупулезный анализ — короче говоря, научное исследование, использующее все методы и средства познания мира, следует рассматривать как практическую деятельность, подтверждающую наши теоретические выводы. Далее, нужно исходить из того, что различные источники, документы, данные археологии, произведения литературы и искусства, труды по философии и истории более или менее полно отражают ту историческую действительность, которую мы изучаем. Как бы скептически мы ни относились к историческим работам Фукидида, его «История Пелопоннесской войны» представляет собой неплохой источник для изучения этой войны. Можно ли пренебречь «Политикой» Аристотеля при изучении государственного устройства Древней Греции?

---

[273] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 46.

Не следует забывать и то, что исторический процесс един и непрерывен, в нем все взаимосвязано. Настоящего нет без прошлого, так же как нет будущего без настоящего. Настоящая история неразрывно связана с прошлой, которая оказывает на нее влияние. Например, последствия завоеваний, осуществленных Римской империей, не исчезли бесследно. Они до сих пор неразрывно присутствуют в жизни многих стран, оказавшихся в свое время в пределах Римской империи. Исследователь истории Рима легко может подтвердить свои теоретические выводы сегодняшней практикой. Так, нетрудно доказать, что высокий уровень цивилизации в западных странах во многом объясняется тем, что Западная Европа унаследовала достижения греко-римской цивилизации, выдвинувшей устами Протагора знаменитый афоризм: «Человек есть мера всех вещей». А без этого афоризма не появилась бы теория естественного права, согласно которой все люди имеют одинаковые права на обладание вещами. Без римского права не было бы в западных странах универсального права, которому обязаны подчиняться все граждане государства. Без сильных китайских традиций не был бы совершен плавный, эволюционный переход к рыночным отношениям.

Практику как критерий истины нужно рассматривать диалектически. С одной стороны, этот критерий — абсолютен, а с другой — относителен. Критерий практики абсолютен в том смысле, что нет просто другого критерия, имеющего объективный характер. Ведь конвенционализм, полезность и т.д. имеют явно субъективный характер. Одни могут соглашаться, а другие нет. Одни могут считать истину полезной, а другие нет. Критерий должен быть объективным, ни от кого не зависеть. Этим требованиям как раз отвечает практика. С другой стороны, сама практика, охватывающая деятельность людей по созданию материальных и духовных ценностей, меняется. Поэтому ее критерий относителен, и если мы не хотим превратить в догмы теоретические знания, то должны их менять в зависимости от изменившихся обстоятельств, а не цепляться за них.

ГЛАВА 15
ПРОБЛЕМА РАЗУМА В ИСТОРИИ

1. Рациональное и иррациональное в обществе

Проблема разума в истории впервые была поставлена Гегелем, который утверждал, что развитие исторического процесса носит разумный, т.е. закономерный характер. История не есть иррациональный поток фактов, событий и процессов, а имеет свою имманентную логику.

В «Философии права» Гегель выдвинул знаменитый тезис:

Что разумно, то действительно;
И что действительно, то разумно[274].

Этот тезис вызвал бурную реакцию многих философов, которые подвергли его критике. Отвечая своим оппонентам, Гегель писал: «Эти простые положения многим показались странными и подверглись нападкам даже со стороны тех, кто считает бесспорной свою осведомленность в философии и, уж само собой разумеется, также в религии. Ссылаться в этом отношении на религию излишне, так как в ее учении о божественном миропорядке вполне определенно содержатся эти положения. Что же касается их философского смысла, то мы имеем право предполагать, что критики настолько образованны, чтобы знать не только то, что бог действителен, что он есть наидействительнейшее, что он один только истинно действителен, но в отношении формальной стороны этих положений также и то, что наличное бытие (Dasein) представляет собой частью *явление* и лишь частью действительность. В повседневной жизни называют *действительностью* всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было превратно и преходяще. Но человек, обладающий хотя бы обыденным чувством языка, не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия действительного; случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем *возможное*,

[274] Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 53.

которое одинаково могло бы и быть и *не быть*»[275]. Действительность Гегель определяет как единство сущности и существования, причем существование выступает в форме явления.

Но и после смерти Гегеля это знаменитое положение не переставало волновать философов, каждый из которых интерпретировал его по-своему. Широко известна энгельсовская характеристика. «Ведь оно, — писал Энгельс, — очевидно, было оправданием всего существующего, философским благословением деспотизма, полицейского государства, королевской юстиции, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III; так думали и его подданные. Но у Гегеля вовсе не все, что существует, является безоговорочно также и действительным. Атрибут действительности принадлежит у него лишь тому, что в то же время необходимо... Но необходимое оказывается, в конечном счете, также и разумным, и в применении к тогдашнему прусскому государству гегелевское положение означает, стало быть, только следующее: это государство настолько разумно, насколько соответствует разуму, насколько оно необходимо. А если оно все-таки оказывается, на наш взгляд, негодным, но, несмотря на свою негодность, продолжает существовать, то негодность правительства находит свое оправдание и объяснение в соответственной негодности подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали»[276].

Действительность, по Гегелю, со временем становится недействительностью, неразумной, иррациональной, хотя она еще существует. Таким образом, получается, что не все, что существует, разумно, а действительно только разумное существование. То, что неразумно, недействительно, хотя существует. Итак, Гегель поставил вопрос о рациональном (разумном) и иррациональном (неразумном). Иррациональное тоже действительно, но существует в превращенной форме.

Мысли Гегеля материалистически развил Маркс, когда в «Капитале» анализировал буржуазный способ производства. Маркс пишет, что предметы потребления ста-

---

[275] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 89–90.

[276] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 274.

новятся товаром потому, что они являются продуктом частных работ. Но их производители вступают в контакт между собой лишь благодаря обмену продуктов своего труда. Поэтому специфический частный характер работ производителей проявляется только в рамках обмена. «Другими словами, отдельные частные работы фактически реализуются как звенья совокупного общественного труда, — лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т.е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют на самом деле, т.е. не непосредственно общественными отношениями, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей»[277]. Можно сказать и иначе. рациональные общественные отношения превращаются в иррациональные — в вещные отношения лиц.

Но рациональное и иррациональное наличествуют не только в капиталистической системе, а во всех социальных организмах. В первобытном обществе, как мне кажется, иррациональное даже превалировало, когда люди не могли объяснить сколько-нибудь разумно свои действия, хотя они поступали сознательно.

Почему иррациональное есть имманентная черта истории? Ведь в ней действуют сознательные существа, homo sapiens? Дело в том, что общество действительно представляет собой продукт взаимодействия людей, поступающих разумно. Каждый индивид сознательно устраивается на работу, сознательно обзаводится семьей, квартирой, словом, всем тем, что необходимо для нормальной жизни. Но известно и другое: желаемое совершается в очень редких случаях. В основном получается так, что результат деятельности примерно совпадает с желаемым, а то и вовсе ему противоречит. Иными словами, разумные поступки как бы порождают неразумные результаты. Причина такого парадоксального положения состоит в том, что общество — сложный, многогранный процесс и как таковой оно постоянно меняется и развивается. Когда человек принимал одно решение, то были

[277] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 36.

одни обстоятельства, а когда приступил к его реализации, то сложилась иная ситуация. Человеку все время приходится приспосабливаться к этой новой ситуации, состоящей из бесконечного множества разнообразных факторов, оказывающих доминирующее влияние на результат его деятельности.

Такое явление наблюдается не только в отношении индивидов, но и больших социальных групп, классов, сословий, каст, народов. Люди действуют совместно, планируют получить нечто общее, а в конце труда оказывается, что получили то, чего никто не хотел и не ожидал. Рациональные действия порождают иррационализм. Возьмем революцию. Все угнетенные классы ждут ее с нетерпением, они ее совершают, радуются, ликуют, празднуют, а потом спустя некоторое время наступает разочарование. Для некоторых даже жизнь кончается трагически. И дело не в том, что вожди революции, которые сами тоже часто становятся жертвами этой же революции, предали ее, отказались от реализации ее привлекательных лозунгов, а в том, что у индивида, как и у класса, есть идеал, а идеал и действительность никогда не совпадают. Возьмем другой пример — государство. Оно представляет собой мощный политический институт и призвано регулировать отношения классов, индивидов, общества и личности, устанавливать межгосударственные связи и т.д. И оно вроде искренне стремится к тому, чтобы была стабильность, мир между классами, нациями и всеми членами общества. И тем не менее история свидетельствует о трагической жизни многих народов, наций и людей вообще. Это еще одно доказательство неразрывного единства рационального и иррационального в обществе.

Данный тезис касается не только социума, но и каждого индивида. Мы не всегда поступаем разумно, т.е. обдуманно и целенаправленно. Многие наши движения и жесты носят автоматический характер. Если, например, на меня напали, то инстинкт самосохранения срабатывает, и я использую все средства, чтобы защитить свою жизнь, и если у меня окажется оружие, то я его непременно при возможности применю, хотя последствия могут для меня оказаться роковыми. А в нормальных условиях, прежде чем стрелять, я бы десять раз подумал, по-

тому что мои действия носили бы рациональный характер, тогда как в экстремальных обстоятельствах они выступают в форме иррационализма.

Не следует бояться того, что в человеческом обществе рациональное и иррациональное находятся в неразрывном единстве. Кризис общества наступает тогда, когда иррационализм преобладает, когда общественное сознание оказывается в плену у мистики, испытывает сильнейшее давление всяких иррационалистических взглядов и воззрений, оккультизма и мракобесия. Такое общество нужно считать больным, и на его выздоровление уходят многие и многие годы. А может случиться и так, что болезнь окончательно доконает его, и в конце концов организм погибнет.

Ретроспективный анализ истории показывает, что в нормальном и стабильно развивающемся обществе всегда доминирует рациональное, люди уверены в своем будущем, их не преследует страх за своих детей и близких, и они испытывают наслаждение от жизни. Но в обществе, находящемся в глубоком экономическом, политическом и духовном кризисе, иррационализм получает невиданный размах. Все как бы сходят с ума. Даже многие представители научной интеллигенции, казалось бы, зараженные духом рационализма, ибо наука базируется на рационалистических идеях, обращаются к иррациональным концепциям. Видимо, причина этого состоит в том, что каждый человек как таковой хочет в трудную минуту получить поддержку откуда-то, и ученый, прекрасно сознавая, что нет никаких сверхъестественных сил, тем не менее тайно или открыто призывает их на помощь.

История всегда имела драматический, а порою и трагический характер. Это касается и человека, хотя бы потому, что он сознает свою смерть и, следовательно, свой конец, и ему не хочется исчезнуть навсегда. Поэтому человек часто обращается к иррационалистическим воззрениям, дающим ему веру в бессмертие. История свидетельствует о войнах, об исчезновении целых народов и цивилизаций. И поэтому кажется, что она сшита из иррациональной ткани, хаотична и бессмысленна. Но это ошибочный, поверхностный, созерцательный взгляд на исторический процесс. Его сущностный анализ показы-

вает, что за иррационализмом скрывается логика развития общества, что «разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»[278].

И не нужно бояться того, что рационализм и иррационализм в истории находятся в диалектическом единстве. «Нерациональное преодолевается по мере развития человечества и его мышления. Этот исторический процесс превращения нерационального в рациональное никогда не заканчивается в движении познания и практики. Остаток нерационального имеется всегда, и если одно перестало быть таковым, обязательно возникло другое, человеческая мысль постоянно сталкивается с чем-то новым, чем еще не овладел наш разум и основывающаяся на нем практика»[279]. Абсолютно рациональное общество не менее опасно, чем иррациональное. Если же человек полностью будет рационализировать свой образ жизни, то он от скуки может психически заболеть. Поэтому не надо бояться иррационального, главное заключается в том, чтобы хитрость разума всегда служила путеводной звездой.

Однако следует подчеркнуть, что современному обществу угрожает усиление иррационализма. На это обратил внимание еще К.Манхейм. Более шестидесяти лет назад в связи с анализом рациональных и иррациональных элементов в обществе он выдвинул три тезиса. Суть **первого** тезиса заключается в том, что «современное общественное устройство ждет крушение, если рациональное самообладание всех людей и отдельных индивидов не будет идти в ногу с техническим развитием»[280]. К.Манхейм пишет, что возникла диспропорциональность в развитии человеческих сил. С одной стороны, наблюдается развитие науки и техники, а с другой — моральное совершенствование общества не успевает за этим развити-

---

[278] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 397.
[279] Копнин П В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 123.
[280] Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.

ем. Отсюда следует **второй** тезис: «рост рациональности, формирование инстинктов и моральности являются в общественном развитии не чем-то случайным и отнюдь не в первую очередь делом отдельных индивидов и их способностей, а зависят от данной общественной структуры задач»[281]. Одни индивиды, социальные группы оказываются в более привилегированном положении, чем другие, что не может не сказываться негативно на всем развитии общества. **Третий** тезис сводится к тому, «что все предшествующие общества могли допускать диспропорциональность в распределении рациональности и моральных сил, так как они основывались именно на этой социальной диспропорциональности рациональных и моральных элементов... Новое в современном обществе состоит, по моему мнению, в том, что оно длительно не может выносить обе упомянутые формы диспропорциональности: ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»[282]. К.Манхейм выражал обеспокоенность таким положением вещей.

В наше время ситуация еще более ухудшилась. С одной стороны, мы являемся свидетелями огромных достижений человечества в области науки и техники. Научно-техническая революция совершила коренной переворот в производительных силах, что в свою очередь привело к изменению всех общественных отношений. А научно-техническая революция, как известно, не могла совершиться без рационализма, поскольку наука и техника базируются на рационализме. С другой стороны, иррационализм начинает пронизывать все стороны общественной жизни. В формировании мировоззрения людей начинают доминировать иррациональные элементы. В философии возникает постмодернистское течение, которое все беды двадцатого века сваливает на рационализм. Постмодернисты проповедуют разочарование в разуме. Они отвергают рационализм, общественный прогресс и философию Просвещения. «Был совершен радикальный

[281] Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.
[282] Там же. С. 288.

разрыв с Просвещением и с верой в бесконечный прогресс, который пропагандировал Кондорсе»[283].

Если в эпоху К.Манхейма возможная победа иррационализма была опасна для общества, то в наше время триумф иррационалистических воззрений может привести к гибели самого человечества. Во-первых, мы живем в эпоху планетарного мышления, предполагающего всеобщую заинтересованность в совершенствовании и улучшении общественных отношений, в создании современному человеку соответствующих жизненных условий для реализации своих физических и духовных потенций. Во-вторых, как уже выше отмечалось, человечеству необходимо в XXI веке решить глобальные проблемы, а это возможно лишь на базе рациональных средств и методов. Иррационализм, связанный с эмоциями, чувствами и безрассудным поведением (например, терроризм), может обострять, а не разрешать социальные конфликты и межгосударственные противоречия. Разум и еще раз разум должен решать все эти проблемы. В-третьих, использование ядерной энергии немыслимо без рациональных действий. Если даже абстрагироваться от ядерного оружия, то не следует забывать мирное использование атомной энергии. Все сказанное свидетельствует о том, что рациональное всегда должно доминировать в обществе. Это было верно для прошлых эпох. Это еще вернее для современной эпохи.

2. Необходимость и случайность в истории

Из предыдущего параграфа видно, что Гегель разумным считал то, что необходимо, а необходимым то, что разумно. Если, скажем, существующие социальные институты необходимы, то они и разумны, т.е. не являются чем-то случайным для социума, а связаны с его сущностью. Необходимость вытекает из внутренней природы вещей, явлений и процессов объективной действительности. Она связана с внутренними, устойчивыми и повторяющимися отношениями.

---

[283] Dosse F. Histoire du structuralisme. 1. Le champ du signe, 1945–1966 Paris, 1992. P. 412.

Необходимость — это то, что не может не произойти в данных условиях, так как сложившиеся обстоятельства подталкивают к тому, чтобы произошло именно то, что непременно должно было произойти. В историческом процессе переход от низшего к высшему, от одного качественного состояния к другому совершается необходимым образом, поскольку этот переход связан с имманентной логикой развития социума. В обществе, как и в природе, имеются определенные причинно-следственные связи, которые приводят к соответствующим изменениям тех или иных социальных феноменов, институтов и учреждений. Противоречия между старым и новым с необходимостью приводят к замене старого новым. Иначе нет движения вперед. Поэтому когда приходит время, т.е. созревают необходимые условия, то старые общественные отношения, отслужившие свой век, становятся неразумными, мешающими развитию социума, и заменяются более прогрессивными отношениями. Такова логика развития человеческого общества, и независимо от того, хотим мы этого или нет, эта логика пробивает себе дорогу.

Необходимость в истории признавал и Ж.-П. Сартр. «Мы хотим показать, — пишет он, — что Наполеон был нужен, что революция породила одновременно диктатуру и личность того, кто должен был осуществить эту диктатуру. Таким образом, исторический процесс дал лично генералу Бонапарту предварительные полномочия и предоставил случай, позволивший ему, и только ему, ускорить конец революции. Одним словом, речь идет не об абстрактной всеобщности, не о такой ситуации, когда было возможно множество Наполеонов, но о конкретной тотализации, в процессе которой реальная буржуазия, состоящая из реальных живых людей, должна была положить конец этой революции, о тотализации, в процессе которой эта революция породила своего собственного могильщика в лице Бонапарта в себе и для себя, т.е. для этих буржуа на их же глазах»[284]. Но зато ее категорически отвергает Р.Арон, считающий, что невозможно установить причинно-следственные отношения, что в истории скорее господствует случай, чем необходимость.

---

[284] Sartre J.P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. P. 58–59.

Из наличия необходимости в истории нельзя делать фаталистические выводы о том, что исторический процесс фатально, без вмешательства людей и с железной необходимостью ведет к какому-то своему завершению. Это иллюзии, которые разоружают людей перед трудностями и обрекают их на пассивное ожидание своей участи. Фаталистические воззрения, по существу, отрицают роль разума в истории, ибо отвергают активность субъектов, наделенных сознанием и способных вносить «коррективы» в движение исторического процесса.

Если фатализм абсолютизирует необходимость, то волюнтаризм решающее значение придает воле человека, которая якобы по своему усмотрению может направить события в нужном направлении, не считаясь с объективными обстоятельствами. Волюнтаризм отвергает необходимость и все надежды возлагает на случай. Волюнтарист игнорирует законы истории, и если он оказывается на вершине пирамиды власти, то начинает ломать вековые традиции, сложившиеся и стабильно работающие социальные институты и учреждения. В результате его деятельности общество, вместо того чтобы развиваться и идти вперед, откатывается назад, а народ жестоко расплачивается за волюнтаристские действия своих руководителей. Волюнтарист, как и фаталист, по существу, поступает иррационально, хотя внешне превозносит роль разума. Но дело в том, что волюнтарист не считается с историческими условиями и подталкивает людей на авантюристические действия. Как фатализм, так и волюнтаризм представляют собой крайности, а крайности, как известно, сходятся и в этом смысле оба представляют для общества одинаковую опасность.

Исторический процесс не есть сплошная необходимость. В ней имеет место и случайность, которая не вытекает из внутренней природы вещей и процессов. Если необходимость обязательно должна произойти, то случайное может и не произойти. Но и то, и другое причинно обусловлены. Если, например, Павел встретил в метро своего друга случайно, то причиной их встречи явилось то, что оба они оказались в подземном транспорте, на одной и той же станции и в одном и том же месте. Если необходимость связана с сущностью, то случайность — с явлением.

Случайность есть форма проявления необходимости. Когда, допустим, общественные потребности ставят вопрос о выполнении той или иной важной социальной роли личностью, то такая личность обязательно появляется (хотя могут быть исключения в истории). Случайно ею может стать Петр или Павел. В конце XVIII века Франции нужен был диктатор, который должен был сплотить всех и остановить процесс развала страны. Такой диктатор появился в лице Наполеона. То, что Наполеон стал императором Франции, было случайно. До сих пор историки ведут споры о том, стал бы Наполеон императором Франции, если бы остров Корсика незадолго до рождения Наполеона не был присоединен к Франции. Спорить здесь не о чем, так как, разумеется, корсиканец не стал бы французским императором, если бы Корсика не вошла в состав Франции. Но нашелся бы другой человек, который стал бы императором, он не был бы похож на Наполеона, может быть, был бы лучше или хуже, но это уже случайности, не имеющие большого значения, особенно, когда люди наделены огромной властью. В этих условиях даже их личные черты сказываются на всем обществе. По свидетельству Светония Транквилла, Гай Калигула обладал отвратительным характером, был свирепым и жестоким человеком, не жалевшим никого. «Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников; и, обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чем виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех «от лысого до лысого»[285]. Его личные отвратительные черты сказывались во время правления на Римском государстве, переживавшем глубокий кризис. Итак, категории необходимости и случайности отражают реальные исторические процессы, имеющие сложный и разнообразный характер, находящиеся в постоянной взаимозависимости и движении. В ходе этого движения проявляются сущностные черты и стороны объективной действительности, пробивая себе дорогу сквозь бесчисленное множество случайностей.

[285] Гай Светоний Транквилл. Жизнь двадцати цезарей. С. 154.

ГЛАВА 16
СУБЪЕКТЫ ИСТОРИИ

Проблема субъектов истории является важнейшей проблемой философии истории. Даже сами вопросы: «Кто делает историю?» и «Кто творит историю?» нередко вызывают острые дискуссии. В свое время шла острая полемика между английским философом Дж.Льюисом и его французским коллегой Л.Альтюсером по поводу выражения «делать историю». Дж.Льюис утверждал, что человек делает историю. Альтюсер ему резко возражал. Историю, утверждал он, нельзя делать. Делают предметы, вещи, а не историю. Так, «столяр, который «делает» стол, уже имеет первичную материю — дерево. Он его превращает в стол»[286]. Но, продолжает Альтюсер, столяр никогда не скажет, что он делает дерево, поскольку прекрасно знает, что это дерево является продуктом природы и существует независимо от него. С точки зрения Льюиса, считает Альтюсер, «человек *уже* сделал историю, с помощью которой делает историю! Следовательно, в истории человек создает все: не только результат как продукт своего «труда» (история). Но до этого он создал первичную материю (историю), которую превратил в историю»[287]. Но в качестве такого все делающего человека может выступать только Бог, находящийся за пределами самой истории. Не человек, справедливо заключает Альтюсер, а массы и классы делают историю. Субъекты истории — это народ, нация, масса, толпа, социальные классы, выдающиеся личности. Дадим более подробную характеристику всех этих субъектов.

1. Понятия «народ», «нация», «масса», «толпа»

Обычно термин «народ» используют в трех смыслах. Во-первых, данное понятие охватывает всех людей, населяющих какую-либо страну. Скажем, когда говорят «американский народ», подразумевают всех американцев, живущих в США, независимо от их расовой и националь-

[286] Althusser L. Réponse à John Lewis. Paris, 1973. P. 19.
[287] Ibid. P. 20.

ной принадлежности, а также имущественного положения. В этом случае понятие народа совпадает с понятием населения. Во-вторых, народ — это трудящиеся, создающие материальные и духовные ценности и не присваивающие чужой труд. В-третьих, народ — организованное целое, имеющее единую психологию (менталитет), культуру, традиции, язык, обычаи, единую территорию, общие экономические связи и т.д. Это устойчивая общность людей, со своими «этническими» интересами.

Долгое время в отечественной литературе шли дискуссии относительно соотношения понятий «народ» и «нация». При этом вся полемика разворачивалась вкруг определения нации, данного Сталиным. В работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин дает такое определение нации: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в культуре»**[288].

Это определение нации для наших исследователей служило в качестве эталона изучения нации вплоть до смерти Сталина. Но после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС стрелка маятника повернулась в другую сторону и все, что было написано Сталиным, подвергалось острейшей критике. Само собой разумеется, сталинская дефиниция нации была сразу же отвергнута и вообще Сталин был обвинен во всех смертных грехах. Но особенной критике подвергали четвертый признак нации — психический склад. Утверждалось, что никакого специфического психического склада нет, что все нации имеют одинаковый психический склад. При этом совершенно забывали, что, с точки зрения Сталина, психический склад проявляется в культуре, специфичность которой, естественно, никто не отрицает.

Все исследователи нации, включая Сталина, исходили (и не могли не исходить, ибо нации в первую очередь возникли в Европе) из западноевропейских реалий при изучении генезиса нации и национальных отношений. А эти реалии связаны с формированием буржуазных общественных отношений. Тот же Сталин пишет: «Нация яв-

[288] Сталин И.В. Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 296.

ляется не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развитие капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма»[289].

В начальный период буржуазный способ производства предполагает общие экономические связи, общенациональный рынок. А это в свою очередь предполагает наличие общей территории и общего языка. Поэтому вовлеченные в буржуазные общественные отношения социально-этнические общности стремятся к объединению, к тому, чтобы иметь общую территорию, общие экономические отношения, единое национальное государство, единый рынок, единый язык, на котором все могли бы общаться. Таким образом, процесс формирования буржуазных общественных отношений и *нации* как новой социальной общности людей представляет собой единый процесс. Но вместе с тем это и процесс формирования *единого* народа с общей экономикой, общей территорией, общим языком и общей культурой. Отсюда: в Западной Европе понятия нации и народа вначале совпадали. Они употреблялись как синонимы. Французский философ XVIII века Гольбах, например, писал: «Итак, нации всегда подчинены естественным законам: им так же не дозволено наносить друг другу вред, уничтожать друг друга, лишать друг друга преимуществ, которыми они пользуются, как и члену общества не дозволено вредить другим его членам. Каждый народ имеет те же обязанности по отношению к другому народу, что и человек по отношению к другому человеку; каждая нация должна проявлять к другим нациям справедливость, чистосердечие, человечность и оказывать им помощь, поскольку она желает всего этого и для себя самой. Каждая нация обязана уважать свободу и владения другой нации»[290]. Как видно,

[289] Сталин И.В. Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 303.
[290] Гольбах. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 112.

Гольбах понятия «народ» и «нация» употребляет как синонимы. Четыре признака нации — общность экономических связей, общность, территории, общность языка и общность психического склада, проявляющегося в культуре, — которые приводит Сталин, вплоть до второй половины XX века характеризовали как нацию, так и народ. Гражданин Франции, например, вместе с тем являлся представителем французского народа.

В современную эпоху ситуация определенным образом изменилась в связи с тем, что в Западной Европе оказались миллионы людей, которые при наличии гражданства являются гражданами той страны, где они живут. Но они до полной ассимиляции, если, конечно, это произойдет, остаются этническими меньшинствами. В той же Франции сотни тысяч арабов, негров, представителей азиатских народов. Все они являются французами, если у них есть французское гражданство, но они — не часть французского народа.

Из всего вышеизложенного следует, что сталинское определение нации исходило из тех реалий, которые были в начале нашего века, когда писалась эта статья. Это есть **одновременно** и определение нации и народа. И оно не потеряло до сих пор своего научного значения.

Вместе с тем сегодня необходимо давать иную дефиницию нации. Такую дефиницию дает Ю.И. Семенов: *«Нация есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество»*[291]. Действительно, все граждане данного государства независимо от их этнического происхождения и этнической принадлежности представляют собой единую нацию. Все, имеющие французское гражданство, являются **французами,** хотя не все из них относятся к французскому народу.

Если понятие народа — социально-этническое понятие, то понятие нации есть социально-политическое понятие.

Масса, по выражению испанского философа Ортеги-и-Гасета, есть множество людей без особых достоинств. Массы имеют некоторые общие черты: вкусы, интересы, стиль жизни и т.д.

---

[291] Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 56.

Ясперс рассматривает массу как людей, ничем не связанных друг с другом, но в своем сочетании представляющих некое единство. Но «масса как публика – типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества». Масса составляет свое мнение, которое не является мнением ни одного отдельного человека, но именуется общественным мнением.

Канетти Э. фактически отождествляет массу с толпой и считает, что массы возникают внезапно и также внезапно исчезают. «Стояло пять, может, десять, может, двенадцать человек, никто ни о чем не объявлял, никто ничего не ждал – и вдруг все вокруг черно от людей. Люди текут отовсюду, кажется, все улицы стали односторонним движением. Многие даже не знают, что случилось, спроси их – им нечего ответить, но они спешат оказаться там же, где остальные. В их движении решимость, весьма отличная от обыкновенного любопытства... У них есть цель. Она есть раньше, чем они в состоянии ее осознать, и цель эта – самое черное, то есть то место, где больше всего людей»[292]. Канетти преувеличивает внезапность появления масс. Это не совсем так, если, конечно, речь не идет о зеваках, которые собираются, скажем, во время крупной автомобильной катастрофы. В нормальных условиях массу кто-то организует, кто-то куда-то ведет. Митинги и шествия, например, проходят под руководством определенных политических сил. Конечно, к митингующим и манифестантам присоединяется много людей, которые в целом разделяют настроения массы.

Канетти выделяет такие свойства массы: 1. *Стремление к численному росту.* 2. *Равенство внутри массы.* «Оно абсолютно и неоспоримо и самой массой никогда не ставится под вопрос. Оно фундаментально важно, настолько, что массовое состояние можно было бы определить именно как состояние абсолютного равенства... Ради такого люди и превращаются в массу. Все, что способно от этого отвлечь, не заслуживает внимания. Все требования

[292] Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 19–20.

справедливости, все теории равенства черпают свою энергию в конечном счете из переживания равенства, которое каждый по-своему знает по массовому чувству»[293]. 3). *Плотность.* Масса, как полагает Канетти, любит плотность, потому что ощущение наибольшей плотности она переживает в момент разрядки. 4). *Направленность.* Масса должна знать, куда двигаться и что делать. Эта направленность усиливает чувство равенства и необходимость достижения цели.

Б.А. Грушин так определяет понятие массы: «Массы — это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения»[294]. Он различает такие виды масс: 1) большие и малые; 2) устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсивные); 3) сгруппированные и несгруппированные; 4) контактные и неконтактные (дисперсные); 5) спонтанные (стихийно возникающие) и организуемые (институционализированно порожденные)[295].

Массы возникают время от времени. Они могут появиться случайно, когда скапливается огромное количество людей в связи с тем или иным событием. Но они могут быть заранее организованы и выведены на улицы для проведения тех или иных политических мероприятий (митингов, демонстраций и т.д.).

Понятие толпы близко по содержанию к понятию массы, но оно очень отличается от понятия народа. Толпа есть нечто неорганизованное, случайное скопление людей, руководствующихся не столько разумом, сколько чувствами и эмоциями, в ней доминирует стадное сознание, и она готова на сиюминутные «героические» жертвы, особенно когда во главе ее появляются лидеры-фанатики, для того чтобы добиться своих эгоистических целей. И у Н.К. Михайловского были основания, когда он писал, что толпой следует «называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным, или нравственно безразличным»[296]. Толпа не может сози-

---

[293] Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 34.
[294] Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987. С. 234–235.
[295] Там же. С. 236–237.
[296] Михайловский Н.К. Соч. М.; Пг., 1899. Т. 6. С. 282.

дать, она способна только разрушать, ее психику легко использовать для деструкции социальных институтов и порядков. Поэтому очень опасно для общества, когда политики оперируют мнением толпы и намерены провести в жизнь принятые толпой решения. Конечно, настоящие, ответственные лидеры учитывают настроения толпы, ибо они в конце концов отражают реальную картину общества. Но толпа долго не живет, она быстро растворяется, хотя и быстро возникает. Она часто служит социальной базой националистических и шовинистических политических движений и организаций. Чем ниже уровень политической культуры толпы, тем она опаснее, и нельзя не учитывать эту опасность. Толпу часто используют во время предвыборной кампании, когда каждый кандидат хочет заполучить побольше голосов избирателей. Ей обещают горы золота, она, как правило, этому верит и обещает голосовать именно за того кандидата в законодательные органы, который больше обещает и красивее говорит.

Подлинным субъектом истории выступает народ, а не толпа или масса. Но толпа(масса) нередко играет важную роль в том или ином историческом событии, оказывавшем затем серьезное влияние на последующее развитие человеческого общества.

2. Социальные классы

В роли субъектов исторического процесса выступают также социальные классы. Маркс писал, что экономическую анатомию классов впервые раскрыли представители классической политической экономии, а их борьбу между собой — буржуазные историки. Существуют разные определения классов, но наиболее широко известно ленинское определение. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»[297]. Ленин выде-

[297] Ленин В И Полн собр соч. Т 39 С 15

ляет четыре классообразующих признака: 1) место класса в исторически определенной системе общественного производства; 2) отношение к средствам производства; 3) роль класса в общественной организации труда; 4) способ получения доли общественного богатства. **Главным классообразующим признаком выступает отношение к средствам производства.**

Возникновение классов — процесс длительный, сложный и мучительный. Энгельс выделял два пути происхождения классов. Первый путь связан с внутренней эволюцией родового строя, когда в результате развития производительных сил происходит рост общественного богатства, часть которого начинают присваивать органы, до этого защищавшие интересы всех членов рода или общины. «Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами»[298]. Другой путь образования классов связан с войнами. Развитие производительных сил приводит к тому, что продуктов производится больше, чем потребляется. Появились средства для того, чтобы содержать больше людей, могущих работать. Но в самой общине в силу ее немногочисленности нет таких рабочих рук. Зато их доставляла война. Если до этого пленных просто убивали, то теперь их превращают в рабов.

[298] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С 183.

Один класс (меньшинство) эксплуатирует другой (большинство). Эксплуатация предполагает присвоение чужого труда. Тот, кто эксплуатирует, считается эксплуататорским классом, а тот, кто эксплуатируется — эксплуатируемым. В античном мире в качестве основных классов выступали рабы и рабовладельцы. Рабы приравнивались к животным. Они были исключены из жизни общества. Аристотель писал, что «невозможна дружба и с конем или быком или с рабом в качестве раба. Ведь [тут] ничего общего быть не может, потому что раб — одушевленное орудие...»[299]. В эпоху феодализма основными классами были феодалы и крестьяне, а в эпоху капитализма — буржуазия и пролетариат.

Каждый класс занимает определенное место в обществе. Эксплуатирующий класс господствует и стремится к сохранению своего господствующего положения, эксплуатируемый хочет избавиться от эксплуатации и поэтому вступает в борьбу с эксплуататорским классом. Отсюда ясно, что интересы эксплуататоров и эксплуатируемых противоречат друг другу. Это приводит к классовым конфликтам. Поэтому Маркс и Энгельс писали, что «свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, всегда кончавшегося революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[300]. Обычно выделяют три формы классовой борьбы: экономическую, политическую и теоретическую (идеологическую). Экономическая борьба предполагает борьбу за удовлетворение экономических интересов: повышение заработной платы, улучшение условий жизни, социальной защиты и т.д. Политическая борьба — это борьба за завоевание политической власти на всех уровнях политической жизни. Что касается теоретической борьбы, то она связана с защитой классовых интересов посредством агитации и пропаганды своих теоретических позиций и жизненных стандартов. Разумеется, у господствующего класса есть больше возможно-

[299] Аристотель Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 236.
[300] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.

стей для того, чтобы распространять свои воззрения и миропонимание в обществе. Он, как правило, разными путями, в том числе с помощью властных структур, стремится к ослаблению позиции негосподствующего класса. Гоббс был прав, когда писал: «Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»[301]. Но если так обстоит дело с естественнонаучным знанием, то тем более это касается обществознания. В области общественных наук наиболее ярко проявляется стремление господствующего класса сделать свои мысли господствующими мыслями в обществе. Они выдаются как мысли всех классов и слоев и тем самым затушевывается социальная и классовая дифференциация людей, которая существует в реальной жизни.

Многие исследователи (Сорокин, Арон и др.) в качестве главного классообразующего признака выделяют не отношение к средствам производства, а доходы. Утверждается, что по мере развития капитализма увеличиваются доходы населения, люди удовлетворяют свои потребности, рабочий класс растворяется среди других слоев общества, появляется «средний класс», который включает в себя большинство людей данного общества. На мой взгляд, сторонники таких утверждений видят только явление и не хотят анализировать сущность тех изменений и процессов, которые происходят в современном мире. Слов нет, в западных странах, население которых составляет около одного миллиарда человек, жизненный уровень достаточно высок, особенно для тех, кто имеет постоянную работу и обеспечен жильем. Верно и то, что большинство западных жителей в состоянии иметь машину, телевизор, жилье, отдыхать заграницей и т.д. Бесспорно и то, что у многих есть определенные доходы, акции и т.д. Но следует ли отсюда, что на Западе нет теперь рабочих, а есть только «средний класс»? Нет, ко-

[301] Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 133.

нечно. Рабочий не потому является рабочим, что он получает мало или много, а потому что он лишен средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу. Он может получать много, но тем не менее подвергается эксплуатации со стороны работодателей, поскольку они присваивают его труд за вычетом заработной платы. Такая эксплуатация — имманентная черта капитализма: без этого он не сможет развиваться. Раз есть капиталистическая экономика, значит есть и рабочие, которые могут иметь определенные акции предприятия, но тем не менее остаются рабочими. Следует подчеркнуть, что акции — это камуфляж сущности буржуазного способа производства. Действительным владельцем предприятий являются не все акционеры, а те, кто владеет пакетом акций, поскольку им принадлежит решающий голос при принятии тех или иных решений. Нельзя забывать и тот факт, что не все представители «среднего класса» удовлетворяют свои *общественно необходимые потребности.* Под последними подразумеваются потребности, порожденные уровнем развития данного общества. Скажем, в прошлом веке ни у кого не было потребности в телевизоре или в компьютерной технике, потому что производство не выпускало эту продукцию. В настоящее время телевизор и компьютер — не предмет роскоши, а составная часть жизненных стандартов конца XX века. Так вот многие представители так называемого среднего класса не могут себе позволить удовлетворить общественно необходимые потребности, потому что, во-первых, финансы не позволяют и, во-вторых, вынуждены откладывать на черный день, ибо неизвестно, будут иметь завтра работу или нет. Поэтому понятие «среднего класса» — это конъюнктурное понятие, скрывающее реалии современного буржуазного общества.

Сорокин П.А. много внимания уделяет и проблемам социальной мобильности. «Под социальной мобильностью, — пишет он, — понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»[302]. Сорокин П.А. выделяет два типа социальной мобильности —

[302] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.

горизонтальную и вертикальную. Горизонтальная мобильность предполагает переход индивида из одной социальной группы в другую, находящейся на одном и том же уровне. Скажем, переход из одного гражданства в другое или из одной семьи в другую, с одной фабрики на другую и т.д. Такая горизонтальная мобильность всегда существовала и будет существовать. Заслуга Сорокина состоит в том, что он ее научно исследовал. Но, пожалуй, больший интерес представляет вертикальная мобильность, под которой «подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой»[303]. Сорокин выделяет два типа вертикальной мобильности — восходящую и нисходящую. Восходящая мобильность — это социальный подъем, а нисходящая — социальный спуск. Социальный подъем связан с переходом от низшей группы в высшую, а социальный спуск, наоборот, — с переходом от высшей группы в низшую. Сорокин прав в том, что во всех обществах такие переходы совершались, прав и в том, что такого рода переходы трудны и сложны. Действительно, если брать современное общество, где формально все свободны, то кажется, что любой индивид при желании может добиться самых блестящих успехов. Скажем, рабочий может стать миллионером или главой государства. Но это иллюзорные представления о современной жизни, реалии же показывают, что переход из низшей группы в высшую очень труден и практически не возможен в современных условиях. В самом деле, представим, что человеку из низших слоев захотелось стать президентом страны. Абстрактно это возможно, но на самом деле это исключено. Во-первых, надо иметь образование, получить которое не так-то легко. Во-вторых, нужно обладать очень большими финансами, без которых абсурдно думать о проведении какой-либо избирательной кампании. В-третьих, необходима поддержка финансовых, промышленных, торговых и иных кругов. В-четвертых, следует привлечь на свою сторону средства массовой информации, так как именно они занимаются формированием общественного

[303] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 374.

мнения, поднятием и опусканием рейтингов политиков. В-пятых, нужна поддержка каких-то политических движений и партий. Перечень необходимых условий можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно для того, чтобы показать, насколько нереален социальный подъем для тех, кто в современном обществе ничем не владеет. Вообще, в нынешнем западном обществе все высшие ниши заполнены и попасть туда чрезвычайно трудно[304]. Что касается социального спуска, т.е. перехода в низшие слои, то это гораздо легче совершить. Для этого достаточно разориться и можно даже оказаться в маргиналах.

Таким образом, несмотря на существенные изменения в социальной структуре современного общества, оно сохранило свое классовое деление и классовую дифференциацию. Эти классы выступают в роли субъектов истории, они занимают определенное место в обществе и играют определенную роль в экономической, политической и духовной жизни социума.

3. Великие личности в истории

Как уже отмечалось, история — это сложный и многогранный процесс, имеющий внутреннюю логику и развивающийся на основе своих имманентных законов. Но вместе с тем история — продукт деятельности людей, каждый из которых преследует свои цели и интересы. Таким образом, история представляет собой единство объективного и субъективного, т.е., с одной стороны, она развивается независимо от воли и желаний людей, а с другой — она есть их история. Вот почему выяснение вопроса о том, кто все-таки делает историю, всегда находился в центре внимания философии истории. И многие философы немало страниц посвятили этому вопросу. Н.К. Михайловский утверждал, что решающая роль в ис-

[304] Французские исследователи Бирнбаум П., Барук Ш., Беллэш М., Марие А. пишут, что во Франции «в высшей прослойке правящего класса произошла внутренняя перестройка: изменились формы его рекрутирования и юридический статус его представителей. Однако с точки зрения обладания экономической властью никаких изменений не произошло» // Французский правящий класс. М., 1981. С. 67.

тории принадлежит герою, а им надо «называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»[305]. Другой русский философ П.Л. Лавров писал, что историю творят личности, и они могут ее по своему усмотрению повернуть в любую сторону и что «прогресс человечества лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно, невозможен»[306]. Раз личности являются главными двигателями человечества, то они и создают новые модели общества и реализуют их в своей практической деятельности. Народ же рассматривался как безликая масса, готовая идти за своими лидерами, если даже эти лидеры оказывались недостойными руководителями, а изложение истории ограничивалось деятельностью королей, царей, монархов и войнами. Причем с приходом нового суверена историю начинали заново переписывать в угоду новым власть имущим. Всю историю сводили к политической истории.

Представления о том, что именно личность творит мировую историю, базировались на идеалистическом понимании развития человеческого общества, согласно которому идеи правят миром. Но поскольку их разрабатывают критически мыслящие личности или те, кто стоит у власти, то последние и выступают в роли детерминанты исторического процесса. И в самом деле, на поверхности кажется, что именно личности, и прежде всего государственные деятели, творят историю, так как от их действий и поступков во многом зависит ее ход. Можно, например, смело сказать, что Александр Македонский является основателем мощной империи. Не подлежит сомнению и то, что французская империя начала XIX века – детище Наполеона I, так как без корсиканца, видимо, не было бы такой империи, хотя, возможно, была бы империя, но она была бы образована иным путем.

Однако ни Александр Македонский, ни Наполеон I, ни кто-либо другой не был бы в состоянии создать импе-

[305] Михайловский Н.К. Соч. Т. 6. С. 282.
[306] Лавров П.Л. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. С. 87.

рию, если бы в Древней Греции или во Франции отсутствовали соответствующие социально-экономические и политические условия. Поэтому исторические процессы надо исследовать не на уровне видимости, а проникать в сущность, необходимо вычленять главные моменты, изучать повседневную жизнь людей, их действия, поступки, деятельность, т.е. все то, что составляет действительную историю. Это сделал Маркс, подошедший к изучению общества с материалистических позиций. Он писал, что люди в первую очередь должны есть, пить, одеваться, иметь крышу над головой, а затем заниматься философскими, художественными, религиозными и другими идеями и теориями[307]. Иначе говоря, в качестве фундамента общества выступает производство материальных ценностей. Оно носит непрерывный характер и не прекращается ни на минуту, а если прекратится, то социум погибнет. Таким образом, материальное производство — база всего исторического процесса и мощь любого государства — определяется прежде всего уровнем его экономического развития, хотя роль неэкономических факторов тоже нельзя игнорировать.

Но кто производит материальные блага? Кто строит дома? Кто выпускает машины, станки, сеет хлеб и т.д.? Конечно, люди, трудящиеся массы. Они трудятся изо дня в день, создают общественное богатство, передают от поколения к поколению средства производства, культуру, традиции, обычаи, нравственные нормы и принципы, достижения цивилизации, политические и социальные институты. Каждое последующее поколение опирается на результаты труда предыдущих генераций, использует их, что-то отбрасывает, что-то перенимает, добавляет к ним новые ценности и передает очередному поколению. Так складывается единый исторический процесс-континум, т.е. имеющий непрерывный характер. Этот процесс также естествен, как и природные процессы, но в отличие

---

[307] Хорошо писал время выдающийся французский историк XX века Ф.Бродель: «Материальная жизнь, как я ее понимаю, это то, что за долгие века предшествующей истории вошло вплоть самих людей, для которых опыт и заблуждения прошлого стали обыденностью и повседневной необходимостью, ускользающей от внимания наблюдателя» // Бродель Ф. Динамика капитализма. М., 1993. С. 14–15.

от последних он является результатом сознательной деятельности людей.

Таким образом, не личность, не герой, не суверен, а **народ творит историю.** Короли, монархи, вожди, цари, президенты приходят и уходят, а народ остается главным субъектом истории. Однако это вовсе не значит, что личности не играют никакой роли в обществе, что они являются лишь «винтиками» и послушно следуют за ходом истории. Прежде всего необходимо отметить, что каждая личность, создающая материальные или духовные ценности, играет определенную роль в истории, выполняет те или иные общественные функции, проявляет свою гражданскую позицию, переживает за те или иные процессы в обществе. Но когда говорят о личности, то, как правило, имеют в виду выдающихся или великих личностей.

Традиционно под выдающимися личностями подразумевают либо политических и государственных деятелей (царей, монархов, императоров, вождей), либо полководцев и т.д. На мой взгляд, это слишком односторонний подход к выяснению понятия выдающейся личности в истории. Конечно, эти люди в силу своего социального положения, дающего им возможность принимать судьбоносные решения, оказывали и оказывают наибольшее влияние на ход истории, на политику государства и поэтому, естественно, они попадают под понятие выдающейся личности. Но такими личностями могут быть и ученые, сыгравшие исключительную роль в науке (Ньютон, Эйнштейн, Гегель, Ломоносов, Маркс и многие другие), деятели литературы и искусства. Пушкин, например, является великой личностью, хотя не занимал высших государственных постов, но был, по выражению Горького, началом всех начал, создателем русского литературного языка. Кто может отрицать, что величайший композитор всех времен Моцарт был выдающейся личностью? Выдающимися личностями являются спортсмены, внесшие значительный вклад в развитие спорта. Таким образом, понятие выдающейся личности надо трактовать шире. Но сейчас не будем нарушать традиций и постараемся выяснить, кого считать великой исторической личностью и какие для этого нужны объективные критерии.

По мнению Гегеля, в ходе истории возникают противоречия между существующими порядками и новыми появляющимися возможностями их изменить. Эти возможности содержат в себе некое всеобщее, т.е. нечто такое, что имеет огромное историческое значение. Но оно может быть реализовано только в деятельности личностей, обладающих выдающимися способностями и готовыми к осуществлению всеобщего. И поэтому «историческими людьми, *всемирно-историческими личностями*, являются те, в целях которых содержится такое всеобщее»[308]. К их числу немецкий философ относит Юлия Цезаря, так как намерение его стать диктатором Рима было «необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось таким образом не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременно. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциональный элемент, который составляет волю первого духа»[309].

Гегель великих людей называет героями, ибо они, по его мнению, появляются вовремя, когда созревают необходимые условия для принятия решительных действий, имеющих всемирно-историческое значение. Вместе с тем они обладают блестящим умом и понимают то, что нужно в данный момент обществу. Они делают своей целью то, что необходимо в настоящее время социуму, в чем давно нуждалась сама история. Они лучше постигают суть дела, чем все остальные люди. Таким образом, с точки зрения Гегеля, появление великих людей на исторической сцене необходимо и неизбежно, так как дальнейший прогресс общества становится невозможным из-за накопившихся противоречий между старым и новым. Великий человек разрешает эти противоречия и спасает всех от гибели. Гегель отмечает, что когда цель достигается, то великие люди «отпадают как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены»[310].

---

[308] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 81.
[309] Там же. С. 82.
[310] Там же. С. 82–83.

Гегель категорически выступает против психологического анализа деятельности великих людей, против того чтобы выявлять внутренние мотивы их поступков. Он критикует тех исследователей, которые действия выдающихся личностей объясняют их человеческими качествами. Так, многие утверждали, что у Александра Македонского была страсть к завоеваниям и что поэтому он сначала захватил часть Греции, а затем и Азии. А действия Наполеона I объясняли его амбициозностью и стремлением к захвату власти любой ценой.

Гегелевская критика справедлива, ибо нельзя какими-то личными чертами и свойствами объяснить деятельность личностей, оставивших заметный след в истории. Петр Первый, например, имел тяжелый характер, был вспыльчив. «Простота обращения и обычная веселость делали иногда обхождение с ним столь же тяжелым, как и его вспыльчивость или находившее на него по временам дурное расположение духа, выражавшееся в известных его судорогах. Приближенные, чуя грозу при виде этих признаков, немедленно звали Екатерину, которая сажала Петра и брала его за голову, слегка ее почесывая. Царь быстро засыпал, и все вокруг замирало, пока Екатерина неподвижно держала его голову в своих руках. Часа через два он просыпался бодрым, как ни в чем не бывало. Но и независимо от этих болезненных припадков прямой и откровенный Петр не всегда бывал деликатен и внимателен к положению других, и это портило непринужденность, какую он вносил в общество»[311]. Но нельзя на этом основании отрицать великую роль Петра Первого в истории России и Европы.

Однако нельзя, с другой стороны, всю историю сводить лишь к «железной» необходимости и игнорировать роль случайности в истории или же личных черт великих людей. Можно вспомнить в этой связи слова Маркса: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти

[311] Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 34.

случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь с другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»[312]. Особенно велика роль характера личности в критические периоды истории. В войне, например, от полководца требуются решительность, смелость, умение быстро оценивать ситуацию, оперативно разработать план военных действий. Ведь от этого может зависеть судьба сражения, в конечном счете судьба армии и государства. Историки до сих пор ведут дискуссии о том, как бы сложился театр военных действий во время битвы при Ватерлоо, если бы Наполеон не чувствовал себя плохо.

Великие люди, пишет Гегель, совершают поступки исторического значения. Они вносят существенные изменения во все сферы общественной жизни, затрагивают интересы всех слоев общества. Поэтому, естественно, не все довольны их деятельностью, ведь многие из них приносятся в жертву во имя всеобщих целей. Возникает соблазн морального осуждения действий великих людей. Гегель считает, что такого рода осуждения неуместны, так как политические поступки осуждаемых носят объективный характер, способствуют прогрессу человеческого общества и ради этого приходится жертвовать интересами отдельных личностей.

Оригинальные мысли о выдающихся личностях высказывает Н.Г. Чернышевский. Он полагал, что выдающийся человек «должен верно понимать силы и стремления каждого из элементов, движущих обществом; должен понимать, с какими из них он может вступать в союз для достижения своих добрых целей, должен уметь давать удовлетворение законнейшим и сильнейшим из интересов, как потому, что удовлетворения им требует справедливость и общественная польза, так и потому, что только опираясь на эти сильнейшие интересы, он будет иметь в своих руках власть над событиями. Без того его деятельность истощится на бесславную для него, вредную для

[312] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Г. 33. С. 175.

общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые им, восстанут против него, и результатом будут только бесплодные стеснительные меры, которые необходимо приводят или к упадку государственной жизни, или к падению правительственной системы, чаще всего к тому и другому вместе»[313]. Таким образом, с точки зрения Чернышевского, выдающаяся личность должна в своей деятельности прежде всего исходить из общественных интересов. По его мнению, великий человек должен быть честным, добрым, энергичным и все должен делать для того, чтобы каждое его действие, каждый его поступок приносили только пользу государству и всем его гражданам. Конечно, хорошо, когда великий человек добр и честен, но в реальной действительности редко кто из политических деятелей обладал этими замечательными качествами. И это легко объяснимо. Политика — такая сфера деятельности, где моральные принципы и нормы не всегда срабатывают.

Другой русский философ Г.В. Плеханов при рассмотрении роли выдающихся личностей главное внимание обращает на общественные условия. Чтобы человек, обладающий известным талантом, стал великим, необходимы по крайней мере два условия: «Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время»[314]. Великих людей создают великие времена, заключает Плеханов.

Карл Ясперс считал, что выдающейся личностью является та, «которая чувствует свою ответственность за свободу других»[315]. Государственный деятель, утверждает немецкий философ, лишающий свободы других, не есть великая личность. Цезарь, по мнению Ясперса, не явля-

---

[313] Чернышевский Н Г. Избр. филос. соч. Т. 2. С. 241–242.
[314] Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 2. С. 327.
[315] Jaspers K. Initiation à la méthode philosophique. Paris, 1970. P. 65.

ётся великим человеком, так как он ликвидировал республику и установил диктатуру. Если исходить из этой точки зрения, то ни один диктатор не может считаться великим человеком, ибо он всегда ограничивает свободу во имя достижения общих целей. Зато выдающимися окажутся безвольные и нерешительные суверены, приводящие государство либо к кризису, либо к полному краху. Парадокс истории состоит в том, что как раз при деятельности диктаторов, как правило, государство добивается больших экономических и политических успехов.

Ясперс понимает это и поэтому смягчает свою позицию. Он пишет, что многие великие люди чувствовали свою ответственность за свободу и тем не менее были вынуждены считаться с двумя обстоятельствами: во-первых, с насилием и, во-вторых, со свободой. Существование, базирующееся на насилии, требует от суверена постоянно хитрить и лгать, изворачиваться, интриговать. Свобода же основывается на разуме, и поэтому от государственного деятеля требуется полная откровенность, а также выполнение взятых на себя обязательств. Кроме того, разум требует моральной ответственности за свои действия и поступки, которая признает успех и насилие лишь в том случае, если они служат высшим политическим целям человека, стремящегося к политической свободе и понимающего, что только такая свобода делает его полноценным человеком. Мелкий политик использует сложившуюся ситуацию в своих интересах и ничего не делает для человека. Великий же политик в этой ситуации находит решение, которое возвышает человека, делает его свободным.

Итак, существуют разные ответы на вопрос о том, кого считать великой личностью. Одни больше внимания обращают на историческую необходимость ее появления и на выполнение задач всемирного значения, другие — на учет общественных интересов, третьи — на реализацию свободы. Все точки зрения нисколько не противоречат друг другу при условии, если их рассматривать не абстрактно, а в конкретно-исторических ситуациях.

Прежде всего следует подчеркнуть, что выдающимися людьми не рождаются. Ими становятся, как справедливо отмечал Плеханов, в определенных исторических услови-

ях. Пушкин бы не стал Пушкиным, если бы он воспитывался в глухой деревне и в семье неграмотного и темного крестьянина. Моцарт бы не стал Моцартом, если бы не родился в музыкальной семье и не получил блестящего музыкального образования.

Для того чтобы стать великим государственным деятелем, нужны исключительные обстоятельства, которые возникают на крутых поворотах истории и оказывают огромное влияние на дальнейшее развитие человечества. Если образно представить себе исторический процесс, то можно заметить, что он не есть прямая дорога, а зигзагообразен. Более того, в некоторых местах мы видим повороты, валуны, ухабы, которые нельзя обойти, но без преодоления которых дальнейшее продвижение вперед совершенно невозможно. В эти моменты появляются лидеры (а могут и не появиться), способные преодолеть все препятствия, расчистить дорогу для социального прогресса и обновления. Таких лидеров принято считать выдающимися людьми. Иными словами, выдающаяся личность — продукт исключительно важной исторической эпохи. Сколько великих личностей, например, породила эпоха Возрождения! Но это было не случайно, а неизбежно, ибо она нуждалась в титанах и рождала титанов. Наполеон стал великим именно потому, что Франция в конце XVIII века занимала ведущее положение в духовной и политической жизни Европы, которое ей обеспечила революция 1789–1794 годов. Петр стал великим, потому что Россия начала XVIII века нуждалась в великих реформах, позволивших ей занять передовые рубежи в области науки, военного дела и т.д.

Но чтобы стать великой личностью, разумеется, одних исторических условий недостаточно. Сам человек должен обладать гениальным умом, выдающимися чертами, необходимыми для выполнения больших, трудных и ответственных задач. Он должен быть образованным, решительным, смелым, твердым, принципиальным и очень ответственным, стоять на целую голову выше своего окружения, не бояться брать на себя риск и ответственность за принятые решения и доводить их до конца. Его деятельность должна носить конструктивный, а не деструктивный характер. Он не должен стремиться к попу-

лизму, к тому, чтобы всем нравиться и тем самым заработать дешевый авторитет. Без этих качеств человек не может стать великой личностью, если даже имеются соответствующие исторические условия и он оказался во главе процесса. Наоборот, бездарный руководитель может все погубить, развалить и оставить народ в нищете.

Нельзя назвать всякого, оставшегося в силу своего социального и политического положения в анналах истории, выдающейся личностью. В России, например, было много царей, а великим стал только Петр Первый. О выдающемся человеке судят по его делам и поступкам, а не по обслуживающей его идеологии. Важнейший критерий, характеризующий человека как великую личность, — это то, насколько его деятельность способствовала социальному прогрессу и решению тех задач, которые ставило его время. Это объективный критерий, так как он не зависит от субъективной оценки людей. Как бы ни относились к Петру Первому, несомненно одно, что его реформе «Россия обязана всем своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы. Если бы тут мог быть какой-нибудь вопрос, то на него уже ответили два величайших представителя русского образования и литературы в прошлом и в настоящем веке — Ломоносов и Пушкин, неразрывно связавшие свое имя с именем Петра»[316].

Как бы ни относились к деятельности Робеспьера, но именно он как один из вождей революции способствовал развитию образования, реализации лозунга революции: «Свобода, равенство, братство». Ярый роялист и сторонник Бурбонов, очень суровый критик и, можно сказать, враг Наполеона I Франсуа Рене де Шатобриан вот как характеризовал деятельность французского императора: «Бонапарт велик не своими словами, речами и писаниями, не любовью к свободе, о которой он всегда он очень мало заботился и которую даже и не думал отстаивать; он велик тем, что создал стройное государство, свод законов, принятый во многих странах, судебные палаты, школы, мощную, действенную и умную систему управления, от которой мы не отказались и поныне; он велик тем, что возродил, просветил и благоустроил Италию; он

[316] Соловьев В.С. Соч. Т. 1. С. 432.

велик тем, что вывел Францию из состояния хаоса и вернул ее к порядку, тем, что восстановил алтари, усмирил бешеных демагогов, надменных ученых, анархических литераторов, нечестивых вольтерьянцев, уличных говорунов, убийц, подвизавшихся в тюрьмах и на площадях... велик тем, что прославил свое имя и среди диких, и среди цивилизованных народов, тем, что превзошел всех завоевателей, каких знало человечество прежде, тем, что десять лет подряд творил чудеса, ныне с трудом поддающиеся объяснению»[317]. Как бы ни критиковали Сталина, он остается великой личностью в истории, ибо его деятельность носила конструктивный характер. Он спас мир от фашизма. Он, как писал Черчилль, получил Россию с сохой и оставил с атомной бомбой.

Роль личности в истории зависит не только от сложившихся исторических обстоятельств, но и оттого, какое политическое и социальное положение она занимает в обществе. Чем выше это положение, тем выше роль личности, так как тем больше возможностей у нее влиять на ход событий. Если бы Петр Первый не был царем России, то он, конечно, не смог бы оказать такое огромное влияние на ее судьбу.

В значительной мере роль личности определяется и состоянием цивилизованности общества, политической культурой народа. Чем меньше развиты демократические институты, предполагающие универсальную избирательную систему, разделение законодательной, судебной и исполнительной властей; политический плюрализм, т.е. наличие разных политических партий и движений; свобода слова и свобода мысли; чем меньше возможностей контролировать деятельность политических и государственных руководителей, в том числе через средства массовой информации; чем ниже сознание и самосознание народа, проявляющего политический индифферентизм; чем меньше разработаны юридические законы, тем выше роль личности. Она концентрирует огромную власть в своих руках, что дает ей возможность крепко держать «руль истории».

Отсутствие политической культуры и демократических институтов создает благоприятную почву для прихода к

[317] Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 324–325.

власти политических проходимцев и негодяев, преследующих лишь собственные интересы и цели. Как писал Маркс, нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда любой авантюрист может совершить над ней насилие. Когда народ слепо верит политиканам и возводит их на пьедестал почета, когда он не осознает своих собственных интересов и верит популистским лозунгам, он превращается в толпу, которой можно внушить все, что угодно. Авантюристы-политики начинают ломать исторические традиции и превращают государство в огромную экспериментальную базу.

Может возникнуть вопрос: является ли приход таких людей исторической необходимостью? Частично на этот вопрос ответ уже был дан выше, когда отмечалось, что низкая политическая культура народа, его инертность и пассивность, безусловно, помогают их приходу к власти. Но к этому следует добавить и то, что если развитие общества носит стабильный характер, если все его механизмы (экономические, политические, социальные, управленческие и т.д.) функционируют нормально, то у руля государственной власти, как правило, оказываются достойные люди. Но когда общество переживает глубокий кризис, когда все сферы жизни приходят в упадок, тогда появляется необходимость в новых политических лидерах, способных сплотить все слои общества, предложить неординарные меры по выходу из кризисного состояния. Но бывает и так, что вместо действительных лидеров на политическую сцену выходят псевдолидеры, карьеристы, обещающие много. Массы не подвергают сомнению их программы, слепо следуют за ними и в результате общество оказывается в еще большем кризисном состоянии. Тем не менее опыт истории свидетельствует, что в конечном итоге приходят к власти действительные личности, обладающие недюжинными организаторскими способностями и делающие все для того, чтобы кардинальным образом изменить ситуацию, преодолеть все трудности и добиться существенного улучшения жизни народа.

Итак, исторический процесс складывается из жизнедеятельности людей. Они трудятся, производят материальные и духовные ценности. Они передают эти ценно-

сти, а также традиции, обычаи, культурные достижения из поколения в поколение. Иначе говоря, народ — **субъект истории**. Но в этом бесконечном процессе истории личность играет определенную роль и выполняет те или иные функции, которые зависят от занимаемого ею в обществе положения. Особенно велика роль суверенов. Их действия и поступки влияют на судьбы миллионов людей, на устройство мира и международные отношения. И если они работают на благо народа, решают исторические задачи по реализации социального прогресса, по гуманизации общества, то такие деятели остаются в истории как выдающиеся личности, и народ их помнит всегда.

4. Харизматический лидер. Культ личности

Термин «харизма» был введен М.Вебером для выяснения легитимности власти. Он считал, что имеется три вида легитимной власти. Первый вид опирается на авторитет нравов, которые неукоснительно следует соблюдать каждому члену общества. Это есть традиционное господство, имевшее место главным образом в патриархальном обществе. Второй вид связан с авторитетом «внеобыденного личного *дара* (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь»[318].

Третий вид — это легальное господство, для которого характерно подчинение при выполнении установленных правил и норм.

Вебер более подробно рассматривает второй вид господства, базирующегося на харизме. Люди проявляют личную преданность своему правителю, ибо видят в нем спасителя и оказывают ему полное доверие. Они считают его настоящим лидером, призванным быть их руководи-

[318] Вебер М. Избр. произв. М, 1990. С. 646.

телем, потому что обладает выдающимися чертами, которых нет у других. «Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому что верят в него... Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев»[319]. Харизматические лидеры, как правило, стремятся «жить жизнью народа» (это ничего общего не имеет с популизмом), стараются быть скромными в быту, в трудные времена для государства и его граждан они становятся «ближе» к людям, проявляют определенный аскетизм, понимают, что народ перестанет им верить, если будут вести гедонический образ жизни. Плутарх, например, пишет, что во время похода в Галлию Цезарь жил так, как рядовой солдат, переносил вместе с подчиненными все тяготы и лишения военных походов. Наполеон I так легко второй раз вернулся к власти потому, что ему безгранично верили большинство французов, особенно его старая гвардия. А вот как В.О. Ключевский описывает образ жизни Петра Великого: «Будничную жизнь свою он старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, которого в Европе считали одним из самых могущественных и богатых в свете, часто видали в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных собственной женой или дочерьми... Ездил обыкновенно на одноколке или на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию иноземца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать»[320]. Токарь Петра Первого Нартов говорил, что царя называли земным богом и что благородному бесстрашию и правде учились у него.

Понятия харизматического лидера и культа личности тесно связаны. Более того, без харизматических свойств культ личности невозможен, его нельзя сверху, насильственными средствами навязать народу. Культ личности —

[319] Вебер М Избр произв М , 1990 С 647
[320] Ключевский В О Соч М , 1989 Т. 4 С 31

это обожествление человека, слепая вера в его сверхъестественные способности и силы. Носитель культа действительно обладает выдающимися способностями, но, разумеется, не сверхъестественными, проявляемыми им в своей многогранной деятельности как политического вождя, военачальника или монарха.

Анализ культа личности как важного социально-политического феномена требует исторического подхода, что предполагает выяснение в историческом аспекте его социальных и гносеологических корней, показа, почему на определенном этапе развития общества с необходимостью и даже неизбежностью возникает культ. Происхождение культа личности неразрывно связано с религией и религиозным сознанием, когда люди, будучи не в состоянии объяснить действия стихийных сил природы, их разрушительные последствия (засуха, наводнение и т.д.), приписывали эти действия каким-то сверхъестественным силам. Ввиду невысокого уровня развития производительных сил, примитивных общественных отношений, низкой культуры и неразвитого самосознания, первобытные люди не могли создать себе соответствующие условия для нормальной, истинно человеческой жизни. Поэтому они изобретали мифы о каких-то могущественных силах, способных помочь им преодолеть встречающиеся опасности и бедствия на их жизненном пути. Они создавали образы героев, сильных и добрых, всегда приходящих на помощь бедным.

Первобытные люди подчинялись различным культам: явлениям природы (солнцу, огню), растениям, животным. Постепенно в общественной жизни возникает культ вождей. Их авторитет становится непререкаемым, им оказывают безграничное доверие и беспрекословно подчиняются. В первобытном обществе, как известно, не было политических и юридических институтов, призванных регулировать отношения между индивидами и различными социальными группами. В качестве такого главного регулятора выступали обычаи и традиции, основным хранителем которых считался вождь. К этому следует добавить и то, что в условиях родоплеменного строя роль индивидуального сознания была ничтожна. Главную скрипку играло родовое сознание, которое было ориентировано на вождя.

С.А. Токарев пишет, что «можно разграничить примерно две стадии развития культа вождей, соответствующие этапы перехода от доклассового к классовому общественному строю: если на первом этапе вождь выступает как бы в роли лица общины, ответственного за ее благополучие, и этой цели служат его «сверхъестественные качества», то на втором этапе вождь не ответственное лицо, а деспот-повелитель и его «божественность» есть лишь средство усиления его власти и прославления его личности»[321]. На первом этапе вождь является для всех членов общины олицетворением мужества, храбрости, благородства, честности и справедливости. Он относится ко всем членам рода или племени одинаково. Они ему искренне верят и искренне обожествляют его личность. На втором же этапе такой тотальной веры нет, и авторитет вождя подкрепляется грубой политической силой.

С возникновением государства, созданием бюрократического аппарата и отчуждением власти религиозные представления о культе личности получают еще большую окраску. Государство сосредоточивает в своих руках огромную власть, оно начинает контролировать все сферы общественной жизни. Его деятельность как бы приобретает сверхъестественный характер, особенно когда она персонифицируется в лице монархов, императоров, царей, королей и т.д. Люди думали, что государственных деятелей надо почитать и поклоняться им как богам. Надо сказать, что и сами эти деятели тоже были уверены в своем божественном происхождении. Александр Македонский, как известно, требовал, чтобы его обожествляли.

Согласно легенде, основатель рода Цезаря был внуком самой богини Венеры. Гай Светоний Транквилл пишет, что божественный Юлий «принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре, — он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния ря-

[321] Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 155–156.

дом с богами, место за угощением для богов, жреца, новых луперков, название месяца по его имени...»[322].

Римляне очень тяжело переживали убийство Цезаря, потому что они его считали своим покровителем, символом справедливости и чести. «Тотчас после погребения, — сообщает Гай Светоний Транквилл, — народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия. Его с трудом удержали, но, встретив по пути Гельвия Цинну, народ убил его, спутав по имени с Корнелием Цинной, которого искали за его произнесенную накануне в собрании речь против Цезаря; голову Цинны надели на копье и носили по улице. Впоследствии народ воздвиг на форуме колонну из цельного нумидийского мрамора, около двадцати футов вышины, с надписью «Отцу отечества». У подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря»[323]. Но не один Юлий Цезарь считался божественным. Божественными были и другие из рода цезарей: Август, Веспасиан, Тит и Клавдий.

Античный мир (Греция и Рим) создает собственных богов, покровительствовавших тем или иным сферам жизни. Зевс, например, правил небом и Землей. Посейдон — морем, Аид — подземным царством, Аполлон покровительствовал наукам и искусствам, Деметра давал всему рост на Земле и т.д. Боги живут земной жизнью, страдают и радуются так же, как люди, им присущи все человеческие достоинства и слабости. Вспомним «Метаморфозу» замечательного римского поэта Овидия. В этом произведении изображена жизнь не только людей, но и богов, наделенных человеческими качествами. Вот как он описывает возникновение мира:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю

[322] Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. С. 43–44.
[323] Там же. С. 49.

Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразуясь, приняла людей небылые обличья[324].

А еще раньше о земной жизни богов писал Аристотель: «И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди — отчасти и теперь, а отчасти и в древнейшие времена управлялись царями и так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов»[325].

Переход к феодальному способу производства не уничтожает харизматические представления о государственной власти, хотя они претерпевают существенные изменения в том смысле, что власть имущие, как правило, во всяком случае официально, больше не обожествлялись. Но религиозная окраска власти не исчезает. Наоборот, такие мировые религии, как христианство и ислам, придали ей большую «законность». Они сами заняли доминирующее положение в идеологической жизни феодальных государств. Вообще европейская культура была подчинена церкви, а философия превратилась в служанку теологии, что, конечно, не значит, что ничего ценного и интересного не создавалось.

Государство и церковь за редким исключением выступали с единых позиций и защищали друг друга. Церковь освящала власть королей, монархов и тиранов и т.д., считала незыблемыми существующие социальные и политические институты, данные с ее точки зрения от бога. Библейские изречения часто использовались для укрепления власти правителей. Подданным говорили, что не следует уподобляться язычникам, «ибо знает Отец ваш, в чем вы имеет нужду, прежде вашего прошения у Него»[326].

В эпоху феодализма господствуют монархические формы правления, сущностью которых является концентрация и централизация власти в руках монарха, единолично правившего государством. От его воли и желаний

---

[324] Овидий Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М, 1983. С. 378.
[325] Аристотель. Соч. Т. 4. С. 378.
[326] Евангелие от Матфея, VI, 8.

во многом зависела судьба общества и людей. Очень важную роль играли личные связи и внеэкономическое принуждение. Главной задачей идеологии считалось воспитание граждан в духе преданности монарху. Таким образом, в условиях феодализма культовое сознание все больше и больше укрепляется. В философии истории складывается твердое убеждение в том, что люди, находящиеся на вершине власти, творят мировую историю и поэтому расцвет или упадок государства целиком и полностью зависит от них. Английский мыслитель прошлого века Т.Карлейль писал, что «всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть в сущности история великих людей, трудившихся на земле»[327].

Гносеологические корни такого понимания исторического процесса заключаются, во-первых, в заимствовании религиозного представления о культе правителей и господстве культового сознания; во-вторых, в абсолютизации роли личности в истории, о чем я уже выше говорил; в-третьих, история рассматривается как дискретный процесс, в котором прошлое, настоящее и будущее полностью оторваны друг от друга. Когда к власти приходит новый правитель, он как бы заново начинает историю. И поскольку власть имела вид перевернутой пирамиды, то смерть или смещение верховного руководителя играла в жизни общества решающую роль. Люди не знали, как сложится их судьба, как поведет себя новый глава государства, какие порядки он установит. И вовсе не случайно, что многие противники режима его свержение связывали с физическим уничтожением руководителей верхнего эшелона власти. В России, например, ненавидели императора Павла I и убили его. Вступление Александра I на престол «возбудило в русском, преимущественно дворянском, обществе самый шумный восторг; предшествующее царствование для этого общества было строгим великим постом»[328].

С возникновением капиталистического способа производства господству культового сознания наносится сильный удар, хотя, конечно, оно полностью не исчезает.

---

[327] Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С. 22.

[328] Ключевский В.О. Соч. Т. 5, Ч. 5. С. 194.

Буржуазия разрушила феодальные общественные отношения, сковывавшие инициативу людей, сословные привилегии, провозгласила принцип laisser-faire, laisser-passer (делай, что хочешь), лозунги свободного предпринимательства, формального равенства всех перед законом. Вместо культа вождей, правителей она выдвинула культ денег. Именно при капитализме появляется товарный фетишизм, тайну которого Маркс раскрыл в «Капитале». Он отмечал, что товар — «это вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений»[329]. Мистический характер товара порождается не его потребительной стоимостью и не его стоимостью, а общественным характером труда, системой буржуазных общественных отношений.

Капитализм формирует особый тип характера личности, который Фромм назвал рыночным. Рыночный характер вынужден постоянно приспосабливаться к новым условиям жизни, искать возможности выхода из тупиковой ситуации, иначе можно не выдержать конкуренцию и в конце концов оказаться на дне общества. Рыночный характер не признает культ президентов и премьер-министров. Для него главное — максимальная эффективность производства. Так, абсолютный культ личности заменяется абсолютным культом товаров.

Буржуазия совершает революционные преобразования не только в экономике, но и в сфере надстройки. Формирование буржуазной надстройки, как и базиса, — процесс довольно длительный, занявший сотни лет. Начало капиталистической эры относится к XVI столетию, хотя ее зачатки появились уже в XIV веке. Буржуазии пришлось бороться не только за экономическое, но и политическое господство, о чем свидетельствуют революции XVII — XIX веков. Там, где эта борьба закончилась победой буржуазии, была полностью ликвидирована политическая надстройка феодализма. Там, где революция закончилась перемирием, остались элементы прежней политической надстройки. В тех странах, где капиталистический способ производства победил путем длительной эволюции, тоже сохранились остатки феодальной над-

[329] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 80–81.

стройки. Но в современных буржуазных государствах элементы феодальной надстройки не играют существенной роли в общественной жизни. Так, Япония до сих пор является конституционной монархией, где власть императора имеет «божественный» характер. Но императору, несмотря на «божественность» его происхождения и на то, что он является символом единства нации, не принадлежит абсолютная власть, как это было при феодализме. В Японии функционирует парламент со всеми присущими демократии атрибутами.

Буржуазия создает универсальное правовое государство, юридическим законам и нормам которого все обязаны подчиняться, начиная от главы государства и кончая рядовым гражданином. Конечно, отсюда не следует, что в условиях капиталистической системы все до единого соблюдают принятые законы, ибо практика показывает, что имущие люди фактически имеют больше прав, чем неимущие, так как у первых больше возможностей влиять на принятие тех или иных законов и на их реализацию.

В докапиталистических классовых обществах существовали правовые нормы и законы, которые регулировали взаимоотношения между гражданами. Но право не носило универсального характера, поскольку граждане в зависимости от их сословного происхождения пользовались различными правами. Дворяне, например, входили в высшие слои общества и имели огромные привилегии, тогда как крестьяне были лишены элементарных прав. Что же касается верхних кругов власти (монархов, царей и т.д.), то они, по существу, никогда не соблюдали принятых законов, и не потому, что они этого не хотели, а прежде всего потому, что таковы были традиции, порядки, принципы, общественное сознание, за пределы которых они сами не могли выйти.

Буржуазная надстройка — это целый комплекс социальных и политических институтов, политических партий, различных общественных организаций и учреждений. Характерная черта этой надстройки — плюрализм мнений, мыслей, теоретических концепций, идеологических и политических течений, играющих разную роль в обществе в зависимости от влияния и финансовых возможностей, хотя мысли господствующего класса (буржуа-

зии) являются господствующими мыслями. И средства массовой информации распространяют в первую очередь мысли господствующего класса, потому что они находятся на его содержании.

Капитализм по сравнению с феодализмом открывает широкие просторы для духовного производства. Он раскрепощает человеческую мысль, дает ей возможность развиваться и ошибаться, ибо не только в спорах рождается истина, но и ошибки часто помогают найти истину. Ведь это не случайно, что генезис буржуазного способа производства по времени совпадает с эпохой Ренессанса. Именно тогда появляется литература, распространявшая гуманистические идеалы и ценности. Невиданного расцвета достигло искусство. Картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Дюрера и других великих живописцев представляют вершину мировой духовной культуры. Не миновал Ренессанс и философию, превращенную до этого в служанку теологии. Она стала освобождаться от религиозной скорлупы и вновь, как и в античности, обратилась к человеку, к гуманистической проблематике. Новая философия — это философия человека. Мыслители стали выяснять сущность человека, его природу и происхождение.

Итак, капиталистическая общественно-экономическая формация коренным образом отличается от всех предыдущих формаций. Ей культ личности имманентно не присущ, т.е. он не вытекает из внутренней природы общества. Отсюда вовсе не следует, что при буржуазном способе производства исключается культ личности. Нет, как свидетельствует история капитализма, культ личности там может быть, но это случайность, а не целесообразность и необходимость. Что касается культового сознания, то оно сохраняется, хотя претерпевает существенные изменения.

Культ личности в условиях капитализма появляется тогда, когда складываются особые, исключительные обстоятельства во всех сферах общественной жизни, часто вызываемые поражением в войнах, когда люди чувствуют безысходность своего положения, не уверены в завтрашнем дне, испытывают чувство неполноценности и готовы отдать свою судьбу любому политическому лидеру с харизматическими свойствами и «железной рукой», стре-

мящемуся к наведению порядка в стране и к установлению «железной дисциплины». И даже когда он превращается в диктатора, все равно люди ему верят и надеются на него. Исключительный культ был у Наполеона Первого. Шатобриан, например, очень не доволен тем, что французы Наполеона обожествляют. Был культ и у Де Голля.

Здесь надо подчеркнуть, что всякий культ так или иначе связан с диктатурой, но не всякий диктатор имеет культ.

Но вернемся к «нормальному» капитализму. Этот капитализм исключает культ личности, для которого, как уже отмечалось, характерна слепая вера в суверена и беспрекословное ему повиновение. Вместо культа деятели, соблюдающие правовые нормы и принципы и руководствующиеся в своей работе гуманистическими идеалами, государственными и общественными интересами, пользуются огромным авторитетом и популярностью.

«Нормальный» капитализм готовит почву для социализма. Обычно под почвой подразумевали только материальные предпосылки (высокий уровень производительных сил, материально-техническую базу и т.д.). Безусловно, они имеют решающее значение, но почва к ним не сводится. Почва — это и определенная зрелость буржуазной надстройки, когда ее элементы достигают «классической» формы, это и высокое самосознание, высокий уровень политической культуры, предполагающей осознание своей гражданской ответственности и уважение законов. Почва — это освобождение от преклонения перед культом, это понимание народом своего места и роли в истории вообще и в данной стране в частности. Народ сам должен понимать необходимость изменений буржуазных общественных отношений, он же должен сознавать, что нельзя бездумно и бездушно разрушать старое, что без прошлого нет настоящего и что необходимо сохранить все положительное, оставленное предыдущими поколениями. И когда нет никакой готовой почвы для социализма, неизбежен культ личности.

Рассмотрение культа личности неизбежно предполагает обращение к общественным идеалам. Дело в том, что в идеале индивид, с одной стороны, выражает свое кри-

тическое отношение к действительности, а с другой — стремится изменить эту действительность так, чтобы она соответствовала его представлениям о лучшем мире. Люди сами себе создают идеалы. Они не могут без них жить, так как стремление к идеалу толкает их на преобразование социальных порядков и институтов, на создание необходимых условий для проявления сущностных сил человека, на лучшее удовлетворение своих материальных и духовных потребностей. Конечно, идеалы никогда не совпадают с реальностью, но тем не менее они как бы облегчают жизнь людей, не лишают их надежды на лучшее будущее.

Но люди нуждаются не в абстрактных, а в конкретных идеалах. Конкретный же идеал должен иметь своего носителя. Отсюда следует, что люди связывают свои идеалы с конкретными их носителями, в роли которых могут выступать и индивиды (идеал любви, например), но чаще всего выступают различные культы. Это имело место в политеизме, но особенно проявляется в монотеизме. Христос, Магомет — конкретные носители идеалов беднейших слоев общества. Христианство, как известно, возникло как движение угнетенных масс, покоренных и рассеянных Римской империей. Иисус проповедовал любовь к ближнему, к бедным и нищим и осуждал богатство. Он говорил: «Когда созываешь гостей, приглашай к себе бедных и увечных, хромых и слепых, и благословен будешь, ибо нет у них средств, чтобы вознаградить тебя в ответ»[330].

После победы буржуазных общественных отношений конкретный идеал не исчезает, а становится «ближе», конкретнее и понятнее. Каждый человек формально свободен, волен делать, что хочет, а хочет он делать деньги, а деньги — это богатство, а богатство — это жить хорошо, а хорошо жить — это идеал. Поэтому деньги становятся как бы носителем общественного идеала. Что же касается религиозных идеалов, то они не исчезают, но отходят на второй план, их почитают по традиции. Для эпохи капитализма характерна, по меткому выражению Фромма, «индустриальная религия», которая «низводит людей до

[330] Новый завет. М., 1990. С. 103.

положения слуг экономики и созданных их же руками машин»[331].

Когда переход к социализму совершается в отсталых странах, где буржуазные отношения не получили достаточно широкого развития, где господствует многоукладная экономическая система, где нет политического плюрализма, где право не приобрело универсального характера, где низок уровень политической культуры и самосознания народа, то в этих странах культ личности неизбежен и даже целесообразен. Он вытекает из внутренней природы такого социализма, потому что массы, которым обещают осуществление их идеалов, не могут не верить слепо своим вождям, так как в силу низкой духовной культуры они сами не в состоянии разобраться в сложной сети общественной жизни. Поэтому они видят в вождях конкретных носителей идеалов — идеалов равенства, справедливости и свободы. Они им верят, наделяют их харизматическими чертами, возлагают на них все свои надежды, искренне думают, что вожди работают на их благо, слагают в честь вождей песни и всегда демонстрируют готовность по их призыву преодолеть любые трудности и лишения, трудиться самоотверженно и с полной отдачей сил. Те же, кто сомневается в действиях вождей, объявляются еретиками, подвергаются остракизму и строгому наказанию, хотя надо отметить, что сами нередко проповедовали культ вождей.

Итак, культ личности возник исторически в тех социальных системах, где были неразвиты общественные отношения, где право не приобрело универсального характера и где самосознание каждого индивида, а также народа находилось на низком уровне. Он им внутренне присущ, хотя претерпевает различные трансформации по мере продвижения человеческого общества по пути социального прогресса и свободы.

Могут возразить, что в любом обществе имеются различные альтернативы и что поэтому можно избежать культа личности. Альтернативы, конечно, всегда есть, но они существуют в рамках данной системы и не нарушают ее внутренней логики. Конечно, людям всегда хочется

[331] Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 151.

избежать трудностей, не делать ошибок, совершать такие действия, которые все время приносили бы пользу. Однако драматизм истории состоит в том, что она не поддается «корректировке» по нашему желанию. Мы сами несем ответственность за трагические страницы своей истории. Мы часто повторяем ошибки своих предшественников, хотя можно было бы их избежать.

Ни одна альтернатива не нарушает внутренней логики исторического процесса, и там, где неизбежен культ личности, никакая альтернатива не поможет. Культ одной личности можно заменить культом другой личности, более гуманной, более культурной, более интеллигентной, или наоборот, но это все равно культ. Вольтер говорил, что если бы не было Бога, то его следовало бы выдумать. Перефразируя эти слова французского мыслителя, можно сказать, что если бы не было культа, то его следовало бы выдумать.

В тех социальных системах, где высок уровень экономических отношений, где существует разветвленная сеть социальных, политических и других институтов и учреждений, где функционирует универсальное право, где имеется политический плюрализм и развита политическая культура, где человек свободно выражает свои мысли, где все общественные механизмы стабильны, культ личности не может вытекать из внутренней природы этих систем и чужд им, хотя может появиться как случайное явление.

Можно ли преодолеть культ личности вообще? Сложный вопрос и ответ не менее сложен. Я уже говорил о том, что в стабильном и высокоразвитом демократическом государстве культ личности исключается, хотя случайно может появиться. Но специфика истории заключается как раз в том, что стабильности в ней не так часто встречаются. Если взять каждый социальный организм в отдельности и проанализировать его всесторонне, то обнаружится, что его развитие носит скачкообразный характер. Бывают периоды, когда после расцвета наступает упадок общества. Оно стремится выйти из кризисного состояния и в это время крайне нуждается в личностях с харизматическими свойствами, способными организовать и возглавить народные массы для преодоления кризиса, выхода общества на нормальный путь развития и повы-

шения жизненного уровня людей. Такие личности обязательно появляются, массы им полностью доверяют, создают им культ, готовы идти вместе с ними, порою не задумываясь, в огонь и в воду. Как пишет Фромм, «человек по своему происхождению стадное животное. Его действия определяются импульсом следовать за вождем и держаться животных, которые его окружают[332]». Человек нуждается в вожде, потому что часть забот автоматически передается ему (как верующий вверяет свою судьбу богу) и тем самым человек как бы освобождает себя от огромной ответственности за собственное будущее и за будущее своих близких. Можно сказать, что он добровольно сдается тому, кто хочет его осчастливить. А в роли благодетелей могут выступать не только истинные защитники его интересов, но и псевдолидеры, которым тоже верят массы, ибо они устают от жизненных неурядиц и готовы всегда подчиниться любому мнимому вождю-популисту. Они создают культ как настоящим, так и псевдолидерам.

К критическому периоду истории относится и война как организованная вооруженная борьба между двумя государствами или группами государств. Она требует концентрации всех сил, смелых, быстрых и решительных действий, умения оценивать оперативно и безошибочно обстановку и принимать наиболее оптимальные решения. Такие качества свойственны полководцам с харизматическими чертами, которым солдаты бесконечно верят. В войну психологическое напряжение очень велико, все живут в чрезвычайных условиях, и очень важно, чтобы воины верили своим полководцам, их приказы выполняли не столько по принуждению, сколько по убеждению. Они должны быть уверены в том, что их командир принимает верные решения и что с ним победа обеспечена.

Культовое сознание, как уже отмечалось, связано с религией. Религия как одна из форм общественного сознания представляет собой мировоззрение людей, глубоко верующих в сверхъестественные силы. В прежние времена утверждалось, что вместе с изменением общественных отношений, с улучшением материального положения люди перестанут верить в бога и перейдут на позиции ате-

[332] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 181.

изма. Иными словами, надеялись построить абсолютно атеистическое общество. Это был наивный взгляд на религию — важнейший мировоззренческий феномен. Можно сказать, что от материального положения людей во многом зависит влияние религий и религиозного мировоззрения. Человек, постоянно озабоченный поисками пищи и крыши над головой, легко поддается влиянию религии, так как надеется, что бог ему в конечном счете поможет. Он начинает обращаться к знахарям, гадалкам, хиромантам и т.д. Но если даже всех людей сделать зажиточными и богатыми, религиозное сознание все равно не исчезнет. Более того, оно не исчезнет и тогда, когда даже все члены общества получат высшее образование. Хорошо известно, что многие выдающиеся ученые были верующими.

Не следует забывать и то, что человек — единственное животное, осознающее конечность своего существования, свою смерть. Рассел писал, что инстинкт страха перед смертью является наиболее важной человеческой эмоцией. Но, рано или поздно, человек должен уйти в мир иной, и ему хочется верить в загробную жизнь, а такую веру ему обеспечивает религия. Следовательно, при исследовании религии необходимо обращаться не только к социальным истокам религиозного сознания, но и к самому человеку, к его психике. Фромм пишет: «В современном человеке скрыто множество индивидуализированных примитивных форм религии. Многие из них называют неврозами, но с тем же успехом можно дать им религиозные имена: культ предков, тотемизм, фетишизм, ритуализм, культ чистоты и т.д.»[333]. Он приводит пример, связанный с культом предков. Молодая девушка так обожала своего отца, что все свободное время проводила с ним и после его смерти покончила с собой. В завещании же просила, чтобы ее похоронили рядом с отцом. Таким образом, культ проявляется не только в отношении тех или иных исторических личностей, выдающихся или просто популярных деятелей науки, литературы и искусства, но и в отношении близких людей.

---

[333] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 163.

Культовый феномен связан и с идеалами, к которым стремится индивид. У каждого человека есть определенные идеалы жизни, являющиеся для него неким комплексом ценностей, которые он пытается воплотить, к которым он стремится. В качестве идеала могут выступать и известные личности, добившиеся определенных успехов в той или иной сфере общественной жизни. Часто молодые люди делают из них идолов, преклоняются им и стремятся походить на них, потому что не сомневаются в абсолютном совершенстве своих идеалов. И даже когда происходит крушение идола, они все равно делают из него культ.

Гносеологические корни культового сознания заключаются в том, что окружающий человека природный и социальный мир очень сложен и противоречив. Сознание индивида отражает его в целом верно, иначе человек не смог бы просто выжить, создавать материальные и духовные ценности. Но, во-первых, отражение носит приблизительный характер, о чем свидетельствуют различные описания людьми увиденного ими материального объекта. Во-вторых, человек не только отражает объективный мир, но и в процессе своей деятельности изменяет его. И он сталкивается с определенными трудностями, не видя возможностей их разрешения, начинает искать силы, которые помогли бы ему преодолеть эти трудности. Эти силы, как правило, оказываются сверхъестественными, для которых не существует никаких преград. Другими словами, человек в религии всегда находит надежду и утешение, и обращается к ней тогда, когда в ходе своей практической деятельности встречается с опасностями и чувствует свое бессилие перед ними. Часто культ действительно приходит к нему на помощь в том смысле, что человек, опираясь на него, становится более решительным и смелым, что позволяет ему преодолеть встретившиеся опасности.

Но человек всегда в процессе создания общественного богатства будет приходить в соприкосновение с окружающим его миром, он будет его и осваивать, и познавать. Естественно, что он снова столкнется с трудностями, что опять его вынудит обратиться к культу, к сверхъестественным силам и искать у них помощи. Иначе гово-

ря, пока жив человек со своими заботами и тревогами, культовое сознание как социальный и культурологический феномен будет существовать. И каких бы высот цивилизации общество не достигло, в нем всегда неизбежно будет присутствовать культ либо политический, либо религиозный, либо какой-нибудь другой.

5. Роль самосознания народа в историческом процессе

Понятие самосознания применяется к личности, классу, народу. Под самосознанием в широком смысле слова подразумевается осознание субъектом своих интересов и идеалов, своего места и роли в истории, обществе. Скажем, чем выше самосознание личности, тем больше она осознает необходимость совершать такие действия, которые приумножали бы общественное богатство, ее личное благополучие и благополучие всех остальных.

Индивид, довольный своим рабским положением, лишен самосознания. Обладающий высоким самосознанием человек понимает, что он человек и как таковой не может довольствоваться достигнутым, и поэтому стремится к изменению и улучшению окружающей социальной действительности. Он готов постоять за себя, защитить свое человеческое достоинство, занимать активную жизненную и гражданскую позицию. Он ясно сознает, что нельзя мириться с явлениями, которые тормозят развитие общества, мешают всем вести нормальный образ жизни. Он чувствует свою ответственность перед самим собой, перед близкими и обществом.

Под самосознанием народа понимается осознание народом своей роли и места в историческом процессе вообще, в данной стране в частности. В первом случае понятие самосознания народа берется в широком смысле, во втором — в узком. А под самосознанием класса подразумевается осознание классом своего места и своей роли как в историческом процессе, так и в обществе.

Самосознание личности, класса и народа взаимосвязаны. Чем выше самосознание народа, тем выше самосознание индивида и класса. А уровень самосознания народа зависит от общего материального и духовного

уровня данного общества, данной цивилизации, от его менталитета, способности сохранять и умножать традиции, обычаи, вообще все культурные ценности. Народ, ломающий, вернее, разрушающий перманентно свои веками сложившиеся традиции, отвергающий свою собственную историю и переписывающий ее заново после каждого политического переворота, не имеет высокого самосознания. Такой народ легко теряет все то, что имел.

Самосознание народа и историческое сознание непосредственно связаны. Историческое сознание есть осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим. Окружающий человека чувственный мир, как писали Маркс и Энгельс, не есть раз навсегда данный мир, а представляет собой «исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй»[334]. Изменения общественных отношений возможны лишь при условии, если новое поколение, проникнутое духом исторического сознания, понимает необходимость таких изменений. Оно должно понимать, что все измерения времени (прошлое, настоящее и будущее) неразрывно связаны.

Историческое сознание не есть особая форма общественного сознания. Оно — неотъемлемая часть всех форм общественного сознания. Анализ философского сознания, например, немыслим в отрыве от исследования исторического сознания, поскольку возникновение философии связано с размышлениями человека о природе, обществе и о самом себе. Он задумывался над вопросами окружающего мира и давал на них ответы. Это в свою очередь у нового поколения побуждало интерес к прошлому. Понимая практическую важность идущего из прошлого опыта, люди передавали друг другу то положительное, что накапливалось веками. Так у них формировалось сознание об историческом прошлом, что уже означало начало проявления философского сознания.

---

[334] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 42.

Можно выделить три уровня исторического сознания. На первом уровне человек непосредственно встречается с историей. Любой, даже если он не всегда это осознает, сталкивается с историей как через духовную культуру (воспоминания о прошлом, соблюдение традиций, знакомство с исторической литературой и т.д.), так и через материальную культуру (использование переданных прошлыми поколениями производительных сил, изучение памятников архитектуры и т.д.). На втором уровне, можно сказать, мы имеем дело с собственно историческим сознанием, когда у нас складывается определенная система знаний о прошлом. На третьем уровне совершается теоретическое осмысление исторического прошлого. Именно на этом уровне начинается формирование аутентичного самосознания народа.

К изучению самосознания народа надо, как, впрочем, к исследованию любого явления, подходить исторически. Прослеживая этапы становления самосознания народа, можно заметить, что на низших ступенях общественного развития самосознание как таковое не выделялось. В первобытную эпоху, например, у рода или племени было низкое самосознание, поскольку собственно социальные связи не играли доминирующей роли, а без этого реальное самосознание не может возникнуть. Но уже в эпоху рабства резко возрастает самосознание народа, появляются так называемые исторические народы, которые вносят колоссальный вклад в мировую культуру. Ясперс писал, что «все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые — исторические народы, вторые — народы первобытные»[335].

Еще больше возрастает роль самосознания народа в последующие эпохи, когда все народы начали творить единую мировую историю. Здесь важно иметь в виду, что каждый народ является носителем уникальной и неповторимой культуры, но не каждый народ вносит одинаковый вклад в единую мировую культуру. Исторически так сложилось, что, как правило, более многочисленные народы играют большую роль в мировой истории, так

[335] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991. С. 98.

как они имеют больше экономических, политических, культурных и других возможностей. И от их самосознания во многом зависит их отношение не только к общественным ценностям, но и к малым народам. Они должны быть более великодушными и оказывать им поддержку в развитии и сохранении их культурных и иных традиций. В свою очередь малые народы должны понимать, что в силу тех же исторических обстоятельств они не могут претендовать в истории на ту роль, которая отведена большим народам, надо помнить, что амбициозность мешает не только человеку, но и народу. Поэтому нельзя черной завистью завидовать большим народам и тянуться за ними, а нужно в меру своих возможностей вносить скромную лепту в сокровищницу мировой культуры. А это во многом определяется уровнем их самосознания. Народ без самосознания не есть народ, а толпа. Народ с высоким самосознанием стремится к тому, чтобы сохранить традиции, культуру, материальные и духовные ценности, иметь гуманные отношения со всеми народами, обогащать новыми достижениями мировую цивилизацию.